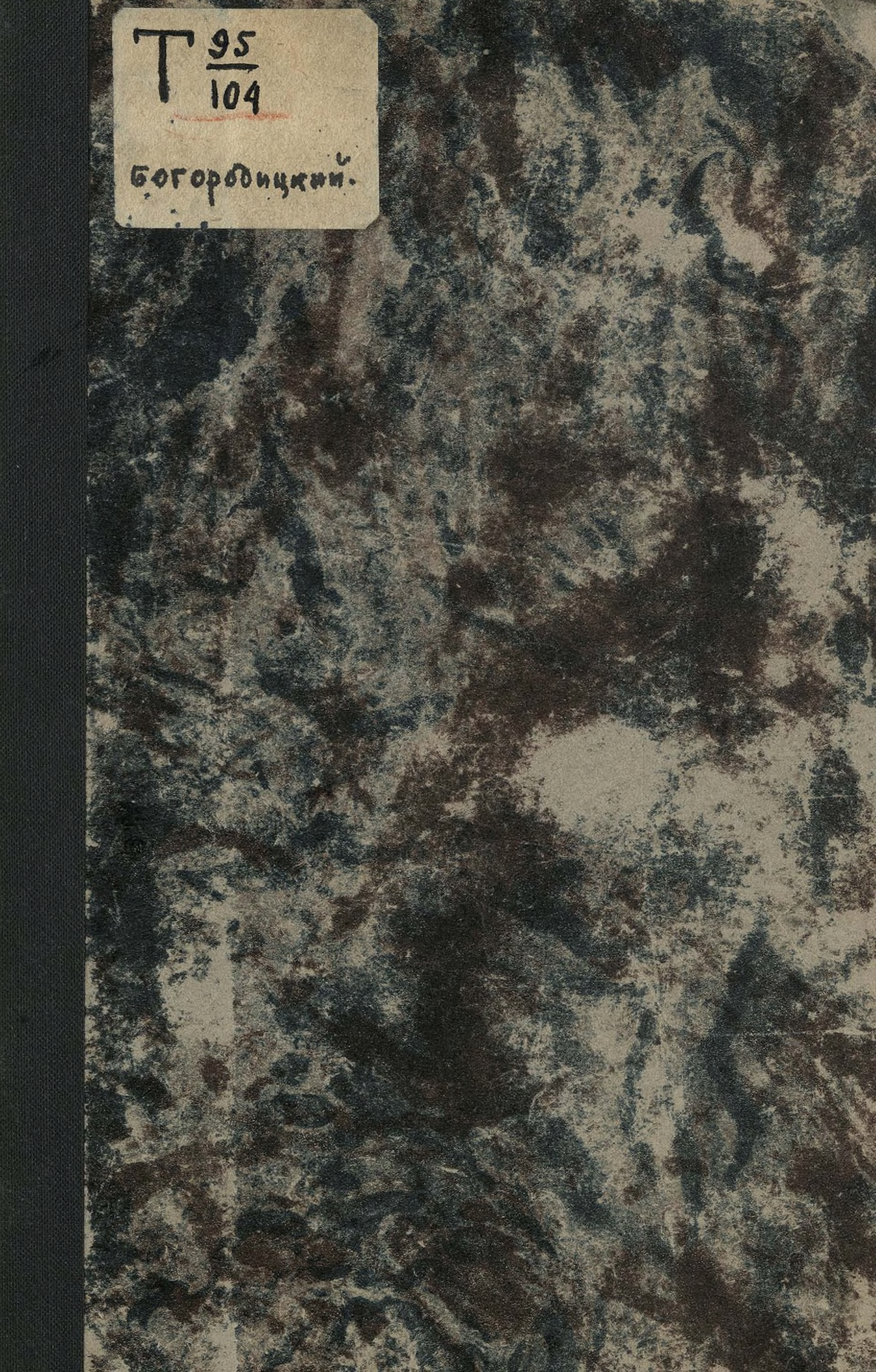
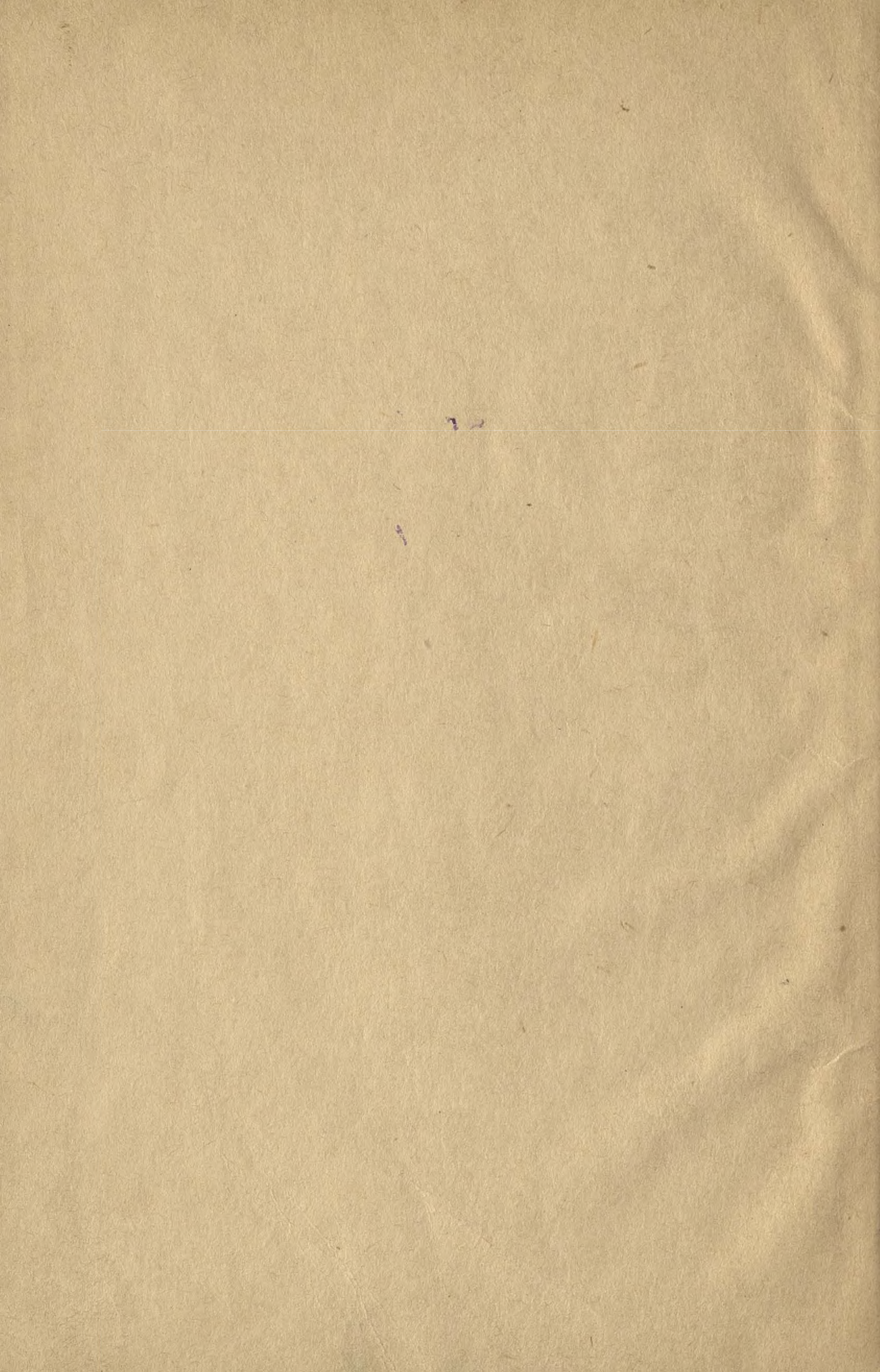
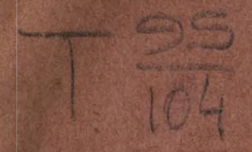

В. А. Богородицкій,
заслуж. орд. проф. Казанскаго Университета.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
аріо-европейскихъ языковъ.

Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное.

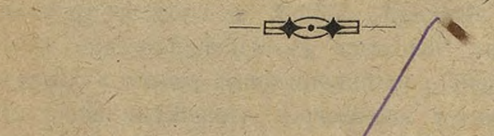

КАЗАНЬ,
Типо-литографія Университета.
1917.

В. А. Богородицкій,
заслуж. орд. проф. Казанскаго Университета.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ аріо-европейскихъ языковъ.

Изданіе 2-ое, исправленное и значительно дополненное.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Университета.
1917.

Предисловіе.

Издавая свой Краткій очеркъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ, я имѣлъ въ виду удовлетворить настоятельной потребности университетскихъ слушателей въ краткомъ и доступномъ по изложенію руководствѣ по данной, далеко не легкой, дисциплинѣ, которое, хотя бы и вкратцѣ, но охватывало бы по возможности всѣ существенные вопросы сравнительной грамматики нашего языкового семейства. Правда, въ русской научной литературѣ имѣется прекрасный трудъ парижскаго профессора A. Meillet „Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ" (въ переводѣ проф. Кудрявскаго), а также содержательный „Очеркъ сравнительной фонетики древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго и старо-славянскаго" проф. Поржезинскаго, но оба эти сочиненія представляютъ довольно значительныя трудности для начинающихъ, первое по своей сложности (такъ какъ разсматриваетъ явленія по всѣмъ аріо-европейскимъ языкамъ), а второе вслѣдствіе крайней сжатости изложенія. Въ виду сказаннаго, я въ своей книгѣ, при всей ея краткости, старался не ограничиваться догматическимъ приведеніемъ важнѣйшихъ ея положеній, но по возможности обосновывать и мотивировать эти послѣднія. При этомъ я остановился съ большею подробностью на сравнительной морфологіи, отдѣлъ же фонетики сократилъ до минимальныхъ размѣровъ, имѣя въ виду свой начатый ранѣе и болѣе обстоятельный трудъ—„Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ" (пока вышелъ только вып. 1-ый, 1914 г.).

Такимъ образомъ, предлагая настоящую книгу, авторъ надѣялся, что она облегчитъ учащимся прохожденіе универси-

тетскаго курса сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ и кромѣ того подготовитъ ихъ къ чтенію болѣе обширныхъ и болѣе сложныхъ сочиненій, позволяя имъ въ то же время сознательно разбираться въ отдѣльныхъ научныхъ мнѣніяхъ. Въ настоящемъ изданіи, по сравненію съ предшествующимъ помимо многочисленныхъ мелкихъ исправленій и дополненій, я ввелъ въ фонетику особую главу по характеристикѣ природы аріо-европейскаго ударенія и его развитія, а разсмотрѣніе соотносительной хронологіи фонетическихъ процессовъ расширилъ греческою вѣтвью, въ морфологіи я отвелъ видное мѣсто вопросамъ интонаціи падежныхъ окончаній, склоненіе дополнилъ обзоромъ основъ на -ĭ̄- и -ŭ̆-, а глаголъ—анализомъ семазіологическихъ его категорій въ связи съ ихъ обозначеніемъ. Предполагая и въ послѣдующихъ изданіяхъ расширять и исправлять настоящій трудъ, что является безъ сомнѣнія существенно необходимымъ для учебнаго пособія, авторъ приметъ съ благодарностью всѣ указанія критики, которыя могутъ способствовать этой цѣли.

Авторъ.

Опечатки.

На стр. 136 (10-ая строка сверху) вм. taĭ должно стоять tē̆.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Фонетика.

Сравнительная фонетика имѣетъ своею задачею установить законы звуковыхъ соотвѣтствій между родственными языками, что достигается путемъ сопоставленія родственныхъ словъ въ этихъ языкахъ; затѣмъ на основаніи добытыхъ соотвѣтствій возсоздается гипотетически, какъ исходный для нихъ пунктъ, звуковое состояніе праязыка даннаго семейства. Но въ виду того, что, слѣдуя такому плану изложенія, мы вышли бы далеко за предѣлы нашего очерка, мы принуждены обратиться къ нѣсколько упрощенному пріему изложенія, а именно: принимая за основаніе добытыя уже наукой данныя о звуковомъ составѣ нашего праязыка, будемъ показывать отраженія или рефлексы его звуковъ въ нѣкоторыхъ языкахъ-потомкахъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе обратимъ на санскритъ, греческій, латинскій и старо-славянскій. Такъ какъ фонетика, соотвѣтственно основному дѣленію звуковъ на гласные и согласные, распадается на ученіе о вокализмѣ и консонантизмѣ, то и мы подраздѣлимъ свое изложеніе на эти два отдѣла. [1])

---

[1]) О произношеніи санскритскихъ начертаній замѣтимъ, что скт. *c* произносится какъ рус. *ч*; *j*=*д͡ж*; *ç*=*ш'* или польск. ś; *y*=*й* (j); *h*=γ (какъ рус. *г* въ словѣ «*благо*»); *ḥ*=греч. ʽ (т. е. звукъ густого придыханія); *bh*=bʽ и т. д.; въ литовскихъ словахъ начертаніе *ė* служитъ для обозначенія долгаго закрытаго *e*, начертаніе *ë* выражаетъ дифтонгъ i͡e, ů—дифтонгъ u͡o, а буква *y*=ī, знакъ ~ обозначаетъ восходящее удареніе, а знакъ ʹ обозначаетъ нисходящее, при чемъ эти виды ударенія различаются лишь на

Вокализмъ.

Первоначальная краткая тріада средне-широкихъ гласныхъ.

Сравнительная фонетика установила, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные и дифтонги. Простые гласные аріо-европейскаго праязыка мы подраздѣлимъ на средне-широкіе *е, *о, *а и узкіе *i и *u; по длительности они могли быть краткими и долгими. Что касается дифтонговъ, то они обычно состояли изъ средне-широкаго гласнаго съ послѣдующимъ полугласнымъ i̯ или u̯, [1]) при чемъ первый компонентъ могъ быть какъ крат-

---

долгихъ слогахъ, тогда какъ краткіе слоги могутъ имѣть только одно удареніе, обозначаемое знакомъ `. Праязыковые символы k̂ и ĝ обозначаютъ передніе *k* и *g* (т. е. нѣсколько палятальные). Сокращенія въ названіи языковъ, допущенныя въ очеркѣ: скт.=санскритъ, авест.=языкъ авесты, др.-перс.=древне-персидскій, греч.=греческій, лат.=латинскій, кельт.=кельтскій, гот.=готскій, др.-вхн.=древне-верхненѣмецкій, лит.=литовскій, ст.-сл.=старо-славянскій; ае.=аріо-европейскій; * (звѣздочка)—ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка, напр. ае. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое; ‖ знакъ чередованія; ≠ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.

[1]) Гласные *i* и *u*, входя въ составъ дифтонговъ, не имѣютъ своей полноты, что и обозначается въ транскрипціи небольшою дугою подъ буквою. Однако, основываясь на разнообразіи произношенія дифтонговъ въ современныхъ языкахъ нашего семейства, мы должны сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ этому элементарному представленію. Прежде всего укажемъ, что въ языкахъ, имѣющихъ разные типы ударенія, какъ напр. въ литовскомъ, одинъ и тотъ же дифтонгъ, сопровождаясь неодинаковымъ удареніемъ, будетъ имѣть не тожественное произношеніе; такъ, въ дифтонгѣ *áu* при нисходящемъ удареніи второй (узкій) гласный будетъ ослабленнымъ или—какъ говорятъ—редуцированнымъ: áu̯; но при восходящемъ типѣ ударенія, очевидно, такой редукціи уже не будетъ, напротивъ того—первый (средне-широкій) элементъ будетъ нѣсколько ослабленъ, тогда какъ второй будетъ болѣе замѣтенъ. Кромѣ того, повышеніе тона не всегда соединяется съ усиленіемъ его, равно какъ пониженіе съ ослабленіемъ. Узкій элементъ можетъ занимать и первое мѣсто въ дифтонгѣ; въ такомъ случаѣ получаются уже дифтонги не съуживающіеся, а расширяющіеся, напр. i̯e, u̯o и т. п., въ которыхъ также нужно считаться съ типомъ ударенія.

кимъ, такъ и долгимъ: дифтонги съ первымъ краткимъ компонентомъ встрѣчались чаще по сравненію съ дифтонгами, первый компонентъ которыхъ былъ долгъ. Наконецъ, гласные въ словахъ были ударяемыми и неударенными; сначала мы остановимся на первыхъ.

Прежде всего разсмотримъ отраженіе *краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ* *ĕ, *ŏ, *ă въ аріо-европейскихъ языкахъ. Гласные *ĕ и *ŏ были связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. беру || сборъ, греч. *φέρω* || *φόρος* и т. п., третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія. Приведемъ теперь примѣры отраженія каждаго изъ этихъ трехъ гласныхъ.

*ĕ: скт. bhárāmi „несу" ≠ греч. *φέρω* „несу" ≠ лат. fero ≠ ст.-сл. берѫ. ае. К. *bhĕr-.

скт. váhāmi „веду, везу, ѣду" ≠ авест. vazāmi ≠ греч. (памфил.) *Ϝέχω* ≠ лат. veho ≠ лит. vežù ≠ ст.-сл. везѫ. ае. К. *vĕĝh-.

*ŏ: скт. bhāráḥ *м.* „ноша, бремя" ≠ греч. *φόρος* „бремя, дань, подать" ≠ ст.-сл. -коръ (напр. съборъ). ае. К. *bhŏr-.

скт. vāháḥ *м.* „упряжное животное, повозка" ≠ греч. *ὄχος м.* [1]) „повозка" ≠ ст.-сл. возъ. ае. К. vŏĝh-. [2])

*ă: скт. ájāmi „гоню" ≠ греч. *ἄγω* „веду" ≠ лат. ago „гоню"; скт. ajáḥ „движеніе, ходъ; погонщикъ" ≠ греч. *ἀγός* „полководецъ". [3]) ае. К. *ăĝ-.

---

[1]) Отъ этого слова нужно отличать слово ὄχος «то, что держитъ, вмѣстилище, хранилище», происходящее отъ того же корня, какъ и глаголъ ἔχω «имѣю, держу»; напр. νηῶν ὄχοι «вмѣстилища, хранилища кораблей».

[2]) Этотъ же корень (въ соединеніи однако съ другимъ суффиксальнымъ элементомъ) видимъ въ соврем. *нѣм.* сущ. Wagen *м.* «повозка».

[3]) Приведенные примѣры знакомятъ съ одною особенностью настоящей группы: мы видимъ одинъ и тотъ же гласный въ системѣ настоящаго времени коренного глагола и въ соотвѣтствующемъ существительномъ 2-го

скт. *á*kšaḥ *м.* „ось экипажа" ≠ греч. *ἄξων м.* ≠ лат. *a*xis ≠ соврем. нѣм. *A*chse ≠ лит. *a*šis ≠ ст.-сл. ось. [1]) ае. К. *ăk̂-s-.

Изъ приведенныхъ соотвѣтствій не трудно усмотрѣть, что греческій и латинскій всего лучше сохранили первоначальное различіе краткихъ средне-широкихъ гласныхъ,— въ нихъ ясно различаются рефлексы всѣхъ трехъ гласныхъ, т. е. *ĕ, *ŏ, *ă, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ *ŏ и *ă совпали въ одномъ звукѣ (*о*), а въ санскритѣ различіе почти совсѣмъ стерлось, такъ какъ всѣ три гласные отражаются въ этомъ языкѣ въ видѣ одного гласнаго (*а*). Не ограничиваясь лишь нѣкоторыми языками, а привводя въ изслѣдованіе данныя всѣхъ языковъ-представителей нашего семейства, мы приходимъ къ выводу, что всѣ аріо-европейскіе языки по отношенію къ разсмотрѣнной тріадѣ гласныхъ раздѣляются на три области, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ языковъ географически смежныхъ между собою:

1) *юго-западную* область (вѣтви греческая, италійская и кельтская), которая различаетъ всѣ три гласные *ĕ, *ŏ, *ă;

2) *сѣверо-западную* (вѣтви германская, литовская и славянская), въ которой оба не-палятальные гласные, т. е. *ŏ и *ă, совпали въ одномъ гласномъ, а именно—отражаются въ видѣ *а* въ вѣтвяхъ германской и литовской и въ видѣ *о* въ славянской вѣтви; [2])

склоненія (ср. ἄγω ‖ ἀγός). Здѣсь такимъ образомъ нѣтъ качественнаго чередованія въ вокализмѣ, подобнаго тому, какое мы видѣли между группою первою и второю (φέρω ‖ φόρος).

[1]) Всѣ приведенныя здѣсь слова имѣютъ одинаковое значеніе, но корень распространенъ не одними и тѣми же суффиксальными элементами, въ связи съ чѣмъ находится неодинаковость грамматическаго рода словъ, отчасти и неодинаковость ударенія (ср. скт. ákšaḥ и лит ašis); впрочемъ въ лат., лит. и ст.-сл. соотвѣтствующія слова представляютъ одинаковое образованіе.

[2]) Какъ мы видимъ, въ славянской вѣтви не только *ŏ сохранилось въ видѣ *о*, но и *ă измѣнилось въ тотъ же губной гласный. На первый

3) *юго-восточную* или арійскую (индо-иранскую), въ которой всѣ три гласные совпали въ одномъ гласномъ *a*.

Прежніе изслѣдователи Боппъ и Шлейхеръ принимали арійское *a* за первоначальное аріо-европейское состояніе, европейское же разнообразіе—за вторичное развѣтвленіе, развившееся уже впослѣдствіи. Однако позднѣйшіе изслѣдователи обратили особенное вниманіе на то, что и въ арійскихъ языкахъ имѣются указанія на существовавшее нѣкогда и тамъ различіе тріады средне-широкихъ гласныхъ, а именно: задне-язычные согласные глубокаго ряда смягчаются въ арійской языковой области только передъ *a*, соотвѣтствующимъ европейскому *e* (напр. скт. pácati ≠ ст.-сл. печеть), но не смягчаются передъ *a* изъ *ŏ и *ă; *ŏ представляетъ ту особенность отраженія по сравненію съ *ă, что обычно имѣетъ двоякое отраженіе—не только въ видѣ краткаго *a*, но и долгаго, причемъ краткое *a* является въ закрытыхъ слогахъ, а долгое въ не-конечныхъ открытыхъ. [1]) Впрочемъ теперь это обобщеніе о двоякомъ отраженіи первоначальнаго ае. *ŏ въ арійскомъ

взглядъ это явленіе кажется весьма страннымъ, такъ какъ славянская языковая область представляетъ рядомъ явленіе обратнаго характера, именно утрату лябіализаціи въ случаяхъ *ō=a (δῶρον ≠ даръ), откуда заключаемъ, что измѣненіе средне-широкаго гласнаго *o* въ славянской языковой области имѣло неодинаковое направленіе въ связи съ различіемъ по долготѣ и краткости; въ то же время литовскій, ближайшій родичъ славянскаго, хотя тоже измѣнилъ краткое и долгое праязыковое *o* въ разныхъ направленіяхъ, но въ согласіи съ германскимъ, откуда слѣдуетъ, что сходство въ отраженіи можетъ обусловливаться не только болѣе близкимъ генетическимъ сродствомъ, но кромѣ того и факторомъ географической смежности, благодаря которой языкъ иногда развиваетъ отраженіе одинаковое не съ ближайшимъ родичемъ, а съ другимъ сосѣднимъ языкомъ (срв. ниже объ измѣненіи k → č въ слав. и иранскомъ), а это указываетъ на существованіе близкихъ соприкосновеній между этими языками въ соотвѣтствующую эпоху (конечно, необходимо считаться и съ возможностью независимаго развитія сходныхъ процессовъ въ разныхъ языкахъ просто въ силу сходства вліяющихъ условій).

[1]) Такъ, въ существительномъ bhāráḥ въ корнѣ ā, такъ какъ слогъ открытый, въ окончаніи же -*aḥ*, соотвѣтствующемъ греческому -ος, имѣется краткое *a* вслѣдствіе закрытости слога.

раздѣляется не всѣми учеными; такъ, нѣкоторые ученые, удерживая прежнее обобщеніе объ отраженіи ае. *ŏ въ видѣ краткаго *а* въ закрытыхъ слогахъ, считаютъ отраженіе его въ видѣ долгаго *а* въ открытыхъ не-конечныхъ слогахъ фонетическимъ лишь для положенія передъ сонорными согласными (т. е. плавными и носовыми), случаи долготы *а* передъ прочими согласными объясняя вліяніемъ аналогіи, [1]) другіе же видятъ въ долгомъ *а* въ этихъ случаяхъ отраженіе не краткаго, а долгаго праязыкового гласнаго и такимъ образомъ вовсе отказываются отъ указаннаго вывода о двоякомъ отраженіи *ŏ въ арійскихъ языкахъ. [2]) Убѣдительное доказательство въ пользу существовавшаго *ŏ* въ арійской языковой области я вижу въ случаяхъ замѣнительнаго удлиненія. Такъ, извѣстно изъ санскритской грамматики, что когда слово оканчивается на *-as*, а слѣдующее слово начинается звонкимъ согласнымъ, то вмѣсто *-as* является *-ō*; здѣсь мы должны принять исчезновеніе *s* (*z*) съ замѣнительнымъ удлиненіемъ предшествующаго гласнаго въ *ō*, а этотъ результатъ могъ получиться только изъ *ŏ*, но никакъ не изъ *ă* (гласный ō такого происхожденія находимъ и въ ближайшемъ родичѣ санскрита—языкѣ Авесты или зендскомъ). Аналогичнымъ образомъ доказывается существованіе въ арійскомъ или индо-иранскомъ праязыкѣ гласнаго *ĕ*, срв. скт. ēdhí „будь“ изъ *ĕzdhí←*ĕs-dhí, отъ ае. К. ĕs- „быть“.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ сказанному прибавимъ, что отъ разсмотрѣнныхъ уже нами случаевъ ае. *ă (какъ напр. скт. *á*kšaḥ⫲греч. *ἄξων* ⫲лат. *a*xis) отдѣляютъ такіе случаи, въ которыхъ греческому и латинскому *ă* соотвѣтствуетъ арійское *i*, напр. греч. *πᾰτήρ*⫲лат. păter⫲скт. pitá, при чемъ ихъ относятъ къ особому праязыковому гласному, обозначаемому посредствомъ символа *ə и имѣвшему, быть можетъ, приблизи-

---

[1]) Срв.: скт. d*á*ru «дерево»⫲греч. *δόρυ* «дерево, древко копья, копье», скт. j*á*nu «колѣно»⫲греч. *γόνυ* (id.) и др., но p*á*tiḥ «господинъ, супругъ»⫲ греч. *πόσις* (*эп. поэт.*) «супругъ», скт. r*á*thaḥ «колесница»⫲лат. rota «колесо» и др. См. статью датскаго лингвиста Педерсена въ K. Z. XXXVI, 1900, стр. 87—88, а также у Бругмана въ его Kurze vergl. Gram. § 104.

[2]) См. Brugm. Grundriss d. vgl. Gram. I² стр. XLIII.

тельно звукъ нашего ъ; данный гласный, какъ увидимъ ниже, обычно находится въ чередованіи съ долгимъ, напр. греч. στᾰτός «стоящій, стоячій» || ἵστᾱμι (дорич.) «ставлю». Упомянемъ также о томъ, что нѣкоторые изслѣдователи предполагали въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существованіе качественно-особаго ŏ, не чередовавшагося съ ĕ и обозначавшагося ими посредствомъ особаго символа *ǫ (Соссюръ) или *å (Бругманъ), при чемъ для отличія этого гласнаго отъ обыкновеннаго *ŏ казались рѣшительными указанія армянскаго языка, гдѣ будто бы *ŏ=*o*, но *å (*ǫ)=*a*; однако при болѣе тщательномъ разборѣ примѣровъ это различіе въ отраженіи оказалось спеціально армянскимъ явленіемъ, а не праязыковымъ аріо-европейскимъ, а потому можно ограничиться принятіемъ одного только вида гласнаго *ŏ для ае. праязыка. [1]).

Праязыковые дифтонги на *i* и *u* съ первымъ краткимъ средне-широкимъ компонентомъ.

Ознакомившись съ отраженіемъ краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ (*ĕ, *ŏ, *ă), мы отчасти тѣмъ самымъ уже ознакомились съ отраженіемъ этихъ гласныхъ и въ томъ случаѣ, когда они являются въ качествѣ одного изъ компонентовъ дифтонга, при чемъ другимъ компонентомъ служатъ гласные *i* или *u*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ простые гласные *ĕ и *ŏ чередуются между собою, такъ и соотвѣтствующіе дифтонги, срв. напр. въ греческомъ чередованіе *εἴδομαι* „кажусь" || *οἶδα* (perf.) „знаю", гдѣ дифтонгъ *ει* чередуется съ дифтонгомъ *οι*; между тѣмъ дифтонгъ *αι* стоитъ отдѣльно, напр. въ словѣ *λαιός* (изъ *λαιϜος*) „лѣвый". И вообще, отраженіе первоначальныхъ дифтонговъ, въ составъ которыхъ входили краткіе средне-широкіе гласные, въ смыслѣ взаимнаго совпаденія или различенія ихъ находится въ соотвѣтствіи съ характеромъ отраженія первоначальной краткой тріады, т. е. рефлексы дифтонговъ группируются по тѣмъ же тремъ областямъ. Такъ, языки *юго-западнаго* отдѣла, сохранившіе различіе въ тріадѣ простыхъ гласныхъ, сохраняютъ различіе, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, и въ дифтонгахъ. Если

---

[1]) См. Педерсенъ l. c. стр. 93 сл.

обратимся къ языкамъ *сѣверо-западнаго* отдѣла, то увидимъ, что тамъ существуетъ только два различія въ дифтонгахъ; напр. въ славянскихъ языкахъ, при совпаденіи простыхъ гласныхъ *ă и *ŏ въ одномъ гласномъ звукѣ, совпали между собою и дифтонги, содержавшіе эти гласные; въ самомъ дѣлѣ, какъ дифтонгъ *ŏi въ положеніи передъ согласнымъ далъ тамъ *ѣ*, такъ точно—и дифтонгъ *ăi въ томъ же положеніи, при чемъ нужно помнить, что совпавшіе дифтонги затѣмъ измѣнились здѣсь въ простой гласный (*ѣ*); срв. греческимъ словамъ *οἶδα* и *λαιός* соотвѣтствуютъ по корню русскія слова „*вѣ*дать", „*лѣ*вый"; что же касается дифтонга *ĕi, то онъ въ положеніи передъ согласными измѣнился въ простой гласный *i*, напр. в*и*дѣть=*εἴδομαι*. Наконецъ, въ *юго-восточномъ* или арійскомъ отдѣлѣ, подобно совпаденію краткой тріады гласныхъ въ гласномъ *a*, произошло совпаденіе и соотвѣтствующихъ дифтонговъ; такъ, въ санскритѣ всѣ три дифтонга со вторымъ компонентомъ *i* совпали въ одномъ гласномъ *ē*, а дифтонги на *u* совпали въ гласномъ *ō*, при чемъ нужно имѣть въ виду, что сначала дифтонги въ индо-иранскій періодъ перешли въ **ai* и **au*, откуда въ индійской вѣтви развились уже монофтонги *ē* и *ō* (на подобіе франц. ai и au). Изъ представленнаго мы видимъ, какъ отдѣльныя звуковыя соотвѣтствія связываются въ языкахъ въ гармоническую систему.

Говоря о первоначальныхъ дифтонгахъ, нужно имѣть въ виду, что они отражаются неодинаково въ положеніи передъ гласными и согласными; такъ, въ примѣрѣ „*слово*" второй компонентъ дифтонга, именно u̯, передъ гласнымъ измѣнился въ согласный *v* и этотъ послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлился къ слѣдующему гласному (дифтонгъ распался); въ словѣ же „*слу*хъ" дифтонгъ *ŏu, въ зависимости отъ положенія передъ согласнымъ, сохранился отъ распаденія и со временемъ обратился въ простой гласный. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ указанныхъ трехъ отдѣловъ языковъ отраженіе дифтонговъ является въ двоякомъ видѣ въ зависимости отъ

извѣстныхъ условій: передъ согласными (а также въ абсолютномъ концѣ слова) дифтонгъ сохранялъ свою слоговую цѣлостность, въ положеніи же передъ гласными второй (узкій) компонентъ дифтонга измѣнялся въ соотвѣтствующій спирантъ (i→j, u→v), который въ слоговомъ отношеніи отходилъ къ слѣдующему гласному и дифтонгъ такимъ образомъ распадался, т. е. (съ физіологической точки зрѣнія) слоговая граница стала проходить между компонентами прежняго дифтонга. Поэтому, желая теперь представить примѣры соотвѣтствій для дифтонговъ, мы остановимся лишь на примѣрахъ для первоначальныхъ дифтонговъ въ положеніи передъ согласными, т. е. когда дифтонгъ не распадался.

*ĕi: *иду*, иджꞮꞮскт. éti „идетъ“ ꞮꞮ греч. εἶσι „идетъ“ ꞮꞮ лат. ĭt [1]) „идетъ“ ꞮꞮ лит. eĩti или eit (id.).

[1]) Дифтонгъ *ĕi рано превратился въ латинскомъ въ монофтонгъ: на основаніи передачи его въ древнѣйшихъ надписяхъ черезъ E и I слѣдуетъ заключить, что уже въ III в. до Р. X. онъ является видоизмѣнившимся въ монофтонгъ, именно—въ долгій гласный, средній между *e* и *i*, т. е. болѣе или менѣе узкое *e* ($\bar{e}^i$ или $\bar{i}^e$). Въ позднѣйшихъ надписяхъ, съ половины II в. до Р. X., появляется дифтонгическое начертаніе EI, каковое мнѣ кажется всего естественнѣе объяснить греческимъ вліяніемъ, которое тогда же обнаруживается и относительно другихъ сторонъ латинскаго письма, а вмѣстѣ и литературы. Въ приведенной латинской формѣ (*it*) гласный *i* передъ *t* встрѣчается еще какъ долгій у архаическихъ поэтовъ, но въ классическомъ періодѣ онъ уже кратокъ. Въ греческомъ нужно обратить вниманіе на то, что іон.-атт. ει въ рядѣ случаевъ вовсе не было дифтонгомъ, какъ напр. при замѣнительномъ удлиненіи (εἶναι «быть» ⟵ *ἔσ-ναι). На древнѣйшихъ аттическихъ надписяхъ дифтонгъ *ĕi передавался посредствомъ дифтонгическаго начертанія EI (напр. ΛΕΙΠΟ), тогда какъ въ случаѣ замѣнительнаго удлиненія писалось E (напр. ENAI) и иногда EI. Съ реформою аттическаго письма при архонтѣ Евклидѣ въ самомъ концѣ V в. до Р. X. (403 г.) утверждается начертаніе EI въ обоихъ случаяхъ (хотя—что вполнѣ естественно—отдѣльныя написанія черезъ E встрѣчаются и позже, до второй половины IV в.); введенная одинаковость обозначенія указываетъ на то, что произношеніе въ томъ и другомъ случаѣ совпало или почти совпало, представляя монофтонгъ $\bar{e}^i$; предпочтеніе же принятаго дифтонгическаго начертанія я объясняю тѣмъ, что долгое узкое $\bar{e}^i$ въ своемъ концѣ было еще

зима, зима=скт. héman (нарѣчіе) „зимой", hēmantáḥ *м.* „зима"=греч. *τὸ χεῖμα -ατος* „зима, буря" (эп. поэт.), въ прозѣ *ὁ χειμών -ῶνος*=лат. hiems -ĕmis *ж.* представляетъ нѣкоторое отличіе въ вокализмѣ корня=лит. žẽmà „зима" (гдѣ ё обозначаетъ расширяющійся дифтонгъ ie).

*ŏi: скт. vḗda (Perf.) „знаю", 2 л. vḗttha, 3 л. vḗda=греч. *οἶδα* (*ϝοῖδα*), 2 л. *οἶσθα*, 3 л. *οἶδε*=гот. *vait*, 2 л. *vaist*, 3 л. *vait*; ст.-сл. вѣмь, вѣси, вѣсть (наст. время съ видомъ корня, какой свойственъ перфекту)=прусс. w*ai*sei (2 л.).

скт. bhárēma (1 мн. желат.)=греч. *φέροιμεν*=ст.-сл. берѣмъ [1]).

болѣе узкимъ, и производило на слухъ впечатлѣніе дифтонга (и въ современныхъ намъ языкахъ, напр. въ англ., нѣм., серб., такой гласный производитъ акустическое впечатлѣніе неоднородности, именно—еще большей съуженности въ концѣ); позже измѣненіе дошло до стадіи ī. Прибавимъ, что исторія дифтонга ei шла параллельно дифтонгу ou.

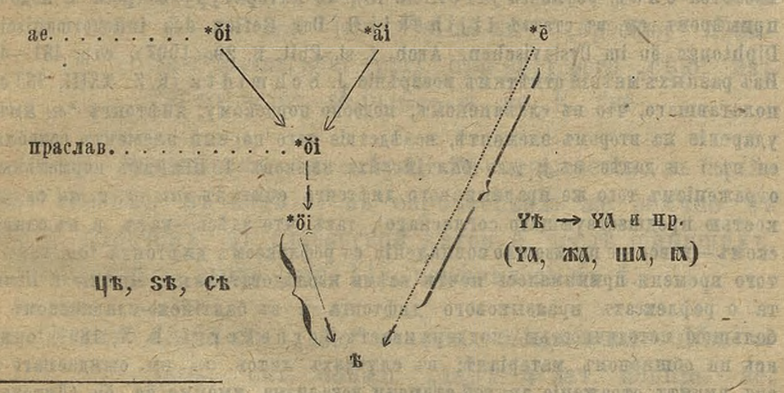
[1]) Передъ такимъ ѣ дифтонгическаго происхожденія имѣется смягченіе глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ ц, ѕ, с, напр. рьцѣмъ (отъ рекѫ), лаѕѣмъ (лагѫ). Такое же смягченіе наблюдается въ Мѣстн. ед., напр. въ формѣ влъцѣ, гдѣ конечное ѣ восходитъ къ ае. *-ŏi; но иногда конечное ае. *-ŏi отражается въ видѣ и, какъ напр. въ И. мн., срв. влъци. Для уясненія двоякаго отраженія на славянской почвѣ конечнаго *-ŏi нужно обратить вниманіе на параллельное различіе въ греческомъ языкѣ, гдѣ въ обоихъ падежахъ хотя и имѣется дифтонгъ -οι, но съ нѣкоторою тоническою разницею и быть можетъ неодинаковой длительности, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *Мѣстн. ед.* Ἰσθμοῖ «въ Истмѣ», т. е. на Истмійскомъ или Коринѳскомъ перешейкѣ» ‖ *И. мн.* θεοί «боги»; *Мѣстн. ед.* οἴκοι (нарѣч.) «дома» ‖ *Им. мн.* οἶκοι «домà»; т. е. въ греческомъ мы наблюдаемъ различіе конечныхъ -οι въ сравниваемыхъ формахъ, отражающееся разницею въ характерѣ ударенія. Отсюда ученые склонны предполагать, что и въ праславянскомъ существовало аналогичное различіе, которое и было причиной неодинаковаго отраженія дифтонга *-ŏi въ названныхъ падежахъ. А такъ какъ допускается, что условія, вызывавшія указанные случаи -ī изъ *-ŏi въ концѣ слова, вызывали въ праславянскомъ такое же отраженіе и для исконнаго *-ē, именно въ формахъ мати (лит. mótė) и дъшти (лит. duktė̃),

греч. οἴνη „единица на игральной кости“ ⇹ лат. oinos→oenos→ūnus „одинъ“. [1])

*ăi: скт. édhaḥ *м.* „дрова“ ⇹ греч. ὁ αἶθος „жаръ, огонь“ ⇹ лат. *ae*dēs *ж.* „храмъ, комната“ (plur. „домъ“), первонач. значеніе—„домашній очагъ“.

лѣвый (л’ǽвъј), лѣвъ ⇹ греч. λαιός (изъ λαιϝος) „лѣвый“ ⇹ лат. l*ae*vus (id.).

Примѣчаніе. Какъ *ŏ и *ă совпали въ герм., лит. и слав., такъ и дифтонги съ этими гласными. Затѣмъ нужно замѣтить, что праслав. *ŏi двоякаго происхожденія дало внутри слова (а частію и въ концѣ словъ) въ дальнѣйшемъ развитіи ѣ, передъ которымъ задне-язычные согласные смягчались въ *свистящіе*. Но въ славянскомъ имѣется еще не-дифтонгическое ѣ, передъ которымъ задне-язычные согласные еще раньше того смягчились въ *шипящіе*, послѣ которыхъ ѣ измѣнилось затѣмъ въ ѧ, какъ и послѣ ј (отсюда объясняется напр. рус. крас*нѣ*йшій ‖ лег*ча*йшій). Все это можно представить табеллярно слѣдующимъ образомъ:

то изъ этого совпаденія рефлексовъ выводятъ, что -ī (-и) изъ *-ŏi могло развиться въ праславянскомъ черезъ посредство стадіи гласнаго ē, съ которымъ предварительно совпалъ дифтонгъ *-ŏi.

[2]) Измѣненіе дифтонга *oi въ ū совершилось въ латинскомъ въ историческое время, т. е. засвидѣтельствовано памятниками. Въ III в. до Р. Х. встрѣчаемъ въ надписяхъ OI (произносилось ǭiᵉ), написаніе *oe* относится къ эпохѣ Плавта (т. е. къ концу третьяго и началу второго вѣка до Р. Х.), въ классическомъ же періодѣ утверждается ū. Эта послѣдняя стадія получилась такимъ образомъ, что по мѣрѣ сокращенія въ дифтонгѣ второго элемента первый гласный удлинялся, становясь болѣе закрытымъ и наконецъ черезъ посредство ǭᵘ дошелъ до ū.

*ĕu: блюду блюдж ≠ скт. bŏdhāmi „пробуждаюсь, замѣчаю, узнаю“ ≠ греч. (гомер.) πεύθομαι „вывѣдываю, разспрашиваю“ [≠ лит. baudžù „наказываю, браню“, гдѣ литовскій, въ отличіе отъ слав., имѣетъ второй полный видъ корня, см. ближайшую сноску]. ае. К. *bhĕudh-.

лат. dūco „веду“ ≠ гот. tiuha, соврем. нѣм. ziehe. [1])

---

[1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что въ греч. *ĕu въ положеніи передъ согласными сохраняется (въ дальнѣйшемъ развитіи второй элементъ консонантизуется, ср. ново-греч. = ev, ef). Въ лат. *ĕu → ŏu → ū; здѣсь путь развитія находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что и простое *ĕ, вообще отражающееся въ лат. въ видѣ ĕ, передъ слѣдующимъ v обычно отражается въ видѣ ŏ, ср. νέος ≠ nŏvus (срв. новъ). Въ скт. *ĕu → *ău → ō, т. е. тамъ исторія дифтонга находится въ соотвѣтствіи съ исторіей перваго его компонента, при чемъ стадія *ău проходилась въ эпоху индоиранскую. Что касается слав. рефлекса jū (ст.-сл. ю), то литературу вопроса и подборъ примѣровъ см. въ статьѣ Iljinskij G. Der Reflex des indogermanischen Diphtongs ĕu im Urslavischen, Arch. f. sl. Phil. B. 29 (1907), стр. 481—497. Изъ разныхъ мнѣній отмѣтимъ воззрѣніе J. Schmidt'a (K. Z. XXIII, 333 сл.), полагавшаго, что въ славянскомъ, подобно нордскому, дифтонгъ *eu имѣлъ удареніе на второмъ элементѣ, вслѣдствіе чего первый элементъ ослаблялся въ ĭ и далѣе въ j; для балтійскихъ языковъ I. Шмидтъ нормальнымъ отраженіемъ того же праязыкового дифтонга считалъ iau (т. е. au съ мягкостью предшествующаго согласнаго), такъ что здѣсь — какъ и въ славянскомъ — вовсе не произошло совпаденія съ рефлексомъ дифтонга *ou, какъ до того времени принималось почти всѣми изслѣдователями. Мнѣніе I. Шмидта о рефлексахъ праязыкового дифтонга eu въ балтійско-славянскомъ съ большою методичностью поддерживаетъ Berneker (I. F. X, 1899), опираясь на обширномъ матеріалѣ; въ случаяхъ литов. au вм. ожидаемаго iau онъ видитъ отраженіе другой степени вокализма, именно ае. ŏu. (Литовское liūbiu признается заимствованіемъ изъ славянской языковой области). А разъ мы считаемъ слав. jū (ю) и балт. jau эквивалентными, возводя ихъ къ ае. *eu, то, принимая въ соображеніе, что слав. o ≠ лит. a, мы можемъ предположить слѣдующій порядокъ процесса: ае. ĕu → слав. ⁱ̯eou̯ и балт. ᵉau̯ → слав. ⁱou̯ и балт. ⁱau → слав. ю и лит. iau (срв. Эндзелинъ Слав.-балт. эт., стр. 81). Нужно думать, что путь измѣненія въ слав. и балт. отличался отъ герм. (гдѣ *eu → iu), ибо слав. i̯ū, не пройдя предварительно стадію ⁱou, дало бы jĭ. Объ отраженіи передъ гласными см. Эндз., l. c., 84—104.

*ōu: будить боудити ≠ лит. -baudyti (pa-si-bauditi „подниматься, трогаться съ мѣста“) ≠ скт. bōdháyāmi „бужу“.

*ău: сухой соухъ ≠ скт. çōšaḥ *м.* „высыханіе“ ≠ греч. *αὖος* „сухой“ ≠ лит. saũsas „сухой“. ae. K. *săus-.

Рефлексы первоначальной долгой тріады средне-широкихъ гласныхъ.

Рефлексы *первоначальныхъ долгихъ средне-широкихъ гласныхъ* (*ē, *ō, *ā) распредѣляются приблизительно по тѣмъ же тремъ областямъ, какъ и краткихъ. Примѣры:

*ē: скт. dá-dhā-mi „кладу“ ≠ греч. *τίθημι* „кладу“ ≠ лит. dė́mi (гдѣ ė означаетъ долгое узкое *е*) „кладу“ ≠ ст.-сл. дѣ-ѭ „говорю“.[1]) ae. K. *dhē-.

греч. *ἡ-* въ *ἵημι* (изъ *si-sē-mi) „бросаю, посылаю“ ≠ лат. sēvi (perf. при наст. sero „сѣю“ изъ *sĭ-so) ≠ лит. sė́-ju ≠ сѣ-ѭ. ae. K. *sē-.

Какъ показываютъ примѣры, *ē отражается въ арійскихъ языкахъ въ видѣ ā, въ европейскихъ же обычно въ видѣ ē; впрочемъ въ славянской вѣтви ē послѣ шипящихъ, какъ мы видѣли выше (стр. 11), измѣнилось въ ā.

*ō: скт. dá-dā-mi „даю“ ≠ греч. *δίδωμι* ≠ лит. dū́mi ≠ дамь; скт. dā́nam „даръ“ ≠ лат. dōnum. ae. K. *dō-.

И такъ, *ō отражается въ видѣ ō — въ греч., лат. и гот., затѣмъ въ видѣ расширяющагося дифтонга uo, представляющаго дальнѣйшее измѣненіе ō въ губномъ направле-

---

[1]) Относительно перехода значенія срв. *кладу* || *докладываю* (въ смыслѣ «сообщаю»).

ніи—въ др.-вхн. и литов. и, наконецъ, въ видѣ ā—въ арійской области и въ смежной вѣтви славянской (также въ кельтскомъ).

*ā: мать (мати)=скт. mātā́=греч. μήτηρ (дорич. μάτηρ) =лат. māter=др.-вхн. muoter=лит. mótė—съ значеніемъ „женщина, жена".

Во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы видимъ отраженіе *ā въ видѣ ā, только въ готскомъ и литовскомъ особенность, именно—ō (губной гласный), откуда др.-вхн. uo. Здѣсь мы видимъ разницу въ отраженіи между германскою вѣтвью и литовскою: въ то время какъ въ первой совпадаютъ рефлексы обоихъ не-палятальныхъ гласныхъ—*ō и *ā, въ литовскомъ при тоже губномъ характерѣ рефлексовъ однакожъ нѣтъ совпаденія между ними. Въ славянской вѣтви произошло совпаденіе обоихъ гласныхъ, но въ видѣ *а* (какъ въ кельтскомъ), а кромѣ того сюда поступила еще часть случаевъ *ē въ положеніи послѣ шипящихъ.

Праязыковые дифтонги на *i* и *u* съ первымъ долгимъ средне-широкимъ компонентомъ.

Мы должны остановиться теперь на праязыковыхъ *дифтонгахъ съ первымъ долгимъ компонентомъ*, представляющихъ иной ходъ развитія по сравненію съ дифтонгами, первый компонентъ которыхъ былъ кратокъ: срв. различіе отраженій на концѣ слова въ греч. οἴκῳ (Д. ед.) || οἴκοι (Мѣстн. ед.) или οἶκοι (И. мн.). Приведемъ нѣкоторые примѣры:

*ēi: скт. āima (Impf. 1 мн. отъ ēmi „иду") [1])=греч. ᾖμεν.
*ōi: скт. vr̥kāiḥ „волками" (Instr. plur.)=греч. λύκοις= лат. lupīs=лит. vilkaĩs.

[1]) Долгота начальнаго *a* произошла благодаря слитію корневого дифтонга *ĕi съ аугментомъ *ē (т. е. *ē-ĕi- = скт. āi-).

*āi: скт. sênāyāi „войску" (Д. ед.) ≠ греч. χώρᾳ ≠ др.-лат. Matutā (въ надписи).

*ēu: скт. dyāuḥ „день" ≠ греч. Ζεύς (Зевсъ—богъ грома, молніи, дождя; у Критянъ въ значеніи „день").

*ōu: скт. gāuḥ м. ж. „быкъ, корова" ≠ греч. βοῦς (id.).

*āu: скт. nāuḥ „корабль" ≠ греч. ναῦς (id.). [1])

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что аріо-европейскіе дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ частію первичны (срв. ναῦς), частію вторичны (срв. ῇμεν), при чемъ въ основаніи этихъ послѣднихъ лежитъ дифтонгъ съ первымъ краткимъ компонентомъ, долгота же получилась отъ слитія.

Праязыковыя фонемы *ĭ и *ŭ.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ имѣлись еще гласные *ĭ и *ŭ. Что касается ихъ отраженія на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, то оно, какъ и въ случаѣ съ дифтонгами, оказывается неодинаковымъ въ зависимости отъ положенія, при чемъ необходимо различать

1) положеніе передъ согласными (и на концѣ слова); оно является наименѣе зависимымъ, благопріятствуя сохраненію данныхъ гласныхъ, срв.:

*ĭ: скт. triṣú (L. pl. отъ tráyaḥ „три") ≠ греч. τρισί ≠ лит. trisè ≠ ст.-сл. трьхъ.

---

[1]) Въ положеніи передъ гласнымъ дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ распадались подобно дифтонгамъ съ первымъ краткимъ компонентомъ; срв. отъ ναῦς форму Р. ед. νη(ϝ)-ός, гдѣ прежде всего консонантизовался второй компонентъ дифтонга (вѣроятно—еще въ до-греческія времена), а затѣмъ въ іон. и атт. ā измѣнилось въ η въ положеніи передъ спирантомъ ϝ, который послѣ того исчезаетъ. Въ формѣ ναῦς сокращеніе ᾱ произошло въ атт. до указаннаго измѣненія ᾱ въ η.

*ŭ: скт. snuṣā́ „сноха“ = ἡ νυός (id.) = лат. nŭrus = ст.-сл. снъха.

*ī: скт. jīváḥ = лат. vīvus = лит. gývas = ст.-сл. живъ.

*ū: скт. mūṣ- = греч. μῦς = лат. mūs = ст.-сл. мышь. [1])

2) положеніе передъ гласными, наиболѣе зависимое; въ этомъ случаѣ ĭ и ŭ легко консонантизуются, при чемъ замѣчается двоякій видъ измѣненія:

а)	б)
*ĭV→jV	*ĭV→ĭjV
*ŭV→vV	*ŭV→ŭvV.

Еще не вполнѣ изслѣдовано, при какихъ условіяхъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего семейства языковъ имѣетъ мѣсто первый видъ измѣненія и при какихъ—другой. Въ санскритѣ, напр., въ односложныхъ основахъ на -ī- и -ū- въ именахъ существительныхъ получается передъ слѣдующимъ гласнымъ второй типъ измѣненія, тогда какъ двусложныя и многосложныя основы слѣдуютъ первому типу измѣненія; срв. dhīḥ „мысль“ (N. sg.) || dhiyáḥ (N. pl.); bhūḥ „земля“ || bhuváḥ; но—dēvī́ „богиня“ || dēvyàḥ, также vadhū́ḥ „невѣста“ || vadhvàḥ. Однако столь простое положеніе вещей въ санскритѣ не является правиломъ для другихъ вѣтвей. [2]) Въ случаѣ краткихъ ĭ и ŭ въ положеніи передъ гласными имѣетъ значеніе, предшествуетъ ли этимъ ĭ и ŭ простой согласный, или же та или иная группа согласныхъ. Въ заключеніе мы должны указать еще на важность различенія полугласныхъ *i̯ (j) и

---

[1]) Измѣненіе *ū →ы состоитъ въ потерѣ лябіализаціи одновременно съ переходомъ задней артикуляціи языка изъ болѣе глубокой въ менѣе глубокую.

[2]) Напр. въ ст.-сл. въ положеніи передъ гласными обычнымъ рефлексомъ *ū является ъв независимо отъ количества слоговъ въ основѣ, срв. Р. ед. кръве || цръкъве.

*u̯ (v), получавшихся изъ *i* и *u* передъ гласными, отъ первоначальныхъ согласныхъ *j и *v; хотя въ большинствѣ вѣтвей ихъ рефлексы совпали, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ видна разница въ отраженіи: напр. *i̯V въ началѣ словъ въ греческомъ отражается въ видѣ густого придыханія (*i̯ŏs=ὅς „который“—относит. мѣстоим.), а первоначальное *j въ томъ же положеніи въ видѣ ζ (*jŭgŏm=ζυγόν „иго, ярмо“). [1])

Примѣчаніе. Гласные *ī и *ū частію связаны родствомъ съ краткими дифтонгами на i и u, отчасти же съ двуслоговыми базами (см. ниже); Бругманъ (Gr. Gr. [4] стр. 105—106) указываетъ еще на происхожденіе ихъ изъ долгихъ дифтонговъ, напр. ае. К. *pō[i-] (греч. перфектъ πέπωκα, скт. caus. pāy-aya-ti «поить») ‖ *pī- (греч. πῖ-θι «пей», скт. прич. прош. стр. pī-tá-). Вполнѣ возможно, что въ праязыкѣ были и самостоятельные *ĭ и ŭ, т. е. не изъ ослабленія дифтонговъ и двуслоговыхъ базъ, хотя до сихъ поръ такіе случаи еще не установлены (срв. однако *i* въ удвоеніи, напр. γίγνομαι, въ окончаніи повел. накл. -θι, въ такихъ именахъ какъ θρίξ «волосъ» или т. п.).

Неударяемый вокализмъ аріо-европейскаго праязыка и чередованія гласныхъ.

Вокализмъ въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, какъ и въ каждомъ языкѣ, являлся *ударяемымъ* и *неударяемымъ*: въ первомъ случаѣ корни и вообще морфемы (морфологическія части словъ) имѣли полный или сильный видъ, а во второмъ—болѣе или менѣе слабый. Мы уже знаемъ, что гласные въ ае. праязыкѣ различались краткіе и долгіе. Обращаясь сначала къ краткимъ средне-широкимъ гласнымъ, т. е. ае. *ĕ ‖ *ŏ [2]) и *ă, мы будемъ обозначать ихъ слабую степень

---

[1]) Начальное сочетаніе *jŭ передъ согласнымъ имѣетъ рефлексомъ въ ст.-сл. и (срв. иго), т. е. *jŭ- измѣнилось въ jĭ-; это измѣненіе ŭ подъ вліяніемъ предшествующаго j въ ĭ произошло въ праславянскія времена; оно не извѣстно литовскому языку (срв. лит. jùngas съ тѣмъ же значеніемъ), почему и не можетъ быть относимо въ литво-славянскій періодъ.

[2]) Въ этомъ чередованіи первое звено, т. е. *ĕ, именуется *первымъ полнымъ видомъ*, а второе, именно *ŏ,—*вторымъ*; гласный *ă почти не знаетъ такого чередованія, встрѣчаясь обычно въ одномъ видѣ (срв. сноску на стр. 25).

соотвѣтствующею маленькою курсивною буквою (поставленною выше строки), напр. ^{e}, ^{a}. Такъ какъ ослабленіе вокализма необходимо представлять себѣ соединеннымъ съ измѣненіемъ не только количественной, но и качественной стороны, то примѣняемые мною символы имѣютъ въ виду не опредѣленіе качества краткаго слабаго гласнаго (которое, нужно думать, діалектически варіировало въ праязыкѣ), а происхожденіе изъ того или другого полнаго. Предѣломъ ослабленія этихъ гласныхъ въ языкахъ-потомкахъ является полное ихъ исчезновеніе; что же касается аріо-европейскаго праязыка, то я не раздѣляю обычнаго воззрѣнія, будто этотъ процессъ уже въ праязыкѣ закончился утратою слабаго гласнаго, но полагаю напротивъ, что разсматриваемый процессъ представлялъ діалектическую неравномѣрность въ самомъ праязыкѣ, такъ что могъ отчасти продолжаться и закончиться на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей. Тѣмъ не менѣе я допускаю, что и въ праязыкѣ при нѣкоторыхъ частныхъ условіяхъ (напр. въ началѣ словъ и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ, особенно въ дифтонгахъ съ первымъ краткимъ компонентомъ) слабый гласный могъ исчезать; такъ напр. въ дифтонгахъ *ĕi, *ăi, *ĕu, *ău уже въ праязыкѣ могла выработаться слабая ступень въ видѣ гласныхъ ĭ и ŭ (къ этому предположенію побуждаетъ существованіе менѣе слабой степени въ видѣ ī и ū во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ). [1]) При ослабленіи краткихъ *ĕ и *ă въ сосѣдствѣ съ слѣдующими плавными и носовыми (т. е. согласными съ наибольшею сонорностью), при положеніи послѣднихъ передъ согласными и на концѣ словъ, слоговая функція постепенно перемѣщалась съ ослаблявшагося гласнаго на сонорный согласный (такое

---

[1]) Что касается разныхъ неударяемыхъ положеній, то—какъ увидимъ—наиболѣе слабымъ изъ нихъ являлось положеніе неударяемаго гласнаго въ *слогѣ непосредственно передъ ударенымъ*, а также по-видимому *послѣ ударенія внутри слова*.

перемѣщеніе мы можемъ обозначить посредствомъ такихъ символовъ, какъ *^{e}l̯, *^{e}m̯ и пр., гдѣ дуга подъ буквою сонорнаго согласнаго показываетъ, что онъ въ той или другой степени сталъ сосредоточивать на себѣ слоговую функцію), такъ что въ предѣлѣ измѣненія могли получаться слогообразующіе согласные (т. е. подобно полученію стадіи *i* и *u* въ дифтонгахъ), обозначаемые посредствомъ символовъ *l̥, *m̥ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается неодинаковость въ отраженіи ослаблявшагося гласнаго на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, срв. скт. ç*a*tám „сто“ ⫲ греч. *ἑ-κατόν* ⫲ лат. c*en*tum ⫲ гот. h*un*d ⫲ лит. ši*m̃*tas. Праязыковую форму приведенныхъ словъ мы можемъ выразить въ видѣ *k̑^{e}m̯tóm, хотя обычно ученые въ этихъ случаяхъ принимаютъ, какъ уже сказано, совершившимся еще въ праязыкѣ полное исчезновеніе слабаго гласнаго и возникновеніе слогообразующаго согласнаго (т. е. *k̑m̥tóm), откуда уже и выводятъ разнообразные рефлексы въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. [1]) Указанное различіе нюанса ослаблявшагося гласнаго при плавныхъ и носовыхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: скт. *a*, греч. *α*, лат. *e* или *i* (при носовыхъ) и *o* или *u* (при плавныхъ), герм. *u*, лит. и слав.— палатальный нюансъ *i*, частію же губной *u*. Теперь приведемъ примѣры ослабленія для всѣхъ указывавшихся категорій, при чемъ мы во всѣхъ случаяхъ будемъ отмѣчать для праязыка ради ясности тѣ слабые гласные, которые были первоначально, а кромѣ того для отдѣльныхъ языковъ будемъ приводить чередованія съ родственными словами, представляющими полный видъ соотвѣтствующаго вокализма:

---

[1]) См. напр. статью проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ Zur «Sonanten»-Frage, въ I. F. B. 25 (1909) стр. 77—85. Впрочемъ отмѣченное разногласіе не измѣняетъ существа дѣла, представляя скорѣе методологическій интересъ.

*ᵉC: скт. ˰s-ánti „суть" || ás-ti „есть"⫩лат. ˰s-unt || es-t⫩нѣм. ˰s-ind || is-t⫩ст.-сл. ˰с-жть || ѥс-ть. ае. К. *ĕs-.

*ᵃC: скт. ˰jmán „въ пути" || ájati „гонитъ". ае. К. *ă̑g-.

*ᵉiC→*iC: греч. ἴ-μεν (1 мн. наст. изъявит. накл.) „идемъ" || εἶ-σι „идетъ"⫩скт. i-máḥ || é-ti. ае. К. *ĕi-.

*ᵃiC→*iC: idhaté (3 sg. со. М. „зажигать") || édhaḥ м. „дрова", срв. греч. ὁ αἶϑος „жаръ, огонь".

*ᵉuC→*uC: φυκτός—обыкн. встрѣчается съ отрицаніемъ: οὐ φυκτός „неизбѣжный" || φεύγω „бѣгу, убѣгаю".

τυκτός „сооруженный, приготовленный" || τεύχω „сооружаю, приготовляю".

*ᵃuC→*uC: съхнжти || соүхъ, срв. греч. αὖος „сухой".

*ᵉṛC(*ṛC): скт. mṛ-ti-ḥ⫩лат. mor-s⫩ст.-сл. съ-мрь-ть (смерть)⫩лит. mir̃-ti „умирать". ае. К. *mĕr-.

*ᵉṇC(*ṇC): скт. ma-tí-ḥ „мысль, мнѣніе"⫩[греч. (αὐτό)-ματο-ς [1])]⫩лат. men-s „умъ, мысль, мнѣніе"⫩лит. iš-min-tì-s „умъ"⫩ст.-сл. па-мѧ-ть (память). ае. К. *mĕn-. [2])

*ᵉṃC(*ṃC): скт. gá-ti-ḥ „шествіе", ga-tá-ḥ „шедшій"—греч. βά-σι-ς βα-τό-ς⫩лат. (circum)-ven-ti-o, ven-tu-s. ае. К. *g²ĕm-.

Нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ для ае. праязыка слогообразующіе плавные и носовые еще и въ положеніи *передъ гласными*, обозначая ихъ черезъ *ṛr (второе r разсматривается какъ переходный звукъ отъ слогообразующаго ṛ

---

[1]) Переводится обыкновенно «самъ собою»; форма -ματος по происхожденію представляетъ причастіе прош. стр. и восходитъ къ ае. *-meṇ-tós.

[2]) Путь развитія носоваго гласнаго ѧ изъ ае. *ᵉṇ вѣроятно проходилъ черезъ литво-слав. стадію *ĭn, подобно тому какъ рь (ръ) изъ ае. *ᵉṛ черезъ литво-слав. фазу *ĭr.

къ гласному), *n̥n и т. д., при чемъ рефлексы ихъ отличаются отъ рефлексовъ слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ передъ согласными, напр. въ санскритѣ видимъ *ir* и *ur* (а не r̥), *an* (а не *a*), въ греч. *αρ*, *αν*, въ лат. *ar* и *an*, въ ст.-сл. ьр и ьн, и т. д.; срв.: скт. *girí*ḥ „гора“; *gurú*ḥ „тяжелый“ = греч *βαρύς* id.; *μανῆναι* „сойти съ ума“ = ст.-сл. мьнѣти = лит. *minė́*ti, и пр. Однако здѣсь возможно видѣть просто ослабленіе первоначальнаго неударяемаго гласнаго (напр. *ᵉr и т. д.) съ послѣдующимъ преобразованіемъ въ новый краткій гласный, качество котораго варіировало какъ діалектически, такъ отчасти и въ зависимости отъ качества предшествующаго согласнаго и качества гласнаго слѣдующаго слога (срв. скт. *girí*ḥ, *gurú*ḥ). Но такъ какъ на-ряду съ такимъ неполнымъ ослабленіемъ краткаго гласнаго встрѣчается, какъ мы знаемъ, и полное его исчезновеніе (напр. *μ‸νήμη* „память“ || *μανῆναι*, *θ‸νήσκω* „умираю“ || неопр. накл. аор. *θανεῖν*), то возникаетъ вопросъ объ условіяхъ полнаго и неполнаго ослабленія. Обычно допускаютъ вслѣдъ за Остгофомъ (опиравшимся на такіе факты современнаго французскаго произношенія, какъ mənõ || nù m‸nõ, т. е. menons || nous menons), что для полнаго исчезновенія предъударнаго гласнаго нужно, чтобы ему предшествовалъ слогъ, имѣвшій на себѣ второстепенное удареніе; если же предъударный слогъ не имѣлъ передъ собой такого другого слога (напр. когда слово начинало собою предложеніе, а также вѣроятно еще и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ), то гласный, ослабляясь, не доходилъ до нулевой степени. Подобное различіе въ степени ослабленія принимаютъ и для случаевъ *положенія гласнаго передъ шумными согласными*; такъ напр. полагаютъ, что въ формѣ *π‸τέσθαι* „полетѣть“ нуль гласнаго получился первоначально при сочетаніи глагола съ префиксомъ, напр. *ἀναπ‸τέσθαι*, откуда уже путемъ аналогіи нуль перешелъ и въ простой глаголъ на мѣсто слабаго гласнаго. Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что слабымъ положеніемъ, кромѣ предъ-

ударнаго слога, являлся въ ае. праязыкѣ по-видимому еще *внутренній послѣударный*, какъ показываютъ случаи образованія настоящаго времени съ удвоеніемъ, содержащимъ гласный *i*, напр. греч. *πίπ̥τω* „падаю“, *γίγ̥νομαι* „рождаюсь“ и др.

Кромѣ краткихъ слогообразующихъ согласныхъ (плавныхъ и носовыхъ) принимаютъ для праязыка еще долгіе, дающіе иныя отраженія, срв.:

*ᵉr̄C(*r̥̄C): скт. st*īr*ṇáḥ „постланный, усыпанный“ ⇹ греч. *στρω-τός* „постланный“ ⇹ лат. st*rā*tus „постланный, мощеный“ ⇹ ст.-сл. -стрьтъ;

*ᵉn̄C(*n̥̄C): скт. j*ā*táḥ (K. jan-) „рожденный, сынъ“ ⇹ лат. (g)*nā*tus.

Заслуга открытія долгихъ слогообразующихъ и разъясненіе ихъ происхожденія принадлежитъ швейцарскому ученому де-Соссюру (de Saussure); [1]) онъ былъ наведенъ на свою замѣчательную идею такими санскритскими параллелями, какъ— ç*ru*-táḥ „услышанный“: ç*ro*-tum „слышать“ = p*ū*-táḥ „очищенный“: p*ávi*-tum „очищать“, при чемъ сочетаніе *avi* послѣдней формы онъ возводитъ къ ае. *ĕu̯ə, [2]) откуда и получился гласный *ū* соотвѣтствующей причастной формы, а именно *ū*←*u̯ə←*ᵉu̯ə; аналогичнымъ образомъ объясняется ае. *r̥̄ изъ *rə←*ᵉrə и ае. *n̥̄ изъ *nə←*ᵉnə (въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ). [3]) Замѣчательное обобщеніе де-Соссюра имѣло еще дру-

---

[1]) См. его изслѣдованіе Le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes (1879).

[2]) Вмѣсто обычнаго въ настоящее время обозначенія *ə де-Соссюръ пользовался символомъ *A. Въ свою очередь гласный *ə представляетъ собою ослабленіе котораго-либо изъ средне-широкихъ долгихъ гласныхъ, какъ увидимъ ниже.

[3]) Въ морфологическомъ отношеніи можно вообще отмѣтить, что долгіе слогообразующіе плавные и носовые стоятъ въ одномъ ряду съ ū и ī, срв. скт. jā-yáte (3 sg. praes. pass. отъ ján-āmi «рождаю») ‖ bhū-yáte (отъ bháv-āmi «бываю»).

гое значеніе — оно нанесло ударъ прежнему ученію объ односложности первоначальныхъ корней, показавъ, что послѣдніе были частію двусложными. Рядомъ съ обобщеніемъ де-Соссюра, дополняя его, занимаетъ мѣсто важное обобщеніе акад. Ф. Ѳ. Фортунатова, [1]) пришедшаго къ идеѣ о двоякомъ различіи плавныхъ слогообразующихъ чрезъ изслѣдованіе различій ударенія литовскихъ рефлексовъ въ связи съ различіями соотвѣтствующихъ группъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ; такъ, напр., скт. vр̥̊kaḥ „волкъ“ ≠ лит. vi̋lkas (латыш. vi'lks), но скт. pūrṇáh „полный“ ≠ лит. pìlnas (латыш. pìlns). При этомъ акад. Фортунатовъ устанавливаетъ для первой категоріи въ другихъ языкахъ обычные рефлексы плавныхъ слогообразующихъ, напр. греч. *αρ* или *ρα*, *αλ* или *λα*, тогда какъ для второй категоріи—тѣ рефлексы, которые были установлены де-Соссюромъ (но, какъ мы видѣли, на совершенно другомъ основаніи), т. е. скт. *īr* (или ūr послѣ губныхъ и лябіализованныхъ задне-язычныхъ согласныхъ) ≠ греч. *ρω* или *ορ*, *λω* или *ολ* ≠ лат. *rā*, *lā*. Вмѣстѣ съ тѣмъ акад. Фортунатовъ отмѣтилъ и соотвѣтствующее различіе въ удареніи сербскаго языка, срв. серб. в у̑ к „волкъ“ || п у̏ н „полный“.

Примѣчаніе. Идею де-Соссюра о двуслоговыхъ корняхъ широко развилъ H. Hirt въ изслѣдованіи «Der indogermanische Ablaut» (1900), гдѣ онъ возсоздаетъ по указанному принципу праязыковые корни или «базы» (такъ онъ называетъ часть слова, которая остается по устраненіи *вполнѣ несомнѣнныхъ* придаточныхъ морфемъ), вокализмъ которыхъ является мѣстомъ разнообразныхъ градацій Ablaut'a; см. еще его же Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre (1902) и (1912)[2] §§ 128—134. Въ качествѣ примѣра возьмемъ соотношеніе между скт. *vad*-ati «говоритъ» и греч. *αὐδ-ή* «голосъ, рѣчь»; для обоихъ словъ предполагается въ ае. праязыкѣ корень или база *ăwĕd-, откуда развился санскритскій корень *vad*- путемъ исчезновенія начальнаго гласнаго (т. е. *ᵃwĕd-) и греч. корень *αὐδ*- чрезъ исчезновеніе внутренняго краткаго гласнаго (т. е. *ăwᵉd-), при чемъ эти разновидности одного и того же корня получились благодаря различію ударенія. Такъ какъ въ перво-

---

[1]) См. его статью «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», помѣщенную въ Arch. f. slav. Phil. B. IV (1880).

начальныхъ двусложныхъ корняхъ первый слогъ обычно содержалъ только краткіе гласные и краткіе дифтонги, тогда какъ второй—всевозможныя варіаціи гласныхъ, то Hirt и принялъ этотъ второй слогъ для частнаго подраздѣленія базъ на тяжелыя (со вторымъ слогомъ долгимъ) и легкія (со вторымъ слогомъ краткимъ).

Что касается ослабленія первоначальныхъ *долгихъ гласныхъ* въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, то мы замѣчаемъ при этомъ разницу (именно—неравномѣрность процесса) въ ослабленіи долгихъ гласныхъ сравнительно съ ослабленіемъ краткихъ гласныхъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: между тѣмъ какъ послѣдніе въ своемъ ослабленіи могутъ доходить до нуля (срв. *σ͜χεῖν*, ͜сжть и т. п.), на мѣстѣ первыхъ мы видимъ краткій гласный, обычно представляемый для аріо-европейскаго праязыка посредствомъ символа *ə. Примѣры:

*ə изъ *ē: скт. hі-tá-ḥ съ начальнымъ *h* изъ *dh*, соб. „положенный" (прич. прош. стр. отъ глагола dádhāmi „кладу"), откуда затѣмъ—„положительный, полезный" ⫩ греч. *θε-τό-ς* „положенный, постановленный" (отъ глагола *τί-θη-μι* „кладу"). ае. К. *dhē-.

*ə изъ *ō: скт. ádіta (3 sg. aor. M. отъ dádāmi „даю") ⫩ греч. *ἔδοτο* (та же форма отъ *δίδωμι* „даю"); скт. -dі-ta-h ⫩ греч. *δο-τό-ς* ⫩ лат. dă-tu-s (формы прич. прош. стр. отъ того же глагола). ае. К. *dō-.

*ə изъ *ā: скт. sthі-tá-h „стоящій" ⫩ греч. *στᾰ-τό-ς* (id.) ⫩ лат. stă-tu-s „поставленный" (формы прич. прош. стр.); ст. сл. стоѭ. ае. К. sthā-.

Разсматриваемый гласный праязыка отражается въ санскритѣ въ видѣ *i*, въ лат.—*ă* и въ слав.—*o*. Между тѣмъ въ греческомъ языкѣ видимъ въ каждомъ изъ трехъ случаевъ особый краткій гласный, въ качественномъ отношеніи отвѣчаю-

щій своему долгому, срв. *τίθημι* || *θετός*, *δίδωμι* || *δοτός*, *ἵστᾱμι* (дорич.) || *στατός*. Однако въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаемъ *ᾰ* какъ ослабленіе также для *ē и *ō, срав. *λᾰγ-αρός* „тощій“ || *λήγ-ω* „прекращаю, перестаю“; *τρᾰγ-εῖν* — неопр. накл. аориста отъ *τρώγ-ω* „грызу“. Въ виду такихъ случаевъ представляется возможнымъ объяснить греч. *ο* и *ε* *параллелизаціей* въ соотвѣтствующимъ долгимъ гласнымъ тѣхъ же корней, нормальнымъ же рефлексомъ считать ᾰ, т. е. подобно латинскому ă.

Бросая взглядъ на выше изложенное, мы можемъ признать, что уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали по отношенію къ вокализму три главныхъ ступени или вида корней (а также придаточныхъ морфемъ): а) *первый полный* видъ, срв. греч. *πέτομαι* „лечу“, б) *второй* полный видъ, срв. *ποτάομαι* „летаю“ и в) *слабый* видъ, срв. *πτέσθαι* „полетѣть“, неопр. накл. аориста. [1]) Каждый изъ этихъ видовъ связанъ съ опредѣленнымъ кругомъ морфологическихъ категорій; что же касается фонетическихъ условій, которыя привели къ этимъ ступенямъ чередованія, то таковыя болѣе установлены относительно слабой ступени (именно—въ первомъ предъударномъ слогѣ), между тѣмъ какъ фонетическія условія для перваго и второго полнаго вида мало выяснены. Такимъ образомъ, на основаніи предшествующаго, праязы-

[1]) Необходимо еще имѣть въ виду что чередоваться со вторымъ полнымъ видомъ, содержащимъ средне-широкій губной гласный ŏ, могъ не только палятальный средне-широкій гласный ĕ, но изрѣдка и нейтральный—ă (срв. греч. *ἄγω* «веду» || *ὄγμος* «борозда», *σαφής* «ясный» || *σοφός* «мудрый»); аналогичное чередованіе свойственно и первично-долгимъ средне-широкимъ гласнымъ (срв. К. *θη-* «класть» || *θωμός* «куча», *φᾱμι* «говорю» || *φωνή* «голосъ»); наконецъ, краткіе средне-широкіе гласные находились еще въ чередованіи съ удлиненными гласными въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ, напр. *πατέρ-α* В. ед. || *πατήρ* И. ед. «отецъ», *εὐπάτορα* В. ед. || *εὐπάτωρ* И. ед. «имѣющій благороднаго отца», а слабый видъ имѣлъ двѣ варіаціи (см. стр. 21).

ковыя чередованія въ области аріо-европейскаго вокализма могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ:

	Краткія гласные передъ шумными и сонорными согласными.			Дифтонги.		Долгія гласные.	Сложныя фонемы (двуслоговыя базы).			
1-й полный видъ.	ĕC	ĕL	ĕN	ĕi	ĕu	V̄	ĕiə	ĕuə	ĕLə	ĕNə
2-й полный видъ.	ŏC	ŏL	ŏN	ŏi	ŏu	V̄				
Слабый видъ.	ᵉC	ᵉL̥	ᵉN̥	ĭ	ŭ	ə	ī	ū	ᵉL̥̄	ᵉN̥̄

Нужно еще указать, что процессъ ослабленія неударяемаго вокализма продолжалъ совершаться и по распаденіи аріо-европейскаго праязыка, т. е. на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, и такимъ образомъ къ праязыковымъ явленіямъ присоединился цѣлый рядъ новыхъ и притомъ неодинаковыхъ въ разныхъ языкахъ-потомкахъ.

Характеристика природы аріо-европейскаго ударенія въ связи съ послѣдующимъ его развитіемъ.

Въ виду того, что ослабленія неударяемаго вокализма, происшедшія въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, предполагаютъ экспираторный типъ ударенія, тогда какъ историческія свидѣтельства для древнѣйшаго состоянія ударенія въ вѣтвяхъ индійской и греческой, равно какъ и факты современной балтійско-славянской интонаціи, указываютъ на тоническій характеръ ударенія, нѣкоторые ученые допускаютъ, [1]) что

[1]) Срв. Brugmann Grundriss d. vgl. Gram. I² стр. 946—947.

въ самомъ аріо-европейскомъ праязыкѣ въ ходѣ времени возникали и складывались новыя явленія въ области ударенія, которое первоначально носило преимущественно *экспираторный* характеръ, обусловившій ослабленія въ неударяемомъ вокализмѣ, но подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ условій [1]) на ряду съ нимъ установился еще типъ ударенія съ характеромъ по преимуществу музыкальнымъ, [2]) а затѣмъ эти два вида ударенія перешли и въ обособившіяся вѣтви, при чемъ фактическія данныя изъ древнихъ языковъ сохранились въ ведійскомъ санскритѣ и древне-греческомъ, а изъ современныхъ языковъ-потомковъ различіе двухъ типовъ интонаціи удержалось лишь въ литовско-латышскомъ и немногихъ славянскихъ, преимущественно сербо-хорватскомъ. Сравнительное изученіе интонаціи въ этихъ языкахъ указываетъ на рядъ видоизмѣненій, которымъ подверглись первоначальные два вида ударенія; такъ, напр., сравненіе интонаціи древне-греческой и современной литовской въ склоненіи и спряженіи съ одной стороны обнаруживаетъ (какъ убѣдимся при изученіи морфологіи) значительный грамматическій параллелизмъ, т. е. острое

---

[1]) Однимъ изъ этихъ условій является слитіе смежныхъ гласныхъ, когда въ словѣ одна морфема заканчивалась гласнымъ, а другая, непосредственно слѣдовавшая за нею, начиналась гласнымъ, при чемъ въ результатѣ процесса слитный гласный могъ получить удареніе музыкальное или облеченное, какъ напр. въ Р. ед. ж. р. основъ на -ā-, гдѣ *-ā-ĕs ⟶ *ā̃s.

[2]) Къ эпохѣ господства первичнаго или экспираторнаго ударенія относятъ праязыковыя ослабленія вокализма, т. е. измѣненія преимущественно количественныя (напр. φέρω || δί-φρ̥ος «колесница для двоихъ», φαρέτρα «колчанъ»), вліянію же музыкальнаго ударенія приписывается огубненіе средне-широкихъ гласныхъ не-губныхъ, т. е. измѣненія качественныя (εὐπάτορα при πατέρα и др.). Не исключена возможность и того, что тѣ и другія измѣненія имѣли свои особыя положенія въ словѣ, напр. измѣненія перваго рода совершались преимущественно въ предъударной части словъ, а измѣненія второго рода въ нѣкоторыхъ положеніяхъ послѣ ударенія, особенно въ сосѣдствѣ съ сонорными согласными, или т. п. Вопросъ о томъ, по-скольку здѣсь сказалось вліяніе разницы эпохъ и поскольку вліяніе фонетическихъ положеній,—требуетъ новыхъ изысканій.

и облеченное удареніе распредѣляются въ обоихъ языкахъ во взаимномъ соотвѣтствіи, но съ другой стороны природа интонаціи того и другого вида вслѣдствіе какихъ-то измѣненій представляетъ въ нихъ по-видимому значительныя различія. [1]) При такомъ положеніи дѣла я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ обозначать эти грамматически-параллельныя интонаціи условными терминами: *интонація акута* (острое удареніе) и *интонація циркумфлекса* (облеченное удареніе) въ согласіи съ обычнымъ ихъ обозначеніемъ на письмѣ, т. е. ´ и ˜. Въ большинствѣ же вѣтвей древнее различіе двухъ видовъ интонаціи постепенно стерлось (музыкальное удареніе сохранилось лишь за сферой выразительности) и такимъ образомъ установился одинъ общій типъ ударенія съ экспираторнымъ характеромъ въ связи съ нѣкоторыми фонетическими явленіями, каковы напр. утрата различія между первичной долготой и краткостью гласныхъ, новый слой ослабленій неударяемаго вокализма, имѣвшій послѣдствіемъ укороченіе словъ (срв. скт. agnîḥ „огонь“ и соврем. гиндуст. āg). [2]) При разсмо-

---

[1]) Подробности о природѣ интонаціи читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи «Сравнительная грамматика аріо-европейскихъ языковъ» I (1914) стр. 25—31 (удареніе въ ведійскомъ санскритѣ), 36—41 (греческое удареніе), 51—60 (литовское и сербо-хорватское).

[2]) Возможно думать, что одной изъ причинъ указанныхъ позднѣйшихъ преобразованій является привычка къ сосредоточенію *произносительнаго вниманія* на удареніи слова, благодаря чему сначала неударяемые долгіе слоги укорачиваются и уравниваются съ краткими, а затѣмъ уравниваются и ударенные (указываемая причина, стало быть,—*психическая*). При этомъ не трудно видѣть, что процессъ представляетъ въ конечномъ результатѣ значительную *экономію* духовныхъ силъ, такъ какъ вниманіе во время говоренія не направлено на регулированіе фонаціонныхъ слоговыхъ толчковъ еще и въ отношеніи временной ихъ длительности, — теперь *всѣ* слова подчиняются общему опредѣленному ритму и, слѣдов., произносительная дѣятельность стала для вниманія проще и легче; въ то же время при различіяхъ въ антропофоническомъ строеніи словъ, образовавшихся на почвѣ отдѣльныхъ языковъ-потомковъ, и произносительное вниманіе необходимо получаетъ въ нихъ различное направленіе и характеръ.

тренiи эволюцiи ударенiя въ нашемъ языковомъ семействѣ представляется вниманiю изслѣдователя еще одинъ моментъ, а именно—первоначально *свободное* ударенiе (т. е. не ограниченное опредѣленными слогами въ словѣ) становится въ рядѣ языковъ *связаннымъ* опредѣленными фонетическими условiями относительно мѣста въ словѣ; такъ, в греческой вѣтви сформировался *законъ трехъ слоговъ* (т. е. ударенiе можетъ приходиться только на трехъ послѣднихъ слогахъ въ словѣ и дальше третьяго слога отъ конца не заходитъ), при чемъ опредѣляющимъ фонетическимъ моментомъ является долгота или же краткость *послѣдняго* слога (правило ultimae syllabae); также и въ латинскомъ, гдѣ однако опредѣляющимъ моментомъ служитъ временное количество *предпослѣдняго* слога (правило paenultimae syllabae), при чемъ послѣднiй слогъ въ латинскомъ вовсе не имѣетъ ударенiя—т. наз. „баритонизмъ". Фаза баритонизма, послѣдствiемъ которой является потеря ряда окончанiй и происходящее отсюда укороченiе словъ, проходилась въ исторiи большей части вѣтвей нашего семейства и такимъ образомъ данный процессъ, связанный съ эволюцiей ударенiя, является однимъ изъ наиболѣе общихъ въ исторiи арiо-европейскихъ языковъ.

Консонантизмъ.

Изложенiе арiо-европейскаго консонантизма мы расположимъ, соотвѣтственно физiологической группировкѣ согласныхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: взрывные глухiе (Tenues), звонкiе взрывные (Mediae), звонкiе взрывные придыхательные (Mediae aspiratae), глухiе взрывные придыхательные (Tenues aspiratae), плавные и носовые (Liquidae, Nasales), придувные (Spirantes).

Отраженіе первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ не-придыхательныхъ. Два ряда задне-язычныхъ согласныхъ и вопросъ о третьемъ рядѣ.

Первоначальные *взрывные глухіе* были представлены звуками *p, *t и звукомъ *k двоякаго или же трояваго типа. Мы разсмотримъ сначала судьбу *p и *t въ виду большей простоты отраженія.

Рефлексы или отраженія первоначальныхъ p и t въ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языкахъ не представляютъ особенныхъ трудностей для изслѣдователя. Эти первоначальные согласные отражаются вообще какъ p и t. Особенности представляютъ вѣтви германская, кельтская и армянская. Германская вѣтвь характеризуется извѣстнымъ *передвиженіемъ* согласныхъ (Lautverschiebung), на которое впервые указали Rask и Grimm; если мы обратимся спеціально къ готскому, то въ немъ вмѣсто первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ мы встрѣчаемъ соотвѣтствующіе глухіе спиранты, т. е. вм. p—f, вм. t—ϑ (вм. k^1—h, вм. k^2—hv), это—въ началѣ словъ и, послѣ ударенія,[1]) внутри словъ; передъ и подъ удареніемъ внутри слова глухіе спиранты въ положеніи между гласными являются измѣнившимися въ соотвѣтствующіе звонкіе спиранты, обозначаемые въ готской письменности начертаніями Mediae, т. е. b, d; ср. гот. brōϑar „Bruder" (въ прагерманскомъ древнѣйше удареніе было на начальномъ слогѣ, вслѣдствіе чего *t внутри слова дало въ готскомъ ϑ) || fadar „Vater" (въ прагерманскомъ первоначально удареніе было на конечномъ слогѣ, вслѣдствіе чего согласный *t этого слога, пройдя

[1]) Говоря объ удареніи, имѣю въ виду удареніе не современнаго нѣмецкаго языка, а прагерманское, когда оно еще было свободнымъ или подвижнымъ, т. е. подобно напр. современному русскому и соотвѣтствовало аріо-европейскому. На это вліяніе при «Lautverschiebung» первоначальнаго ударенія впервые указалъ Karl Verner въ статьѣ «Eine ausnahme der ersten lautverschiebung (KZ XXIII, 1877, стр. 97—130).

стадію *ϑ*, измѣнился затѣмъ въ соотвѣтствующій звонкій). Что касается кельтскаго, то въ немъ нужно отмѣтить исчезновеніе начальнаго *p* наприм.: *˛lān* (plēnus), *˛aϑir* (pater), *˛ro* (pro) и т. п. и переходъ t между гласными въ спирантъ (*ϑ*). Въ армянскомъ *f* изъ *p замѣняется посредствомъ *h*, а *ϑ* изъ *t между гласными исчезаетъ, напр. *h*a˛ir=греч. *πατήρ*.

Примѣры:

*p: *п*олный, ст.-слав. плънъ=скт. *p*ūr̥ṇáḥ=[греч. *πίμπλημι* „наполняю"]=лат. *p*lēnus=нѣм. *v*oll=лит. *p*ìlnas.

*t: *т*о=скт. *t*at=греч. *τό*=лат. (is)-*t*ud=лит. *t*às (муж. р.), *t*à (женск.).

*т*ы=скт. *t*vám—греч. *τύ*, *σύ*=лат. *t*ū=гот. *ϑ*u, нѣм. *d*u=лит. *t*ù.

Существованіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ двухъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ подтверждается различнымъ отраженіемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства. Въ то же время отраженіе каждаго ряда оказывается неодинаковымъ въ *восточной* и *западной* группѣ этихъ языковъ. Такъ, взрывному согласному *k* западной группы (греч., лат., кельт.) [1]) соотвѣтствуетъ передне-язычный придувной свистящій или шипящій въ восточной группѣ (скт. ç; авест., армян., албан. и слав. s, литов. š), между тѣмъ какъ согласному *k* восточнаго отдѣла соотвѣтствуетъ въ западномъ отдѣлѣ или звукъ *k* лябіализованный, т. е. съ губнымъ призвукомъ (*kw*), или же прямо губной согласный (*p*). Изслѣдованіе перваго ряда привело къ предположенію въ праязыкѣ *k* болѣе передней артикуляціи (обычно обозначаемаго посредствомъ *k̂, т. е.

---

[1]) Къ этой группѣ принадлежитъ и германская вѣтвь, въ которой однакожъ отраженіе согласныхъ представляетъ нѣкоторыя особенности вслѣдствіе спеціально-германскаго закона «передвиженія» согласныхъ (Lautverschiebung); напр. разсматриваемое *k* германскіе языки передвинули въ *h*.

„палятальнаго“ [1]) k, или же посредствомъ *k[1]), тогда какъ для послѣдняго случая предполагаютъ *k* съ болѣе задней артикуляціей (ае. *q[w] или *k[2]). Примѣры:

*k[1]: скт. *çatám* „сто“ ≠ греч. *ἑ-κατόν* [2]) ≠ лат. centum [3]) ≠ гот. *h*und (соврем. нѣм. *h*undert) ≠ лит. šimtas ≠ ст.-сл. съто.

скт. dáça ≠ греч. *δέκα* ≠ лат. decem ≠ лит. старое dẽšimtis, теперь же безъ окончанія dẽšimt ≠ ст.-сл. десѧть.

*k[2]: гр. *ἕπομαι* „слѣдую“ ≠ лат. se*qu*or ≠ лит. se*k*ù (слав. сокъ „доносчикъ“) ≠ скт. sá*c*atē (3 ед. наст.) со смягченіемъ *k* въ *č*.

ст.-сл. влъкъ, рус. во*лк*ъ ≠ скт. vŕ̥*k*aḥ ≠ греч. *λύκος* ≠ гот. wul*f*s, нѣм. Wolf ≠ лит. vil*k*as.

---

[1]) Терминъ «палятальный», въ примѣненіи къ этому случаю, не обозначаетъ вполнѣ мягкаго произношенія задне-язычнаго согласнаго (какъ напр. въ современномъ русскомъ языкѣ), но лишь сравнительно легкій оттѣнокъ палятальности (въ родѣ напр. нѣмецкаго *k* въ словѣ *K*ette или т. п.).

[2]) Греч. начальное ἑ- соотвѣтствуетъ санскритскому *sa-*, встрѣчающемуся въ названіи тысячи (*sa-hásram*).

[3]) Въ древне-латинскомъ начертаніе *c* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ выговаривалось какъ *k*, теперь же произносятъ его въ этомъ положеніи неодинаково, а именно: нѣмцы и послѣдовавшіе ихъ примѣру славяне—какъ *ц*, тогда какъ романскіе народы соотвѣтственно тѣмъ звукамъ своего языка, въ которые преобразовалось древнее латинское произношеніе, т. е. итальянцы произносятъ какъ *ч*, французы—какъ *c* (*s*) и т. п. Что касается древняго латинскаго произношенія буквы *c* какъ *k* въ сочетаніяхъ *ce* и *ci*, то оно доказывается, между прочимъ, транскрипціей греками латинскихъ словъ, напр. φῆκιτ, Κικέρων, κῆνσωρ... Написанія, указывающія на перерожденіе задне-язычнаго согласнаго въ положеніи передъ палятальными гласными, появляются впервые лишь въ VI в. по Р. Х.; съ этого времени встрѣчаются такія написанія, какъ *s*isternae (вм. *c*isternae), pa*z*e; встрѣчаются также написанія съ *tz*, *tc*. Однако необходимо предположить, что столь значительное звуковое перерожденіе могло совершиться лишь постепенно, такъ что начальныя фазы смягченія должны быть отнесены къ болѣе раннему времени. Раньше всего измѣненію должно было подвергнуться CI передъ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. ki̯V); и дѣйствительно, въ этихъ условіяхъ еще въ III—IV в. по Р. Хр. появляется въ надписяхъ смѣшеніе CI и TI.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало два типа *k* (и вообще задне-язычныхъ согласныхъ, какъ убѣдимся впослѣдствіи): *k¹ (болѣе переднее) въ восточномъ отдѣлѣ перешло изъ задне-язычнаго взрывного въ передне-язычный придувной согласный, а въ западномъ отдѣлѣ сохранилось въ видѣ *k*; *k² (болѣе заднее) въ восточномъ отдѣлѣ вмѣсто глубокаго стало менѣе глубокимъ, а въ западномъ отдѣлѣ, будучи получено болѣе глубокимъ, проявляется губностью. И такъ, восточный отдѣлъ характеризуется передвиженіемъ обоихъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ въ болѣе переднюю артикуляцію (*k* переднее→*s* или *š*, а *k* глубокое→*k* неглубокое), западный же отдѣлъ, напротивъ того, обнаруживаетъ бо́льшую устойчивость обоихъ рядовъ. Впрочемъ *k² при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ западномъ отдѣлѣ (въ греч. и лат.) отражается въ видѣ простого *k*, т. е. безъ лябіализаціи (напр. срв. греч. *καίω* „жгу" и лат. cū-do „кую"=ст.-сл. коуѭ; греч. *λευκός* и лат. lūx=ст.-сл. лоуча и пр.); это и есть новооткрытый *третій рядъ* задне-язычныхъ согласныхъ (*K³), который однако, по моему мнѣнію, правильнѣе считать лишь частнымъ случаемъ и именно *k², а не отдѣльнымъ самостоятельнымъ звукомъ.

Мы еще не вполнѣ разсмотрѣли отраженіе *k² въ аріоевропейскихъ языкахъ, такъ какъ рефлексы *k² представляютъ различія въ зависимости отъ того, передъ несмягчающими или же смягчающими звуками стояло *k² (смягчали же гласные *e*, *i*, полугласный į и согласный j). Въ случаѣ смягченія, срв. напр.

скт. pácati=греч. *πέσσει πέττει* [1])=лат. co*qu*it=ст.-сл. печеть;

скт. *c*it=греч. *τι*=лат. *qu*id; скт. *c*a=греч. *τε*=лат. *qu*e,

[1]) Греч. глаголъ *πέσσω* или атт. *πέττω*, родственный по корню съ санскритскимъ, представляетъ однако другое образованіе наст. вр., а именно

санскритъ съ зендомъ имѣютъ *c*, греч. *τ*, латинскій представляетъ смягченіе лишь въ задаткѣ, [1]) ст.-сл. ч. Такимъ образомъ, смягченіе въ древнихъ языкахъ-представителяхъ аріо-европейскаго семейства представляетъ разныя стадіи развитія, начиная отъ легкой аффекціи и кончая сильнымъ перерожденіемъ звука: значительное развитіе смягченія свойственно языкамъ арійскимъ и слав.; меньшую степень представляетъ языкъ греческій; въ прочихъ же языкахъ, если смягченіе и существуетъ, то лишь въ начальной фазѣ. Отсюда можно съ достаточною вѣроятностью принять, что процессъ смягченія $*k^2$ развился уже по распаденіи праязыка, и притомъ въ арійскомъ отдѣлѣ до обособленія вѣтвей индійской и иранской, въ греческой вѣтви особо отъ италійской, въ славянской вѣтви отдѣльно отъ балтійской. [2])

Въ славянскихъ языкахъ *k* ($*k^2$) встрѣчается смягченнымъ не только въ ч, но также еще въ ц. Послѣднее смягченіе имѣетъ мѣсто передъ ѣ дифтонгическаго происхожденія, т. е. передъ ѣ изъ *ŏi и *ăi, которые на почвѣ праславянской смѣшались въ звукѣ *oi, имѣвшемъ разный путь развитія передъ слѣдующимъ гласнымъ или же согласнымъ, такъ что получалось ojV и ѣC,—и вотъ въ послѣднемъ случаѣ, т. е. передъ ѣC, и наблюдаемъ смягченіе въ ц (ср. цѣна=*ποινή*), равно какъ и въ положеніи на концѣ слова (срв. Locat. sing. влъцѣ, гдѣ -ѣ изъ ае. *ŏi). Такимъ образомъ передъ согласными имѣемъ:

=$*pek^2j\bar{o}$ (значитъ въ этомъ греческомъ словѣ смягченіе вызвано не палятальнымъ гласнымъ, а звукомъ i̯ или j).

[1]) Хотя въ латинскомъ одинаково писалось *qu* передъ несмягчающими и смягчающими звуками, но греческая передача (какъ въ надписяхъ, такъ и у писателей) латинскихъ словъ указываетъ на различіе оттѣнка губного полугласнаго (w) слѣдовавшаго за q, напр. Τορκουατος ‖ Ταρκύνιος.

[2]) Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что между тѣмъ какъ первые представляютъ на мѣстѣ $*k^2$ въ случаѣ смягченія звукъ ч, послѣдній успѣлъ развить лишь непереходное смягченіе *k* въ *k'*, напр. ст.-сл. четыре=лит. *keturi*.

ae.	праслав.			ст.-сл.
*k²ŏ, *k²ă	→ *kŏ			→ ко
*k²ĕ	→ *k'ĕ	če		→ чє
*k²ĕi	→ *k'ĕi	čī		→ чи
*k²ŏiC, *k²ăiC	→ *kŏi	k'ō̄ⁱ	cē	→ цѣ

Смягченіе **k* съ послѣдующимъ перерожденіемъ въ ц принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ ч, въ зависимости отъ того, что гласный *e* и другіе палятальные звуки дѣйствовали смягчающимъ образомъ уже въ то время, когда на мѣстѣ гласнаго ѣ дифтонгическаго происхожденія имѣлся еще дифтонгъ ŏi, который, начинаясь не-палятальнымъ гласнымъ, не могъ смягчать предшествующаго согласнаго.

Смягченіе к въ ц, какъ съ обстоятельностью разъяснилъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, [1]) въ славянскихъ языкахъ наблюдается еще въ другомъ случаѣ, именно—*въ положеніи послѣ* ĭ, ī: отьць, овьца, дѣвица. Форма отьць восходитъ къ *-ĭk²ŏ́s: подъ вліяніемъ предъидущаго ĭ, при удареніи за этимъ слогомъ, *k* постепенно смягчилось въ ц. [2]) Въ

---

[1]) Бодуанъ-де-Куртенэ И. Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палятализаціи въ славянскихъ языкахъ, въ Уч. Зап. Юрьев. Унив. 1893, № 2; Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), въ Indogerm. Forschungen IV, 1894 г. Срв. Шахматовъ А. А. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (въ Энцикл. слав. фил., вып. 11-₁, 1915 г.), стр. 65 (*§ 116*).

[2]) Здѣсь нужно обратить вниманіе на мнимое, хотя и не рѣдко указывающееся въ грамматическихъ трудахъ, *измѣненіе* ц въ ч въ такихъ случаяхъ, какъ отьць— отьчє. Въ дѣйствительности же тутъ только *чередованіе* ц ‖ ч, при чемъ какъ тотъ, такъ и другой звукъ имѣетъ особую исторію своего развитія изъ *k², а именно: смягченіе *k* въ *ч* болѣе ранняго, а смягченіе *k* въ *ц* болѣе поздняго происхожденія. Помимо этого въ русскомъ языкѣ діалектически наблюдается разнаго рода взаимная мѣна между *ц* и *ч*,

виду одинаковости результата можно тотъ и другой случай смягченія (т. е. цѣна || овьца) отнести къ одному времени, при отсутствіи противорѣчащихъ данныхъ.[1]) Необходимо, конечно, принять въ расчетъ и вліяніе аналогіи.[2]) Другіе аріо-европейскіе языки въ лицѣ своихъ древнихъ представителей на мѣстѣ этого сравнительно поздняго славянскаго смягченія *k* въ *ц* не представляютъ никакого смягченія, ср. ст.-сл. цѣна = авест. kaēnā = лит. kaina, или ст.-сл. овьца = скт. avikā́; но въ дальнѣйшемъ развитіи и въ этихъ языкахъ могли возникать новые слои смягченія, ср. напр. ново-греческое діалектическое t͡séo = древне-греческому *καίω*, и т. п.

Отраженіе первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ не-придыхательныхъ.

Первоначальные звонкіе взрывные **b*, **d*, *g̑(g[1]) и g(g[2]) по своимъ отраженіямъ представляютъ во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ готскаго, параллель съ разсмотрѣнными выше глухими взрывными, какъ звонкіе съ парными глухими (срв. *k[1] = слав. с и греч. *κ*, *g[1] = слав. з и греч. *γ*; *k[2] = слав. к и греч. *π*, *g[2] = слав. г и греч. *β*). Въ готскомъ мы видимъ передвиженіе первоначальныхъ *b*, *d*, *g*[1] и *g*[2] въ соотвѣтствующіе взрывные глухіе,[3]) т. е. въ *p*, *t*, *k* и *q*; въ другихъ же аріо-европейскихъ языкахъ ре-

---

еще достаточно не изслѣдованная и не объясненная. Далѣе, на русской почвѣ встрѣчаемъ діалектически новѣйшій слой смягченія *k'* → *т'*, напр. *т*исть вм. *к*исть и т. п.

[1]) Срв. мой Общій курсъ рус. грамм. (1913)[4] стр. 402—403.

[2]) Такіе случаи, какъ дѣви́ца, по причинѣ своего ударенія не подходящіе подъ правило, проф. Будуэнъ-де-Куртенэ объясняетъ вліяніемъ аналогіи. Можно принять, что отъ такихъ образованій, какъ «ов*ца́*» (ст.-сл. овьца = скт. avikā́), суффиксъ -*ца* распространился и на случаи *-ī́ka, заступивъ мѣсто -*ka*, толчокъ къ чему могъ идти, по моему мнѣнію, отъ одинаковости для обѣихъ категорій смягченія въ *ч*, срв. овечій || дѣвичій и т. п.

[3]) Передвиженіе въ глухіе произошло также въ армянской вѣтви.

флексы первоначальныхъ g^1 и g^2 находятся въ соотвѣтствіи съ рефлексами k^1 и k^2, какъ звонкіе съ своими глухими. [1]) Нужно еще обратить вниманіе на рефлексы разсматриваемыхъ согласныхъ въ зендѣ. Памятникомъ этого языка является *Авеста*, дошедшая до насъ не вся, а только въ нѣкоторыхъ частяхъ, одна изъ которыхъ представляетъ діалектъ, нѣсколько отличающійся отъ другихъ частей и являющійся болѣе древнимъ (діалектъ gāϑā- или гимновъ). Въ этомъ діалектѣ (такъ же какъ и въ древне-персидскомъ) первоначальные *b*, *d*, g^2 отражаются какъ *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), тогда какъ въ другихъ частяхъ авесты мы встрѣчаемъ развѣтвленіе: въ началѣ словъ продолжаютъ оставаться *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), въ серединѣ же словъ при звонкомъ сосѣдствѣ они измѣнились въ соотвѣтствующіе спиранты, т. е. *w*, *δ*, *γ* (смягч. ž); [2]) g^1 въ авест.=*z*.— Рефлексы отъ *смягченія* *g² находятся въ соотвѣтствіи или гармоніи съ разсмотрѣннымъ выше смягченіемъ *k².

Примѣры:

*b [3]): *больше*⫩скт. *b*álam (сила), *b*alí „сильный", báliyān (сравн. степ. прил.), báliṣṭhaḥ (превосх., „сильнѣйшій"). Ср. также греч. *βελτίων*, *βέλτιστος*.
борзый (бръзъ)⫩греч. *βραχύς* (коротkій)⫩лат. *b*revis.

*d: *домъ*⫩скт. *d*ámaḥ⫩греч. *δόμος*⫩латинск. *d*omus.
дать... (см. выше стр. 13).

*g¹: *знать*⫩скт. *j*ñā-yá-tē (n мягкое подъ вліяніемъ предшествующаго j) 3 sg. praes. pass.⫩греч. *γι-γνώ-σκω*⫩лат. (*g*)nōsco co-*g*nō-sco⫩лит. žinaŭ.

---

[1]) Такъ, въ санскритѣ, какъ мы знаемъ, k^1=ç, k^2=*k* (смягч. *c*); аналогичнымъ образомъ g^1=*j*, g^2=*g* (смяг. *j*, т. е. соотвѣтствующій звонкій для *c*). Вѣроятно, *j* въ санскритѣ, отражая собою g^1 и g^2 (смягч.), имѣло въ древнѣйшія эпохи не одинъ и тотъ же звукъ въ этихъ двухъ случаяхъ, но что въ одномъ случаѣ произносился соотвѣтствующій звонкій для ç, а въ другомъ—соотвѣтствующій звонкій для *c* (ср. зендъ).

[2]) См. Hübschmann H., Iranische studien, KZ XXIV (1879) стр. 343.

[3]) Примѣровъ для первоначальнаго *b* въ аріо-европейскихъ языкахъ очень мало.

греч. *φηγός* = лат. fā*g*us = др.-вхн. buo*ch*a (соврем. Buche „букъ"); въ слав. и русскомъ—согласно законамъ звуковыхъ соотвѣтствій—ожидалось бы +базъ, вмѣсто котораго находимъ слово *букъ*, очевидно представляющее заимствованіе изъ германской языковой области, какъ культурное слово.

*g²: скт. *g*am- „идти" = греч. *βαίνω* „иду" = лат. *v*enio „прихожу".

*г*овядо (гов-ядо) = скт. *g*ā́u-ḥ = греч. *βοῦ-ς* = лат. *b*ō-s [1]) = кельт. *b*ō.

сте*г*ать (сте*ж*окъ) = скт. ti*g*máḥ „острый" = греч. *στιγμός* „уколъ" = лат. instin*gu*o „побуждаю". [2])

*ж*еребенокъ (жрѣбѧ) [3]) = скт. *g*árbhaḥ (муж., утроба матери, дитя) = греч. *βρέφος* (зародышъ, дитя, дѣтенышъ) || *δελφύς* (чрево).

Отраженіе первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ.

Разсмотримъ теперь судьбу первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ, т. е. **bh*, **dh*, *g^1h (или *ĝh) и *g^2h (или *gh).

Придыхательные *bh*, *dh* и *gh* встрѣчаются только въ *санскритѣ*; въ двухъ языкахъ—*греческомъ* и *латинскомъ*—

[1]) Въ латинскомъ словѣ находимъ *b* вм. ожидаемаго *v* (изъ gw), нужно думать, вслѣдствіе заимствованія.

[2]) gu (gw) передъ гласнымъ удержалось въ лат. при предшествующемъ *n*; передъ *t*, подъ вліяніемъ ассимиляціи, будетъ просто с: instinctus «побужденіе».

[3]) Относительно хронологіи смягченія g въ ӂ замѣтимъ, что оно произошло еще до т. наз. «перестановки», свойственной сѣверо-западному и южному отдѣлу славянскихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ словѣ грѣхъ, гдѣ сочетаніе грѣ является исконнымъ (ср. рус. «грѣхъ») и слѣдов. g не стояло непосредственно передъ палатальнымъ гласнымъ, смягченія нѣтъ. Въ словѣ жрѣбѧ произошло смягченіе въ ту эпоху, когда въ этомъ словѣ порядокъ звуковъ былъ *gĕrb.—Въ греч. *g² смягчается въ δ,—т. е. подобно смягченію *k² въ τ, срв. δελφύς.

придыханіе, будучи по природѣ глухимъ и тѣсно примыкая къ предшествующему звонкому взрывному компоненту, приглушало его, и такимъ путемъ въ *греческомъ* первоначальные звонкіе придыхательные измѣнились въ глухіе придыхательные: *φ* (т. е. ph), *ϑ* (th), *χ* (kh), въ *латинскомъ* же произошло развѣтвленіе: въ началѣ слова изъ глухого придыхательнаго развился глухой спирантъ, а внутри слова при звонкомъ сосѣдствѣ — звонкій взрывной (кромѣ случаевъ *g^{1}h=*h*, напр. ve*h*o, и *g^{2}h=*v*, напр. ni*v*em), срв. *f*ero || ti*b*i. Въ остальныхъ языкахъ—въ *зендѣ* (языкѣ авесты), *славянскомъ*, *литовскомъ* и *кельтскомъ*, т. е. въ языкахъ, образующихъ собою сѣверную полосу въ аріо-европейской семьѣ, первоначальные звонкіе придыхательные отражаются въ видѣ звонкаго взрывного; такимъ образомъ они смѣшались здѣсь съ рефлексами первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ; въ *готскомъ* они отражаются въ видѣ звонкаго согласнаго, но не совпали съ рефлексами первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ. Нужно прибавить, что въ *зендѣ* первоначальные звонкіе придыхательные, смѣшавшись съ первоначальными звонкими взрывными, вмѣстѣ съ послѣдними затѣмъ развѣтвились на взрывные и придувные (см. стр. 37).

Примѣры:

*bh: *б*еру (бер҄ж)ǂскт. *bh*árāmi... (см. стр. 3).
о*б*ъǂскт. a*bh*íǂгреч. *ἀμφί*ǂлат. am*b*- (напр. am*b*ire).

*dh: *д*ымъǂскт. *dh*ūmáḥǂгреч. *θῡμός*ǂлат. *f*ūmus.
ры*ж*ій (рыждь, жд изъ *dj), рѣдръǂскт. ru*dh*iráḥ „красный, кровавый“ǂгреч. *ἐρυθρός* „красный“ǂ лат. ru*b*er (id.) [1]

---

[1] *dh дало въ лат. внутри слова *b* при слѣдующемъ *r* (rubro-), иначе было бы *d* (напр. лат. fi*d*oǂгреч. *πείθω*; ae*d*esǂ*αἰθ-*) (въ оссковумбрской группѣ и внутри слова имѣется губной согласный f, а потому форма rufus,

*g¹h: *везу*⫲лат. ve*h*o и пр. (см. стр. 3).

лизать⫲скт. К. li*h*- и ri*h*-⫲греч. *λείχω*⫲лат. lin*g*o (послѣ *n* имѣется *g*, а не *h*)⫲лит. lëžiù.

скт. *h*asáḥ „гусь"⫲греч. *χᾱν χᾱνός* (дорич.) и *χήν χηνός* (іон.-атт.)⫲лат. (*h*)anser⫲др.-вхн. gans⫲лит. žąsìs; въ слав. ожидали бы ⁺ʒжсь (рус. ⁺*зусь*), вм. чего оказывается гжсь (*гусь*)—заимств. изъ герм.; заимствованіе должно отнести къ эпохѣ общеславянской, такъ какъ данное слово въ этомъ видѣ повторяется во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ. Между тѣмъ литовскій языкъ, ближайшій родичъ послѣднихъ, остался при природномъ словѣ.

*g²h: *снѣгъ*⫲греч. *νίφα* (В. ед.) „снѣгъ"⫲лат. ni*v*em „снѣгъ" В. ед. (при И. ед. nix), nin*gu*it (съ *gu* послѣ *n*) „идетъ снѣгъ" [1])⫲гот. snai*w*s „снѣгъ"⫲лит. snẽ*g*as „снѣгъ", sniñ*g*a „идетъ снѣгъ".

угорь (жгрь) || *ужъ* (жжь)⫲лит. angìs „ужъ"⫲лат. anguis „змѣя"; скт. á*h*iḥ „змѣя" [2])⫲греч. *ὄφις* „змѣя".

горѣть⫲скт. *gh*armáḥ *м.* „жара, жаръ"⫲греч. *θερμός* (гдѣ *θ* вслѣдствіе смягченія) „теплый, жаркій"⫲лат. *f*or*m*us (id.). [3])

имѣющаяся въ лат. рядомъ съ ruber, не—природная латинская, а заимствована изъ названной языковой группы). Согласный *b* развился изъ *dh въ лат. внутри словъ кромѣ того при предшествующемъ *r* (напр. ver*b*um «слово»⫲гот. waúr*d* «слово», соврем. нѣм. Wort), передъ *l* (sta*b*ulum «мѣсто стоянія, стойло» изъ *staþlo-, гдѣ *b*=ae. *dh) и, наконецъ, послѣ *u* (напр. nu*b*es «облако»). Всѣ рефлексы ae. *dh въ италійской вѣтви прошли первоначально стадію межзубного глухого спиранта þ (ϑ), т. е. ae. *dh→*th→*þ.

[1]) Срв. вышесказанное по поводу латин. слова instinguo—сноска 2-ая на стр. 38.

[2]) Въ санскритѣ **g²h* отражается въ видѣ *gh* передъ звуками несмягчающими, передъ звуками же смягчающими—въ видѣ *h*; такимъ образомъ *k* : *c* (*k²)=*g* : *j* (*g²)=*gh* : *h* (*g²h).

[3]) Латинскій характеризуется широкимъ развитіемъ лябіализаціи; ср. *f*ui (*bh), *f*umus (*dh), *f*ormus (g²h); ti*b*i (*bh), ru*b*er (*dh).

Въ виду того, что въ санскритѣ встрѣчаются первоначальные глухіе придыхательные, напр. *áthā* (вотъ), *vētha* = *οἶσθα* (ты знаешь—перф.), предполагаютъ, что и въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали *глухіе взрывные придыхательные*, т. е. *ph*, *th*, *k¹h*, *k²h*; но я не останавливаюсь на нихъ въ виду малочисленности примѣровъ.

Первоначальные плавные и носовые. Отраженіе первоначальныхъ придувныхъ согласныхъ.

Первоначальные *носовые* *m* и *n* отражаются тоже какъ *m* и *n* на почвѣ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языковъ, при чемъ конечное *-m* на почвѣ нѣкоторыхъ вѣтвей (греч., балт., слав.) переходило въ *n*; кромѣ того, носовые согласные, замыкавшіе слогъ, легко переходили на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей въ носовой призвукъ предшествующаго гласнаго (срв. греч. *πόντος* „море" = ст.-сл. пѫть).

Первоначальные *плавные* *r* и *l* отражаются вообще тоже соотвѣтствующимъ образомъ, кромѣ зенда, имѣющаго одно *r*; *r* вмѣсто или въ чередованіи съ *l* нерѣдко встрѣчаемъ въ санскритѣ, представителѣ той же арійской или индо-иранской вѣтви. [1])

Первоначальные *придувные* *j*, *v* и *s* въ большей части аріо-европейскихъ языковъ болѣе или менѣе сохраняются,

---

[1]) По изслѣдованію акад. Ф. Ѳ. Фортунатова оказывается, что сочетаніе R+dentalis удерживается въ санскритѣ, тогда какъ L+dentalis отражается въ видѣ соотвѣтствующаго церебральнаго согласнаго съ утратою предшествующаго L; см. его статью: «L+dental im Altindischen» въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen VI, 215 и слѣд. Впослѣдствіи акад. Фортунатовъ допустилъ существованіе въ ае. праязыкѣ двухъ *l*: *λ и *l, изъ которыхъ первое дало европ. *l* и индо-иран. *r*, а второе, болѣе рѣдкое, и въ санскритѣ встрѣчается въ видѣ *l*; именно къ послѣднему и примѣняется законъ L+dentalis; см. его статью «Индо-европейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ» (въ Сборникѣ статей въ честь Ѳ. Е. Корша. Москва 1896).

но въ нѣкоторыхъ (въ греческомъ и кельтскомъ) легко исчезаютъ. Въ греческомъ спиранты въ началѣ словъ, передъ гласными, частію обратились въ густое придыханіе, а внутри слова, между гласными, какъ извѣстно, исчезли; ср. ἕννυμι „одѣваю", кор. ϝεσ- (впрочемъ начальное w обычно отражается въ видѣ spiritus lenis, срв. ὄψ = лат. *v*ox, ἐμέω = *v*omo, ἔπος = скт. vácaḥ), ἕξ = лат. *s*ex; густое придыханіе могло образоваться даже на почвѣ двухъ спирантовъ, напр. изъ *sv*: ἡδύς = лат. suāvis (вм. suadvis); только начальное j въ греч. является усилившимся въ ζ-, напр. ζυγόν = лат. jugum.[1]) Въ латинскомъ языкѣ нужно отмѣтить измѣненіе *s* въ *r* внутри слова при звонкомъ сосѣдствѣ, напр. genu*s* || gene*r*is (срв. отраженіе первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ въ тѣхъ же условіяхъ, напр. *f*ero || ti*b*i, *f*umus || ru*b*er); кромѣ того, **s* въ лат. передъ *r* переходило въ межзубное þ, откуда въ началѣ словъ получалось *f* (напр. *f*rigus = греч. ῥῖγος изъ ае. *srīgōs), а внутри слова *b* (срв. tene*b*rae = скт. támisrā „темнота"), т. е. въ этомъ случаѣ произошло совпаденіе съ рефлексами первоначальнаго ае. *dh въ томъ же положеніи, т. е. въ сочетаніи съ слѣдующимъ *r*.

---

[1]) Нужно прибавить, что въ области j и v различаютъ собственно согласные звуки (j, v) и затѣмъ—близкіе къ нимъ полугласные i̯(y) и u̯(w), при чемъ *i̯ въ началѣ слова въ греч. даетъ густое придыханіе, напр. ὅς = скт. yás = ст.-сл. и (jь ← *jъ). Гораздо труднѣе, а часто и не удается опредѣлить различіе первоначальныхъ v и w. Полугласные возникли между прочимъ при распаденіи дифтонговъ передъ гласными: *eiV → e | i̯V, *euV → e | wV, т. е. въ положеніи передъ гласнымъ второй элементъ дифтонга редуцировался и измѣнялся въ полугласный, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему гласному. При изслѣдованіи звуковъ v и w нужно помнить, что *v* бываетъ губно-губное и губно-зубное, при чемъ въ этомъ случаѣ могли быть діалектическія различія въ нашемъ языковомъ семействѣ. Срв. Schulze G. Über das Verhältniss des Z zu den entsprechenden Lauten der verwandten Sprachen. Göttingen 1867. Коршъ Ѳ. Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана, стр. 4 сл. (отт. изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1895 г.). Фасмеръ М. Изслѣдованіе въ области древне-греческой фонетики. М. 1914 г. (*Рец.* И. И. Эндзелина въ Ж. М. Н. Пр., окт. 1915 г.).

Въ германскихъ языкахъ развѣтвленіе *s* на *s* и *r* находится въ связи съ развѣтвленіемъ первоначальныхъ глухихъ взрывныхъ на глухіе спиранты и звонкіе согласные. Въ славянской семьѣ *с* (*s*) чередуется съ *х*, ср. соухъ=лит. saũsas; вм. *х* мы видимъ ш, если далѣе слѣдуетъ смягчающій гласный, ср. соушити. Въ санскритѣ встрѣчаемъ измѣненіе первоначальнаго *s* не только въ š (нп. Loc. pl. gatā́su || gatḗšu, т. е. š имѣется послѣ узкихъ гласныхъ, равно какъ послѣ согласныхъ *r* и *k*), но еще—въ концѣ словъ—въ ḥ. Вопросъ о направленіяхъ въ измѣненіи первоначальнаго *s* въ аріо-европейскихъ языкахъ требуетъ еще разработки. [1]) На основаніи такихъ случаевъ, какъ скт. ṛ̥kšaḥ=греч. *ἄρκτος*, гдѣ по-видимому санскритскому согласному š послѣ заднеязычнаго согласнаго соотвѣтствуетъ въ греч. не *σ*, но *τ* (послѣ *χ* видимъ *ϑ*), предполагаютъ для ае. праязыка особый передне-язычный спирантъ, обозначаемый посредствомъ *þ; однако я считаю принятіе этого своеобразнаго согласнаго для праязыка излишнимъ, видя здѣсь лишь особенность греческаго языка, получившуюся слѣдующимъ путемъ: сначала и въ греческомъ языкѣ было +*ἄρκσος*, а потомъ, вслѣдствіе обычности сочетанія *στ* въ этомъ языкѣ, явилось +*ἄρκστος*, отвуда фонетически вышло *ἄρκτος*.

---

[1]) Ср. между прочимъ Pedersen H. Das indogermanische *s* im Slavischen (въ Indogermanische Forschungen, V, 1895 г.), который полагаетъ, что ае. **s* измѣнилось при извѣстныхъ условіяхъ въ *š* уже на почвѣ аріо-европейскаго праязыка, хотя быть можетъ только въ восточныхъ его областяхъ, такъ что слав. χ развилось уже изъ этого *š*. Однако я считаю возможнымъ выводить слав. χ и просто изъ ае. **s*, опираясь на случаи аналогичнаго измѣненія этого первоначальнаго звука, встрѣчающіеся въ иранской и греческой вѣтвяхъ (срв. напр. др.-иран. *h*apta «семь» и соотвѣтствующее греч. слово ἑπτά, т. е. *h*eptá, которымъ отвѣчаетъ скт. *s*aptá). При такой точкѣ зрѣнія можно допустить, что въ ае. праязыкѣ **s* существовало діалектически въ двухъ варіаціяхъ, опредѣлявшихъ дальнѣйшее его измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ или въ сторону χ, или же въ сторону š, при чемъ условія измѣненія въ χ могли быть нѣсколько шире по сравненію съ измѣненіемъ въ *š*.

Сравнительная таблица важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Ар.-евр. праяз.	Санскритъ	Авест.	Греческій	Латинскій	Кельтскій	Готскій	Литовскій	Ст.-славянскій
*ĕ	a	a	ε	e	e	i	e	є
*ŏ	ā̆	ā̆	ο	o	o	a	a	o
*ă	a	a	α	a	a	a	a	o
*ē	ā	ā	η	ē	ī	ē	ė	ѣ
*ō	ā	ā	ω	ō	ā	ō	ů	ѫ
*ā	ā	ā	ᾱ(η)	ā	ā	ō	ō	ѫ
*ᵉL̮	r̥	ər	αρ, ρα αλ, λᾰ	or, ol	ri, li	aúr, ul	ir, il	рь, ръ, ль, лъ,
*ᵉN̮	a	a	α	em, en	im, in (am, an)	um, un	im, in	ѧ
*p	p	p	π	p	*p=○	f	p	п
*t	t	t	τ	t	t	ϑ	t	т
*k^1	ç	ç	κ	c(=k)	k	h	š	с
*k^2	k ‖ c	k ‖ c	π ‖ τ	qu	p, k	hv	k ‖ k'	к ‖ ч (ц)
*d	d	d-, -δ-	δ	d	d	t	d	д
*g^1	j	z	γ	g	g	k	ž	з
*g^2	g ‖ j	g- ‖ j- -γ- ‖ -ž-	β ‖ δ	v(ngu)	b, g	q	g ‖ g'	г ‖ ж (s)
*bh	bh	b-, -w-	φ	f-, -b-	b	b	b	б
*dh	dh	d-, -δ-	ϑ	f-, -d- (br)	d	d	d	д
*g^1h	h	z	χ	h(ng)	g	g	ž	з
*g^2h	gh ‖ h	g- ‖ j- -γ- ‖ -ž-	φ ‖ ϑ	f-, -v- (ngu)	g	gw (w)	g ‖ g'	г ‖ ж (s)

Примѣчаніе. Въ настоящей таблицѣ указаны дѣйствительные звуковые рефлексы въ языкахъ-представителяхъ изучаемаго семейства; необходимо однако помнить, что эти рефлексы лишь отчасти совпадаютъ съ гипотетическими фонемами соотвѣтствующихъ частныхъ праязыковъ.

Хронологія фонетическихъ процессовъ въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ аріо-европейскаго языкового семейства.

Въ заключеніе нашего очерка фонетики мы должны отмѣтить, что обычное въ сравнительной грамматикѣ сопоставленіе языковъ нашего семейства страдаетъ существеннымъ недостаткомъ вслѣдствіе того, что сравниваются между собою разновременныя состоянія языковъ въ зависимости отъ начала письменности въ послѣднихъ (напр. древнѣйшіе памятники греческаго языка относятся столѣтій за десять до Р. Х., тогда какъ письменные памятники литовскаго языка начинаются въ XVI в. по Р. Х.). Такимъ образомъ, на одну линію ставятся языки разныхъ хронологическихъ эпохъ, раздѣленныхъ иногда пространствомъ времени чуть не въ 30 вѣковъ. Поэтому-то изученіе сравнительной грамматики аріоевропейскихъ языковъ должно дополняться сравнительнымъ изученіемъ историческаго развитія тѣхъ же языковъ и возможными при этомъ синхронистическими сопоставленіями ихъ соотвѣтствій. Съ этою цѣлью обычное „статическое" изслѣдованіе должно быть дополнено изученіемъ послѣдовательнаго хода языковыхъ процессовъ въ области каждой вѣтви, начиная отъ общаго состоянія аріо-европейскаго до историческаго времени, понимая подъ послѣднимъ время письменныхъ памятниковъ въ каждой отдѣльной вѣтви, послѣ чего развитіе языка можетъ уже изучаться по даннымъ памятниковъ письменности. Возсоздаваніе доисторическихъ эпохъ въ ихъ послѣдовательности оказывается вполнѣ возможнымъ, благодаря тому, что языковыя данныя историческаго времени содержатъ въ себѣ признаки, идущіе отъ разныхъ предшествующихъ эпохъ и позволяющіе расположить послѣднія въ ихъ преемственности. Въ самомъ дѣлѣ, доказавъ, что эпоха извѣстнаго явленія не могла предшествовать нѣкоторой другой эпохѣ, мы тѣмъ самымъ доказали, что она, если не была съ ней одновременна, необходимо слѣдовала за нею. Если мы

подобнымъ же образомъ докажемъ относительно эпохи третьяго явленія, что она не могла предшествовать второй эпохѣ, а непремѣнно слѣдовала за нею, то очевидно, что она была и послѣ первой эпохи. И т. д. При этомъ не должно представлять себѣ устанавливаемыя эпохи рѣзко отграниченными: явленія, начавшіяся въ одну эпоху, могли и не закончиться въ эту эпоху, но продолжаться и закончиться въ слѣдующую или слѣдующія эпохи,—эпохи могутъ такимъ образомъ какъ бы частично налегать одна на другую. Попробуемъ теперь для образца сдѣлать общій обзоръ доисторическаго звукового развитія въ области трехъ вѣтвей нашего семейства — индо-иранской, греческой и славянской.

a) Вѣтвь индо-иранская или арійская.

1) *Эпоха дальнѣйшаго ослабленія аріо-европейскихъ краткихъ* ^{*e} и также ^{*a} *и возникновенія изъ нихъ слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ*, при чемъ плавные слогообразующіе переходятъ и въ послѣдующія эпохи, а носовые слогообразующіе измѣнились въ ходѣ времени въ *a* и уже въ такомъ видѣ зарегистрированы памятниками, срв. скт. vr̥kaḥ, çatám.

2) *Эпоха смягченія глубокаго ряда задне-язычныхъ согласныхъ* подъ вліяніямъ палатальныхъ гласныхъ и *y*(j); срв. скт. pácati „печетъ" (*a* послѣ *c* изъ *ĕ). Эта эпоха не могла предшествовать указанной первой эпохѣ въ виду того, что *K² оказывается не смягчившимся передъ слогообразующими согласными и передъ исчезнувшимъ *ĕ, срв. *k*r̥ṣṇáḥ „черный", *g*atáḥ „шедшій", ja*g*hnúḥ „они убили" (3 pl. perf. act.); если бы смягченіе въ шипящіе совершилось раньше первой эпохи, то оно было бы и въ такихъ случаяхъ.

3) *Эпоха измѣненія долгихъ среднихъ гласныхъ* въ *ā*. Долгіе ае. *ē и *ō измѣнились въ ā (совпавши такимъ обра-

зомъ съ *ā) не только какъ самостоятельные гласные, но и въ томъ случаѣ, когда они были первымъ компонентомъ дифтонговъ. Эта эпоха не могла предшествовать второй эпохѣ, ибо тогда не получилось бы смягченія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ā* произошло изъ ае. *ē, срв. скт. *ćá*yati (≠ст.-сл. чаѥть).

4) *Эпоха замѣнительнаго удлиненія и возникновенія т. о. новаго слоя долгихъ среднихъ гласныхъ.* Въ томъ случаѣ, когда *z* (изъ *s), стоявшее послѣ *ĕ и *ŏ, исчезало въ положеніи передъ слѣдующимъ звонкимъ взрывнымъ согласнымъ, то предшествующіе краткіе средніе гласные удлинились въ соотвѣтствующіе долгіе, давъ начало новымъ ē и ō, напр. *ē*dhí „будь" (*ĕzdhí, повел. накл. отъ К. *ĕs- „быть"), áçvō drávati „лошадь бѣжитъ" (*-ŏz d-). Данная эпоха не могла предшествовать третьей эпохѣ, ибо тогда эти новые гласные *ē* и *ō*, совпавъ съ такими же древними, вмѣстѣ съ послѣдними измѣнились бы въ ā. Послѣ узкихъ гласныхъ *ž* (происшедшее также изъ *s) до своего исчезновенія успѣло ассимилировать себѣ слѣдующее *d*, которое стало церебральнымъ, срв. скт. nīḍáḥ „гнѣздо" (←*nĭžd-), īḍē „умоляю" (←*ĭž-d-←*is-d-); вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что измѣненіе s→š въ извѣстныхъ условіяхъ совершилось раньше четвертой эпохи.

Въ разсматриваемую эпоху, относящуюся еще къ индоиранскому періоду, мы встрѣчаемся уже съ діалектическою особенностью индійскою и иранскою, какъ о томъ заключаемъ по разному вліянію группы *žht (изъ ае. *g'ht) на предшествующіе *ĕ и *ŏ; такъ, индо-иранское образованіе *vŏžhtum (отъ ае. К. vŏg'h-) дало различные рефлексы въ санскритѣ и языкѣ авесты: скт. vōḍhum („везти"—неопр. накл. въ формѣ аналогичной латинскому супину)≠авест. važd- (срв. авест. važdri- „споспѣшествователь"). Это различіе я объясняю слѣдующимъ образомъ. Сначала произошла ассимиляція *t* къ предшествующему звонкому придыхательному: *vŏžhtum→*vŏžh-dum, а затѣмъ—замѣна žhd группою ždh, т. е. появленіе придыхательнаго элемента при звонкомъ взрывномъ

слѣдующаго слога, такъ что получилась форма *vŏždhum. [1]) До полученія формы *vŏžhdum и даже, быть можетъ, формы *vŏždhum индоиранскій праязыкъ могъ идти безъ діалектическаго различія, но затѣмъ въ одномъ діалектѣ (соотвѣтствующемъ индійской вѣтви) *ž исчезаетъ съ замѣнительнымъ удлиненіемъ, предварительно обусловивъ альвеолярность слѣдующаго *d*, тогда какъ въ другомъ діалектѣ (предкѣ иранской вѣтви) *ž сохраняется, а потому и не происходитъ замѣнительнаго удлиненія (въ то же время вм. скт. *dh* мы видимъ авест. *d*, такъ какъ въ иранской вѣтви звонкіе придыхательные утратили свой придыхательный элементъ). [2])

5) *Эпоха измѣненія краткихъ среднихъ гласныхъ въ* a. Измѣняются въ *a* первоначальные краткіе *ĕ, *ŏ (совпавши такимъ образомъ съ *ă) и какъ самостоятельные гласные, и какъ первый компонентъ дифтонговъ. Эта эпоха не могла предшествовать четвертой, ибо въ такомъ случаѣ не могли бы получиться въ четвертую эпоху гласные ē и ō какъ результатъ замѣнительнаго удлиненія.

6) *Эпоха возникновенія* ē и ō *изъ дифтонговъ*. Получившіеся въ пятую эпоху дифтонги *ai*, *au* измѣнились въ сан-

---

[1]) Что переходъ *t* въ *d* произошелъ еще тогда, когда предшествующій звонкій согласный былъ придыхательнымъ, доказывается тѣмъ, что при предшествующемъ звонкомъ не-придыхательномъ такого перехода въ арійской вѣтви не встрѣчается, а напротивъ—предшествующій согласный становится глухимъ; о замѣнѣ сочетанія *žhd черезъ *ždh я думаю, что ей способствовала сильная привычка къ произношенію придыхательнаго компонента (придыханія) не передъ взрывными, но послѣ нихъ. Кромѣ того возможно, что къ этому же времени установилась въ языкѣ и гармоническая диссимиляція въ такихъ случаяхъ, какъ *babhára*, т. е. привычка произносить звонкій придыхательный въ послѣдующемъ слогѣ при простомъ звонкомъ въ предшествующемъ слогѣ.

[2]) Соотвѣтственно указанному діалектическому различію индоиранское *žh (изъ *g^1h) въ положеніи передъ гласнымъ утратило *ž и сохранило *h* въ первомъ изъ указанныхъ діалектовъ, тогда какъ во второмъ, наоборотъ, сохранило *z* и утратило *h*; отсюда скт. vá*h*āmi = авест. va*z*āmi.

скритѣ въ монофтонги ē, ō (дифтонги же *āi*, *āu* не послѣдовали этому измѣненію, такъ какъ имѣли первый долгій компонентъ). Указываемая эпоха уже относится къ отдѣльно-языковой жизни индійской вѣтви. Что касается иранскаго отдѣла, то древне-персидскій отражаетъ наиболѣе древнюю стадію, сохраняя еще дифтонги *ai*, *au*, между тѣмъ какъ языкъ авесты уже нѣсколько измѣнилъ эти дифтонги, представляя *aē* и *aō*.

7) *Эпоха появленія дифтонгическихъ сочетаній* a'i и a'u *въ древне-индійскомъ*. Какъ извѣстно изъ санскритской фонетики, окончаніе *-aḥ* передъ начальными *i* и *u* слѣдующаго слова теряло висаргу (звукъ густого придыханія), но отсюда не получались настоящіе дифтонги, а только похожія на дифтонги сочетанія, о чемъ заключаемъ изъ того, что въ этомъ случаѣ не пользовались на письмѣ однимъ простымъ начертаніемъ, но оба соприкасавшіеся гласные обозначались каждый отдѣльно. Эта эпоха (а слѣдовательно и эпоха ḥ → ◡) не могла предшествовать шестой, ибо тогда получились бы не дифтонгическія сочетанія, а монофтонги *ē* и *ō*.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому фонетическому состоянію санскрита, которое намъ уже извѣстно изъ памятниковъ.

б) Греческая вѣтвь.

1) *Эпоха редукціи* (ослабленія и потери) *первоначальныхъ краткихъ гласныхъ въ слабыхъ положеніяхъ*, восходящая своимъ началомъ еще ко временамъ ае. праязыка; срв. греч. σ⌄χεῖν, πίπ⌄τω. Въ эту эпоху задне-язычные согласные глубокаго ряда сопровождались въ греческой діалектической области полугласнымъ w и не превратились еще въ губные согласные; отсюда ведутъ свое начало сочетанія типа Qu|' изъ Qwᵉ|', срв. κύκλος „кругъ“, γυνή „жена“.

2) *Эпоха измѣненія* *s *при извѣстныхъ условіяхъ въ* χ *и затѣмъ въ густое придыханіе*, а также *эпоха приглу-*

шенія звонкихъ придыхательныхъ, т. е. *bh→ph (откуда *φ*), *dh→th (откуда *ϑ*) и др. Процессы приглушенія и *s→χ не предполагаются обязательно совмѣстными, ибо измѣненіе *s→χ видимъ и въ славянской вѣтви (не приглушающей); но все же оба процесса уже закончились къ началу слѣдующей эпохи, при чемъ χ измѣнилось далѣе въ *h* (ʽ).

3) *Эпоха диссимиляціи глухихъ придыхательныхъ, а также h* (густого придыханія) изъ *s, т. е. сюда относятся явленія типа ph....ph→p....ph (напр. *πέφυκα* „я по природѣ склоненъ къ ч.-л., перф. отъ *φύω* „произвожу“; *τίθημι* и т. п.), а также такіе случаи, какъ *ἄλοχος* „супруга“, *ἀδελφός* „братъ“, гдѣ начальное *ἁ* смѣнилось на *ἀ* вслѣдствіе наличности придыханія въ составѣ согласныхъ *φ* и *χ* въ дальнѣйнѣйшихъ слогахъ; прилагательное *αὖος* изъ *h*αυ*h*ος*←**σαυσος* „сухой“ звучало въ эту эпоху въ видѣ **αὖ*h*ος*, т. е. съ потерею начальнаго густого придыханія, но съ удержаніемъ внутренняго.

4) *Эпоха измѣненія* VįV→VV, напр. *νικάįω* „побѣждаю“, *φιλέįω* „люблю“, и т. п.

5) *Эпоха исчезновенія густого придыханія между гласными*, при сохраненіи его у гласныхъ въ началѣ слова (срв. *γένεįος*←**γένε*h*ος*←**γένεσος* — Р. ед. отъ *τὸ γένος* „родъ“, но ‖ *ἑπτά* „семь“); **αὖ*h*ος* третьей эпохи дало теперь *αὖος*. Къ этой же эпохѣ относится измѣненіе VhįV→VįV (напр. *εὐγένεįια* изъ **ευγενε*hį*α*←*εὐγενεσįα* „благородство“). Данная эпоха не могла предшествовать четвертой, ибо въ такомъ случаѣ комбинація VįV (изъ VhįV) не осталась бы на этой стадіи, а измѣнилась бы далѣе въ VV; но возможно по-видимому допущеніе, что утрата *h* между гласными совершалась параллельно съ утратой междугласнаго į, т. е. что данная эпоха могла совпадать съ предшествующей.

6) *Эпоха переходнаго смягченія* глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ передъ палятальными гласными (срв. *τίς*≠

лат. quis, τε=лат. que, и т. п.), а также обоихъ рядовъ задне-язычныхъ, равно какъ и согласныхъ передне-язычныхъ въ положенiи передъ i̯V (срв. iон. πέσσω || атт. πέττω, гдѣ σσ || ττ изъ *k²i̯V; гомер. и лесб. πόσσος „сколь великiй" съ σσ изъ *ti̯V, при атт. πόσος, беот. ὁπόττος, крит. ὁπόττος). Какъ видимъ, въ эту эпоху греческiй праязыкъ представлялъ уже дiалектическiя различiя.

7) *Эпоха iонически-аттическаго измѣненiя* ае. *ā въ ē̆ (η), напр. δίκη „правда"; но въ аттическомъ, въ отличiе отъ iоническаго, это измѣненiе, чуждое другимъ греческимъ дiалектамъ, не происходило послѣ ι и ϱ, равнымъ образомъ и въ дифтонгѣ ᾱυ, сократившемся въ ἄυ (срв. атт. ναῦς „корабль" при iон. νηῦς). Отсюда видимъ, что въ эту эпоху дiалектическое развитiе iонически-аттическаго подвинулось еще далѣе на пути къ распаденiю.

8) *Эпоха исчезновенiя носового согласнаго съ замѣнительнымъ удлиненiемъ передъ первичнымъ и вторичнымъ* s; срв. δίκᾱς В. мн. изъ *δίκᾰνς; πᾶσα „вся" (срв. крит. πάνσα, гдѣ σ изъ *ti̯V); ἆσσον „ближе" (сравнит. степень отъ ἄγχι „близь") съ σσ изъ χi̯V; τιθεῖσα изъ *τιθεντi̯α, и др.

9) *Эпоха аттическаго слитiя гласныхъ*, совершавшагося съ неравномѣрной скоростью въ различныхъ комбинацiяхъ; напр. γένους (Р. ед. отъ τὸ γένος „родъ") при γένεος въ прочихъ дiалектахъ, и мн. др.

10) *Эпоха исчезновенiя* Ϝ (дигаммы) *въ аттическомъ дiалектѣ*, срв. κόϱη изъ *κοϱϜη, λαιός изъ *λαιϜος и т. п.

Дальнѣйшiя звуковыя перемѣны въ аттическомъ дiалектѣ, за которыми можно слѣдить уже по эпиграфическимъ даннымъ, были мною указаны въ другомъ мѣстѣ. [1])

---

[1]) См. Сравн. грамм. ае. язз. I (1914) стр. 130.

в) Славянская вѣтвь.

Оставляя въ сторонѣ звуковыя явленія наиболѣе древнія, относящіяся ко временамъ литво-славянскимъ, мы ограничимся указаніемъ послѣдовательности эпохъ славянскаго праязыка. [1])

1) *Эпоха измѣненія* s→χ. Измѣненію въ χ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подверглось только такое s, которое произошло изъ *s, но не изъ *k¹. Поэтому для начала этой эпохи нужно принять, что тогда потомки звуковъ *k¹ и *s еще различались въ славянской языковой области, при чемъ различіе это было вынесено изъ литво-славянскаго.

2) *Эпоха смягченія задне-язычныхъ согласныхъ* (а также χ, развившагося въ предшествующую эпоху) *въ шипящіе.* Вѣроятно, смягченіе быстрѣе совершалось подъ вліяніемъ į (j), а затѣмъ уже подъ вліяніемъ палятальныхъ гласныхъ. Къ этой эпохѣ относятся также случаи смягченія типа чоудо (гдѣ оу или ю восходитъ къ *ĕu). Слова „*чадо*" (чадо) и „*шеломъ*" (шлѣмъ), заимствованныя изъ германской языковой области (срв. нѣм. *K*ind и *H*elm), переняты не позже этой эпохи, благодаря чему въ нихъ начальные согласные *k* и χ подверглись свойственному данной эпохѣ процессу смягченія въ шипящіе (литов. šálmas въ свою очередь позаимствовано изъ славянской языковой области уже съ шипящимъ согласнымъ, при чемъ предполагается въ языкѣ-источникѣ комплексъ šolm-). Разсматриваемая эпоха не могла предшествовать первой, такъ какъ предполагаетъ наличность звука χ, а потому развитіе этого послѣдняго изъ *s должно быть относимо къ болѣе раннему времени.

3) *Эпоха упрощенія однородныхъ дифтонговъ* *ĕi→ī и *ŏu→ū. Измѣненіе *ĕi→ī происходило рядомъ съ измѣненіемъ *ŏu—ū. Когда ŏu дало оу (ū), а также *ĕu—ю (jū),

---

[1]) Срв. мой Общій курсъ рус. грам. (1913)⁴ стр. 389 слѣд.

тогда старое *ū уже успѣло болѣе или менѣе измѣниться въ сторону ы, отчего и не произошло совпаденія этихъ звуковъ.

4) *Эпоха развитія славянскаго подъема.* Измѣненіе *ĕi—ī дало толчокъ болѣе широкому развитію т. наз. славянскаго подъема, основывающагося на отношеніи долготы и краткости однородныхъ гласныхъ.

5) *Эпоха измѣненія *ē→ā послѣ шипящихъ* (напр. въжагати и т. п.). Относимъ эту эпоху къ позднѣйшему времени по сравненію съ славянскимъ подъемомъ, такъ какъ послѣдній опирается на одинаковость качества краткихъ и долгихъ гласныхъ, т. е. ĕ || ē и пр. тогда какъ здѣсь: жєгж< жагати.

6) *Эпоха возникновенія ѣ дифтонгическаго происхожденія и смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе.* Въ предъидущую эпоху, при началѣ измѣненія *ē→ā, въ общеславянскомъ еще не получилось ē изъ дифтонга ŏi (имѣвшаго въ слав. двоякое происхожденіе). Въ развитіи процесса oi→ē приходится принять посредствующую стадію ŏi, т. е. палятализацію губного компонента. Палятальный гласный (ŏ) могъ уже дать начало смягченію задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе, при чемъ въ сѣверо-западной славянской языковой области съ этимъ смягченіемъ совпало смягченіе *tj и *dj (срв. польск. cudzy и т. п.).[1]) Получившееся изъ ŏį (чрезъ устраненіе губности) долгое *е* совпало съ древнимъ *е* тѣхъ случаевъ, гдѣ послѣднее не измѣнилось въ *а*. Такъ закончилось измѣненіе дифтонговъ въ монофтонги въ славянскомъ мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончились въ произношеніи славянъ дифтонгическіе полузакрытые слоги.

---

[1]) Въ серб. *tj и *dj смягчаются въ ћ и ђ: смягченіе уже болѣе поздней эпохи, на сербской почвѣ. Въ этомъ случаѣ нарѣчія и говоры задунайскихъ славянъ представляютъ удивительную пестроту рефлексовъ, зависящую быть можетъ отъ племенныхъ перемѣщеній.

Естественно думать вмѣстѣ съ проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ [1]), что этотъ процессъ въ общеславянскомъ стоялъ въ связи съ процессомъ устраненія закрытыхъ слоговъ, [2]) при чемъ въ случаѣ носовыхъ согласныхъ развились носовые гласные, а при плавныхъ—явленія, представлявшія діалектическія различія, напр. рус. *борода*, ст.-сл. брада (тоже въ южныхъ славянскихъ языкахъ и чешскомъ), тогда какъ польскій и оба лужицкіе представляютъ комплексъ *ro* : b*ro*da.

Дальнѣйшее теченіе фонетическихъ процессовъ совершалось уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ вѣтвей.

---

[1]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Подробная программа лекцій (1881) стр. 141, 143.

[2]) Необходимо однакожъ при этомъ помнить, что физіологическое родство процессовъ не служитъ доказательствомъ ихъ одновременности; кромѣ того, физіологически родственные процессы развертываются нерѣдко въ разныхъ языкахъ не въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Морфологія.

Генезисъ частей рѣчи въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ.

Содержаніе *морфологіи* можно опредѣлить какъ ученіе о частяхъ рѣчи въ отношеніи *словообразованія* и *словоизмѣненія*. Словообразованіе касается части слова, называемой основою, а словоизмѣненіе изучаетъ окончанія, присоединяющіяся къ основѣ при склоненіи и спряженіи. Такимъ образомъ словообразованіе представляетъ собою ученіе о *матеріальной* сторонѣ словъ, связанной съ собственнымъ ихъ значеніемъ, словоизмѣненіе же является ученіемъ о *формальной* части словъ, посредствомъ которой слова̀ выступаютъ въ предложеніи въ той или иной синтаксической роли.

Части рѣчи въ языкахъ нашего семейства представляютъ значительную сложность какъ со стороны словообразованія, такъ и словоизмѣненія. Сложность эта вырабатывалась постепенно, начиная съ отдаленныхъ временъ аріо-европейскаго праязыка, и процессъ эволюціи частей рѣчи не закончился и въ настоящее время, ибо пока живутъ языки, не прекращается въ нихъ и творчество. Оговорившись, что вопросъ объ эволюціи частей рѣчи въ нашемъ языковомъ семействѣ содержитъ еще много неяснаго, мы попытаемся лишь въ самомъ общемъ видѣ обрисовать вкратцѣ постепенное формированіе частей рѣчи, сначала въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, а затѣмъ

и по распаденіи его на вѣтви, при чемъ будемъ опираться главнымъ образомъ на сравнительно-грамматическія данныя. Но прежде чѣмъ перейти къ вопросу о морфологической эволюціи нашего языкового семейства, мы должны сдѣлать то общее замѣчаніе, что части рѣчи развивались въ жизни языка не изолированно или сами по себѣ, но въ предложеніи; срв. напр. имя въ роли подлежащаго, глаголъ въ роли сказуемаго, и т. п. Не слѣдуетъ далѣе думать, что отмѣчаемыя ниже эпохи рѣзко отграничивались въ процессѣ эволюціи; напротивъ, явленія позднѣйшихъ эпохъ могли въ видѣ зародышей существовать въ эпохи предшествующія, какъ убѣдимся въ этомъ изъ дальнѣйшаго изложенія; при всемъ томъ несомнѣнно, что формальные признаки частей рѣчи складывались съ извѣстной постепенностью, разъясненіе которой и составляетъ предметъ нашей задачи.

I. *Эпоха имени-глагола и послѣдующей дифференціаціи на имя и глаголъ.* Эпоха имени-глагола, въ которую еще не существовало опредѣленныхъ формальныхъ отличій имени отъ глагола, является наиболѣе раннею и, можетъ быть, совпадаетъ съ тѣми временами, когда одно слово-корень представляло собою цѣлое предложеніе. Существованіе этой эпохи находитъ подтвержденіе въ рядѣ чертъ, общихъ имени и глаголу, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда эти двѣ части рѣчи представляли нѣчто однородное. Такъ, въ области словообразованія имена и глаголы въ нашихъ языкахъ нерѣдко имѣютъ общіе корни (напр. *ἄγ-ω* „веду“ || *ἀγ-ός* „вождь“) и нѣкоторые общіе суффиксы (ĕ || ŏ, ȷ̆ĕ || ȷ̆ŏ, nĕ || nŏ и нѣк. др.), а въ области словоизмѣненія представляютъ значительный параллелизмъ тематической и нетематической флексіи. Что касается самаго пониманія такой предполагаемой части рѣчи, какъ „имя-глаголъ“, то можемъ указать въ цѣляхъ иллюстраціи на языкъ китайскій, гдѣ одинъ и тотъ же корень, смотря по положенію въ фразѣ, можетъ выступать и какъ

имя, и какъ глаголъ; такъ же, можно думать, и въ разсматриваемую эпоху нашего праязыка одинъ и тотъ же звуковой комплексъ могъ склоняться или къ имени, или же къ глаголу, въ зависимости отъ того, приходился ли центръ вниманія на предметѣ, или же его дѣйствіи, хотя возможно, что нѣкоторыя слова-корни уже по самому значенію склонялись болѣе въ ту или другую сторону. Начавшееся разграниченіе или дифференціація имени и глагола вмѣстѣ съ тѣмъ знаменуетъ собою эпоху формированія предложеній изъ имени-подлежащаго и глагола-сказуемаго. Но имя въ эту эпоху еще не дифференцировалось на существительное и прилагательное, и соотвѣтствующее слово обозначало предметъ въ его качествѣ.

II. *Эпоха имени и мѣстоименія.* Рядомъ съ категоріей имени (отчасти вѣроятно еще въ предшествующую эпоху имени-глагола) начала формироваться категорія мѣстоименій лично-указательныхъ и вопросительныхъ. Самостоятельное отъ имени и глагола возникновеніе нѣкоторыхъ словъ этой категоріи доказывается первично-односложною простотою строенія (срв. ты=лат. tū; скт. ká-ḥ „кто?“; sa „тотъ“ и проч.) и несовпаденіемъ корней мѣстоименныхъ и корней имени-глагола, а также и значительнымъ отличіемъ флексіи нѣкоторыхъ мѣстоименій. Тотъ фактъ, что личныя окончанія глагола (отчасти и падежныя, срв. предполагаемое сродство признака И. ед. -s съ указательнымъ мѣстоименіемъ) въ нашемъ языковомъ семействѣ сформировались въ извѣстной мѣрѣ при участіи нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ корней (т. е. подобно глагольной флексіи современныхъ турецко-татарскихъ языковъ, гдѣ въ качествѣ личныхъ окончаній присоединяются къ глагольнымъ основамъ личныя мѣстоименія), доказываетъ раннее происхожденіе этой категоріи, такъ какъ ко времени формированія глагольныхъ (а также, вѣроятно, и именныхъ) окончаній уже существовали въ аріо-европейскомъ праязыкѣ извѣстные мѣстоименные

корни.[1]) Интересно отмѣтить и въ послѣдующей исторіи вліяніе лично-указательныхъ мѣстоименій на глагольную флексію (срв. напр. въ польскомъ глагольное окончаніе 1 множ. *-ту*).

III. *Эпоха существительнаго-прилагательнаго и послѣдующей дифференціаціи его.* Въ началѣ этой эпохи имя, уже такъ или иначе обособившееся отъ глагола, хотя и обозначало одновременно предметъ въ его качествѣ, но смотря по обстоятельствамъ могло склоняться болѣе или въ сторону значенія существительнаго или же прилагательнаго (срв. въ I-ой эпохѣ—характеристику имени-глагола). Существованіе нѣкогда такой еще формально не подраздѣлившейся или подвижной части рѣчи доказывается рядомъ общихъ суффиксовъ спеціально у существительныхъ и прилагательныхъ, напр. -тŏ-, -гŏ- и др. (т. е. сверхъ суффиксовъ, общихъ у этихъ частей рѣчи съ глаголами, онѣ имѣютъ еще рядъ особыхъ суффиксовъ, не свойственныхъ глаголамъ, а только имъ обѣимъ), а также тѣмъ, что нерѣдко одно и то же слово имѣетъ значеніе какъ существительнаго, такъ и прилагательнаго, въ одномъ и томъ же языкѣ (срв. рус. „другъ“ и т. п.), или по крайней мѣрѣ въ разныхъ языкахъ (напр. скт. уаǰñáḥ „жертва“ = греч. ἁγνός „священный“). Но со временемъ потребность различенія этихъ частей рѣчи вызываетъ и нѣкоторыя формальныя отличія между ними. Такъ, когда существительныя начали развивать падежныя окончанія, прилагательныя могли еще оставаться безъ измѣненія (т. е. подобно напр. современному татарскому способу сочетанія прилагательныхъ съ существительными, напр. *ак*-каз „бѣлый гусь“ — И. ед., *ак*-каз-нін „бѣлаго гуся“—Р. ед., и т. д.). Какъ пережитокъ такого состоянія видимъ въ случаяхъ неизмѣняемости числительныхъ, срв. греч. πέντε ἵπποι „пять лошадей“,

[1]) Къ этой эпохѣ могутъ восходить также и нѣкоторыя простѣйшія частицы мѣстоименнаго происхожденія.

πέντε ἵππων „пяти лошадей“ и т. д. [1]), а также въ такихъ многочисленныхъ сложеніяхъ, какъ напр. *ἀκρό-πολις* и т. д., которыя въ тѣ времена представляли собою сочетаніе неизмѣняемаго прилагательнаго, заканчивавшагося просто тематическимъ гласнымъ, съ существительнымъ, уже получившимъ тѣ или другіе падежные признаки. Позднѣе прилагательныя начинаютъ принимать тѣ же окончанія, какъ и существительныя, къ которымъ они относились въ качествѣ опредѣленій, т. е. на подобіе напр. лат. bon*us* hort*us* (И. ед.), bon*i* hort*i* (Р. ед.) и т. п., съ развитіемъ же родовыхъ различій въ существительныхъ они получаютъ окончанія соотвѣтственно родовой категоріи существительнаго. Развитіе дифференціаціи между существительнымъ и прилагательнымъ дало, можно думать, толчокъ развитію типа предложеній съ именнымъ сказуемымъ, при наличности глагола существованія (К. *ĕs- „быть, существовать“).

IV. *Эпоха нарѣчій и послѣдующаго перехода нѣкоторыхъ изъ нихъ въ предлоги и союзы.* Нарѣчія представляютъ собою частицы, получавшіяся изъ именныхъ или мѣстоименныхъ образованій, утратившихъ часть своего формальнаго значенія. Такъ, напр., въ предложеніи „я пишу быстро“ слово „быстро“, относясь къ глаголу, не имѣетъ того родового оттѣнка значенія, который принадлежитъ этому слову при согласованіи съ существительнымъ. Подобнымъ путемъ въ данную эпоху тѣ прилагательныя, которыя по своему

---

[1]) Что касается самой категоріи числительныхъ, то эта категорія, нужно думать, постепенно наростала, подобно другимъ частямъ рѣчи, въ разныя эпохи; скудость числительныхъ въ языкѣ дикарей и позднее формированіе ихъ въ дѣтской рѣчи заставляютъ относить болѣе широкое развитіе данной категоріи къ болѣе позднимъ эпохамъ аріо-европейскаго праязыка. Ранѣе того функція числительныхъ могла выполняться съ помощью измѣненія названій по числамъ—ед. и множ. (двойственное употреблялось по отношенію къ парнымъ предметамъ), въ соединеніи съ пальцевыми жестами для болѣе точнаго указанія. На такое указываніе намекаетъ происхожденіе названія числа *1* изъ указательнаго слова: скт. е́kaḥ, лат. ūnus и пр.

значенію могли характеризовать также и глагольныя дѣйствія, стали въ такомъ случаѣ въ ближайшую связь съ глаголами, при чемъ въ этой новой своей функціи они обособились отъ своихъ флексійныхъ системъ, окостенѣвъ въ опредѣленныхъ неподвижныхъ формахъ. Аналогичнымъ путемъ могли вырабатываться нарѣчія также изъ тѣхъ или другихъ падежныхъ формъ существительныхъ и мѣстоименій. Въ рядѣ случаевъ, спорадически, описанное явленіе могло заходить и въ предшествующія эпохи. Въ свою очередь нѣкоторыя изъ возникшихъ нарѣчій, относясь къ глаголу, въ то же время сочетались еще и съ именами существительными въ опредѣленныхъ формахъ, а это повело къ тому, что такія нарѣчія тѣснѣе примкнули къ существительнымъ и, еще болѣе понизивъ свою прежнюю знаменательность, перешли въ предлоги. Такимъ образомъ нѣкоторыя нарѣчія, путемъ указаннаго синтаксическаго переразложенія ставши предлогами, сдѣлались простою принадлежностью падежныхъ формъ. Что касается времени этого превращенія, то можно думать, что послѣднее совершалось по мѣрѣ образованія нарѣчій извѣстныхъ категорій, а нѣкоторые предлоги простѣйшаго строенія могли возникнуть въ болѣе древнія эпохи. Происхожденіе союзовъ, рѣзко отличающихся по функціи отъ предлоговъ, вѣроятно совершалось независимо отъ только-что описаннаго процесса и было генетически связано съ развитіемъ мѣстоименныхъ корней, при чемъ самое возникновеніе союзовъ могло идти параллельно съ предлогами, т. е. частью въ данную эпоху, а частію въ предшествующія.

V. *Эпоха расширенія категоріи прилагательныхъ причастіями.* Причастія представляютъ собою новообразованія отъ глаголовъ по аналогіи въ категоріи прилагательныхъ. Впрочемъ причастная идея значенія могла существовать такъ или иначе и въ предшествующія эпохи; срв. такія простѣйшія образованія причастнаго характера, какъ скт. vanapá-s „стерегущій лѣсъ, лѣсной сторожъ", рус. рото-зѣ-й,

и т. п.; [1]) здѣсь же мы отмѣчаемъ эпоху спеціально-причастныхъ образованій.

Такимъ образомъ, путемъ постепенной эволюціи, въ аріоевропейскомъ праязыкѣ ко времени его распаденія уже сформировалось въ главномъ то разнообразіе частей рѣчи съ ихъ формальными принадлежностями, которое извѣстно намъ по фактамъ языковъ-потомковъ. Такъ, онъ различалъ существительныя (срв. скт. gâuḥ „быкъ" = βοῦς...), прилагательныя (напр. скт. laghúḥ = греч. ἐλαχύς = ст.-сл. льгъкъ...), числительныя (скт. catvā́raḥ = греч. τέσσαρες = ст.-сл. четырє...), мѣстоименія (скт. tvā́m = греч. дорич. τύ, атт. σύ = ст.-сл. ты...), глаголы (скт. ájāmi „гоню" = греч. ἄγω = лат. ago...), разнаго рода частицы въ видѣ нарѣчій, предлоговъ и союзовъ (срв. скт. ánti „противъ" = греч ἀντί = лат. ante...; скт. prá = греч. πρό = ст.-сл. про..; скт. ca „и" = греч. τε = лат. que; скт. ná = лат. ne = ст.-сл. нє). Въ именахъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ кромѣ единственнаго и множественнаго числа различалось еще двойственное. Склоненіе имѣло восемь падежей, при чемъ совмѣстно съ падежнымъ признакомъ обозначалась и категорія числа. Въ существительныхъ различались три грамматическихъ рода, а прилагательныя образовывали степени сравненія. Въ глаголѣ, выступавшемъ въ качествѣ сказуемаго въ предложеніи, существовали формы дѣйствительнаго и средне-возвратнаго залога, выражавшіяся совмѣстно съ обозначеніемъ категоріи лица и числа, а кромѣ того различались по образованію отдѣльныя наклоненія, времена и нѣкоторые видовые от-

---

[1]) Потебня предполагалъ существованіе причастнаго оттѣнка значенія уже въ предположенную нами вторую эпоху, т. е. для первобытнаго имени, опредѣляя послѣднее какъ имя-причастіе, изъ котораго онъ выводилъ далѣе существительныя и прилагательныя (см. Изъ записокъ по рус. грам. I—II[2], 1888, стр. 88); но впослѣдствіи онъ счелъ необходимымъ такому представленію первобытнаго имени, т. е. имени-причастія, приписать бо́льшую субстанціальность, въ смыслѣ категоріи дѣятеля (см. Изъ зап. по рус. грам. III, 1899, стр. 112).

тѣнки. Что касается *страдательнаго* или *обратнаго* типа предложеній, то возможность таковаго въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, въ виду отсутствія спеціальной формы для страдательнаго залога въ глаголѣ, вызываетъ сомнѣніе; равнымъ образомъ и т. наз. *неопредѣленное наклоненіе*, представляющее по своему происхожденію отглагольное существительное въ извѣстной падежной формѣ, но получившее глагольное управленіе, не можетъ быть строго доказано для эпохи аріоевропейскаго праязыка, такъ какъ представляетъ значительное различіе по образованію въ языкахъ нашего семейства. Все-таки въ виду нѣкоторыхъ частичныхъ сходствъ въ образованіи страдательнаго залога, а также и неопредѣленнаго наклоненія, можно начало того и другого процесса, по крайней мѣрѣ діалектически, отнести къ послѣднимъ временамъ аріо-европейскаго праязыка. Дальнѣйшее развитіе частей рѣчи совершалось уже на почвѣ обособлявшихся вѣтвей, получая при этомъ тѣ или другія особенности; такъ въ балтійско-славянской группѣ возникли сложныя прилагательныя и получили болѣе широкое развитіе видовыя категоріи глагола, а на почвѣ русскаго языка и уже въ историческое время выработались изъ причастій дѣепричастія, и т. п.; въ греческой вѣтви сложилось богатое разнообразіе временныхъ образованій, и т. д. Наконецъ, благодаря переходу многихъ языковъ отъ синтетизма къ аналитизму, развившаяся формальная сложность въ этихъ языкахъ преобразуется въ направленіи большей простоты.

Примѣчаніе. Мы показали, правда—въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ совершался въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ на почвѣ предложенія процессъ эволюціи частей рѣчи, въ связи съ ихъ словообразованіемъ и словоизмѣненіемъ. Теперь выскажемъ нѣсколько соображеній о близкомъ соотношеніи между разсмотрѣнною языковою эволюціей и тѣми категоріями мышленія, какія устанавливаетъ философія или, точнѣе, гносеологія. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ области языка мы различаемъ матеріальную и формальную сторону въ словѣ (и предложеніи), изъ которыхъ первая связана съ областью реальныхъ представленій, получаемыхъ отъ міра объективности, а вторая служитъ для обозначенія отношеній, устанавли-

ваемыхъ мыслью между реальными представленіями при высказываніи предложеній, такъ мы видимъ и въ области познавательнаго процесса различеніе матеріальнаго и формальнаго момента, проходящее такъ или иначе черезъ исторію философской мысли въ Европѣ, а со времени Канта легшее въ основу новѣйшаго философскаго ученія о познаніи; согласно этому ученію, кромѣ содержанія, воспринимаемаго изъ міра явленій, существуетъ еще формальный факторъ, принадлежащій уже природѣ нашего ума и опредѣляющій такъ или иначе характеръ познанія, напр. въ формѣ бытія и дѣйствій, субстанцій и признаковъ, въ пространственныхъ и временныхъ соотношеніяхъ, подъ видомъ причинности, цѣли и т. д. Въ этихъ вопросахъ лингвистика и философія близко соприкасаются между собою, мало того — мы полагаемъ, что лингвистика могла бы оказать большую услугу философіи, позволяя прослѣдить путемъ сравнительно-грамматическаго изслѣдованія эволюцію такихъ формально-семазіологическихъ категорій до ихъ зародышей въ языковомъ мышленіи аріо-европейскаго пранарода, подобно тому какъ по даннымъ языка возсоздается первобытная аріо-европейская культура, какъ исходный пунктъ всего послѣдующаго ея развитія.[1])

Имена существительныя со стороны словообразованія.

Имена существительныя въ отношеніи словообразованія распадаются на два отдѣла: простыя (напр. *ναῦ-ς* „корабль", *ἀρχ-ό-ς* „вождь, начальникъ") и сложныя (напр. *ναύαρχος* „начальникъ корабля или кораблей"). Простыя существительныя въ свою очередь подраздѣляются на корневыя, въ которыхъ корень не распространенъ никакимъ словопроизводственнымъ элементомъ, такъ что въ нихъ основа совпадаетъ съ корнемъ (напр. *μῦς* „мышь", при Р. ед. *μῦ-ός* изъ **μῡσ-ός*), и производныя, въ которыхъ основа состоитъ изъ корня, распространеннаго тематическимъ гласнымъ или же суффиксами.

Число *корневыхъ* существительныхъ сравнительно не велико, при чемъ эти существительныя сохранились корневыми не

---

[1]) Кромѣ того, существующія въ данную эпоху языковыя категоріи могутъ вліять на самое направленіе мысли, въ частности — философской, какъ объ этомъ мы имѣли случай высказаться въ другомъ мѣстѣ (см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1911³, стр. 327).

во всѣхъ вѣтвяхъ нашего языкового семейства, перешедши въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ въ отдѣлъ производныхъ вслѣдствіе распространенія корня суффиксальнымъ элементомъ; такъ, напр., греческому слову *μῦς* въ славянской языковой области соотвѣтствуетъ ст.-сл. мыш-ь, гдѣ корень получилъ распространеніе посредствомъ тематическаго гласнаго ĭ (ь). [1]) Корневыя существительныя могутъ имѣть корень-основу, заканчивающійся или согласнымъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, или же гласнымъ. Въ качествѣ примѣра для послѣдняго случая укажемъ скт. bhrū-ḥ „бровь“ = греч. *ὀ-φρῦ-ς* = ст.-сл. бръв-ь. [2]) Въ рядѣ случаевъ корневыя существительныя сохранились не въ отдѣльномъ употребленіи, а въ сложныхъ словахъ—во второй (главной) или же первой (второстепенной) части сложенія; срв.: лат. tubi-*cen* „трубачъ“ (отъ слова tuba „труба“ + слово -*cen*, родственное съ глаголомъ cano „пою“, отдѣльно не встрѣчающееся); рус. *гос*-подь, гдѣ корень *гос*-, первоначальное значеніе котораго затемнилось, является въ качествѣ перваго члена сложенія. Такъ какъ корневой типъ существительныхъ представляетъ несомнѣнно болѣе древній слой по сравненію съ производными, то ясно, что и категорія корневыхъ сложеній своимъ началомъ восходитъ въ весьма раннимъ временамъ праязыка.

Производныя существительныя подраздѣляются на *первично-производныя*, въ которыхъ корень распространенъ только однимъ суффиксальнымъ элементомъ для образованія основы (напр. скт. pā-tra-m „сосудъ для питья“, гдѣ *pā* корень съ значеніемъ „пить“, -*tra*- суффиксъ для обозначенія

---

[1]) Въ словѣ мышь гласный ы получился изъ *ū, ш представляетъ смягченіе изъ χ въ положеніи передъ *ĭ(ь), а χ въ свою очередь возникло изъ *s послѣ узкаго гласнаго ū.

[2]) Въ слав. фонетически ожидалось бы *бры, но и здѣсь корневое сущ. перешло въ производное путемъ распространенія корня тематическимъ гласнымъ *ĭ(ь), передъ которымъ *ū распалось на ŭv (ъв).

орудія и, наконецъ, *-т* окончаніе И. В. ед. сред. рода), и *вторично-производныя*, основа которыхъ можетъ содержать два и болѣе суффиксовъ (срв. лат. ar-ā-tru-m „плугъ", гдѣ корень ar- распространенъ послѣдовательно двумя суффиксами: -ā- и -trŭ- изъ *-trŏ-). Процессъ вторичнаго производства болѣе поздній по сравненію съ первичнымъ, и вообще большее усложненіе основы суффиксами указываетъ на болѣе позднюю эпоху. Въ отношеніи значенія мы можемъ подраздѣлить суффиксы прежде всего на два главныхъ отдѣла: а) суффиксы, служащіе для производства существительныхъ съ *новымъ* значеніемъ, хотя и находящимся въ нѣкоторомъ сродствѣ съ значеніемъ производящаго слова (срв. рус. корова<коров*никъ*, при чемъ второе слово обозначаетъ другой предметъ по сравненію съ первымъ), и б) *суффиксы*, придающіе слову лишь новый оттѣнокъ значенія (срв. рус. лобъ<лоб*икъ*). Переходя къ дальнѣйшей семазіологической группировкѣ аріо-европейскихъ суффиксовъ, замѣтимъ, что въ рядѣ случаевъ суффиксы утратили свое значеніе, главнымъ образомъ благодаря процесссу „опрóщенія", и изъ живыхъ стали мертвыми или аморфными (срв. рус. сы*нъ*, гдѣ *н*, чувствующееся уже принадлежностью корня, первоначально принадлежало суффиксу).

А) Суффиксы, образующіе новое значеніе.

I. Суффиксы, служащіе для обозначенія дѣятелей по дѣйствію (сюда такимъ образомъ относятся nomina agentis „имена дѣятеля"):

а) *-ŏ́- (т. наз. тематическій гласный второго склоненія, который однако не является живымъ суффиксомъ, а сохранился лишь какъ принадлежность старыхъ образованій), напр. греч. *ἀγ-ό-ς* „вождь" (при глаголѣ *ἄγ-ω* „веду"), *τροφ-ό-ς* „кормилецъ" при *τρέφ-ω* „кормлю");

б) *-tē̆r- въ трехъ видахъ по вокализму: въ двоякомъ полномъ видѣ (*-tḗr- || *'-tŏr-) и сокращенномъ (*-tₐr-); это— наиболѣе распространенный суффиксъ, срв. скт. dātá (при основѣ dā-tar-) „податель“ ≠ греч. δο-τήρ ≠ лат. da-tor [1]) ≠ ст.-сл. да-тел-ь (въ слав. суффиксъ является съ другимъ плавнымъ и, кромѣ того, распространенъ еще посредствомъ -jь). Въ греческомъ соотвѣтствующія имена оканчиваются на -τηρ или же -τωρ въ зависимости отъ ударенія, срв. δοτήρ || δώτωρ; при этомъ въ именахъ на -τηρ долгій гласный (η), являющійся морфологическимъ признакомъ И. ед. третьяго склоненія, перешелъ по аналогіи и въ косвенные падежи (напр. Р. ед. δοτῆρ-ος), исключая лишь немногія имена родства (напр. И. ед. πατήρ „отецъ“, В. ед. πατέρ-α, Р. ед. πατₐρ-ός);

в) Кромѣ того, на почвѣ отдѣльныхъ языковъ развились особые суффиксы, напр. въ греч. -εύ- (γραφ-εύ-ς „писецъ“ при глаголѣ γράφω „пишу“), и т. д. [2])

II. Суффиксы, служащіе для обозначенія **опредмеченныхъ дѣйствій** (nomina actionis):

а) *'-ŏ- (съ удареніемъ передъ тематическимъ гласнымъ), напр. πλόος „плаванье“ при глаголѣ πλέω „плаваю“;

---

[1]) Суф. -tor изъ латинскаго перешелъ и въ романскіе языки; во французскомъ языкѣ ему соотвѣтствуютъ два варіанта: 1) -*eur*, какъ чисто французскій потомокъ даннаго суффикса (съ исчезнувшимъ t), напр. chasser «охотиться» (лат. captiare) < chasseur «охотникъ» (лат. captia*tórem*), 2) -*teur*, обязанный ученому заимствованію изъ латинскаго въ болѣе позднее время.

[2]) Въ языкахъ германской вѣтви, гдѣ суф. *-ter- сохранился лишь въ нѣсколькихъ названіяхъ родства (напр. нѣм. Va*ter* «отецъ»), видимъ широко распространившимся другой суффиксъ, именно -er (гот. -arei-s), напр. англ. mak*er* «дѣлатель» (при глаголѣ make «дѣлать»), нѣм. mach*er* (при machen); этотъ суффиксъ ставится въ связь съ лат. -ārius (въ прилагательныхъ происходящихъ отъ существительныхъ, напр. ferrum «желѣзо» < ferrarius «желѣзный» и затѣмъ «кузнецъ», съ подразумѣваемымъ словомъ faber «мастеръ»).

б) *-ā-, напр. *φυγή* или дорич. *φυγᾱ́* „бѣгство" при глаголѣ *φεύγ-ω* „бѣгу" (данный суффиксальный элементъ, какъ и предшествующій, уже оба мертвые);

в) *-ti-. Это—наиболѣе распространенный суффиксъ; въ греч. -ti- сохранило свой звуковой видъ послѣ *σ*, въ остальныхъ же случаяхъ перешло въ *-σι-*, срв. *πίσ-τι-ς* „вѣра, довѣріе" (*σ* изъ *ϑ* передъ *τ*, т. е. **πιϑ-τι-ς→πίσ-τι-ς*) при глаголѣ *πείϑ-ω* „убѣждаю" съ аористомъ *ἔ-πιϑ-ο-ν*, но съ другой стороны *δό-σι-ς* „даваніе, даръ"; въ лат. сюда относится напр. mens, Род. mentis (родственны по корню и суффиксу—скт. ma-tí-ḥ „мысль", ст.-сл. па-мѧ-ть), но обыкновенно этотъ суффиксъ при глагольномъ значеніи получилъ здѣсь дальнѣйшее распространеніе: -ti-o (Р. ед. -ti-ōn-is), напр. admiratio „удивленіе"; въ славянской языковой области разсматриваемый суффиксъ (срв. памѧ-ть) чаще является въ наращенномъ видѣ, напр. ст.-сл. -тиѥ (житиѥ и т. п.).

III. Суффиксы, обозначающіе **орудіе дѣйствія** (nomina instrumenti):

а) *-dhrŏ- или *-dhlŏ-, напр. лат. cri-bru-m „сито" (въ лат. **dh* внутри слова передъ *r* перешло въ *b*, а *u* получилось изъ *ŏ* въ конечномъ закрытомъ слогѣ); ст.-сл. шило при польск. szy-dło, гдѣ суффиксъ съ другимъ плавнымъ;

б) *-slŏ-; слав. весло изъ *vez-slo (срв. везѫ) ≠ лат. vēlum „парусъ" изъ *vec-slu-m (производное отъ глагола vĕho, родственнаго съ везѫ);

в) *-trŏ- и *-tlŏ-; греч. *ἄρο-τρο-ν* ≠ лат. arā-tru-m; лат. pō-culu-m (изъ *po-clu-m←*po-tlŏ-m). [1])

---

[1]) Можно думать, что разсматриваемый суффиксъ получился изъ *-tĕr- *-tĕl-, обозначавшаго дѣятеля, чрезъ дальнѣйшее распространеніе тематическимъ гласнымъ (иначе—черезъ переходъ въ гласное второе склоненіе); значитъ, при языковомъ творчествѣ, примѣнившемъ этотъ способъ суффиксальнаго обозначенія, орудіе разсматривалось какъ родъ дѣятеля

IV. Суффиксы для обозначенія **мѣста дѣйствія** (nomina loci):

а) Сюда относятся въ греческомъ языкѣ существительныя ср. р. на *-τήρ-ιον* и латинскія на -tōr-ium, напр.

греч. *ἀκροα-τήριον* „мѣсто, гдѣ слушаютъ" (отъ глагола *ἀκροάομαι* „слушаю")

лат. audi-torium—съ тѣмъ же значеніемъ (отъ глагола audio „слушаю").

Легко видѣть, что суффиксы *-τήριον* и -torium, обозначающіе мѣсто дѣйствія, содержатъ въ себѣ элементы *-τηρ-* и -tor-, служащіе для обозначенія производителя дѣйствія и расширенные еще новымъ суффиксальнымъ элементомъ (греч. *-ιον*, лат. -ium). Въ этомъ явленіи отмѣтимъ прежде всего моментъ экономіи языка, примѣняющаго для новаго оттѣнка значенія уже существующій суффиксъ, лишь расширяя его. Но для этого самыя понятія должны находиться въ близкомъ соотношеніи между собою. Хотя на первый взглядъ эта близость можетъ быть и не усмотрѣна, такъ какъ дѣятель — предметъ одушевленный, а мѣсто дѣйствія является предметомъ неодушевленнымъ, но при большемъ вниманіи не трудно признать, что то и другое представленіе (лица слушающія и мѣсто, гдѣ они слушаютъ) связываются въ нашемъ умѣ ассоціаціей смежности, которая и повліяла на способъ созданія новаго суффикса.

б) Суффиксъ *-ιον* для обозначенія мѣста дѣйствія въ греческомъ языкѣ присоединяется также къ основамъ именъ,

---

Съ этимъ гармонируетъ синтаксическое значеніе Творительнаго падежа (Instrumentalis), первоначально служившаго для обозначенія въ предложеніи предмета или лица, какъ сопутствующаго дѣйствію, откуда Твор. орудія и Твор. сопровожденія (срв. скт. ведаич. dēvó *dēvḗbhir* ā́ gamat «богъ *съ богами* да придетъ»).

обозначающихъ дѣятелей и оканчивающихся въ И. ед. на *-εύ-ς*; такъ, отъ слова *κουρεύς* „цырульникъ“ происходитъ сущ. *κουρεῖον* „цырульня“ (изъ **κουρευ-ιον*, при чемъ *υ* между гласными перешло въ *ϝ*=v, затѣмъ исчезнувшее).

Разсмотрѣнные суффиксы **мѣста дѣйствія** являются частными—въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, а потому мы относимъ ихъ уже не къ эпохѣ аріо-европейскаго праязыка, а къ болѣе позднему времени.

V. Суффиксы, служащіе для обозначенія **опредмеченнаго качества** (nomina qualitatis):

а) *-tā- ж. р., напр. ст.-сл. **широ-та**, скт. bahú-tā „множество“. Въ греческомъ и латинскомъ этотъ суффиксъ распространился согласнымъ t и получилъ видъ: греч. дорич. *-τᾱτ-* и іон.-атт. *-τητ-*, лат. -tāt-, напр. греч. *νεό-τᾱς* или *νεό-της* (Р. ед. *νεό-τᾱτ-ος* или *νεό-τητ-ος*) „юность“ отъ прил. *νέος* „новый, юный“, лат. novi-tas (Р. ед. novi-tāt-is) „новость, новизна“ отъ прил. novus „новый“;

б) *-tvŏ- ср. р.; скт. amr̥taḥ „безсмертный“<amr̥ta-tvá-m „безсмертіе“; ст.-сл. **богатъ<богат-ьс-тво** (здѣсь суффиксъ -tvŏ- имѣетъ передъ собою еще элементъ -ьс-).[1]) Въ греческомъ языкѣ суффиксъ распространенъ посредствомъ добавочнаго суффиксальнаго слога—дорич. *-νᾱ-*, іон.-атт. *-νη-*, а въ зависимости отъ такого окончанія слова̀ принадлежатъ къ ж. р. перваго склоненія, напр. *δίκαιο-ς* „справедливый“ <*δικαιο-σύνη* „справедливость“ (гдѣ *σ* изъ *t, именно *tu̯ᵉ→*συ*).

в) Изъ частныхъ явленій отмѣтимъ въ германской языковой области суффиксы, образовавшіеся на почвѣ сложеній, благодаря тому, что второй членъ послѣднихъ, часто входя въ составъ сложеній, утратилъ свою полную знаменатель-

---

[1]) Замѣчу, что знакомъ < пользуюсь для обозначенія словопроизводства; такъ, формула **богатъ<богат-ьство** показываетъ, что отъ перваго слова производится второе.

ность и сталъ суффиксомъ; напр. англ. false (произн. фолс) „ложный“ <false-hood (произн. фóлсуд) „ложность“, нѣм. falsch<falsch-heit, гдѣ суффиксы -hood = -heit отражаютъ прежнее существительное, которому въ санскритѣ соотвѣтствуетъ слово ketúḥ „видъ, знакъ, знамя“; такъ какъ это существительное часто примѣнялось въ качествѣ второго члена въ сложеніяхъ при перемѣнномъ первомъ членѣ, то, очевидно, значеніе такихъ сложеній стало зависѣть главнымъ образомъ отъ перваго члена, второй же членъ сталъ играть лишь словообразовательную роль и понизился до степени суффикса. Исторія такого рода суффиксовъ поучительна тѣмъ, что бросаетъ свѣтъ на первоначальный способъ семасіологическаго представленія качественныхъ абстрактныхъ существительныхъ, а именно какъ зрительнаго впечатлѣнія тѣхъ или другихъ чертъ отъ объекта съ даннымъ качествомъ (напр. „видъ ложнаго“, „видъ добраго“ и т. д.). [1])

Б) Суффиксы, модифицирующіе значеніе производящаго существительнаго.

Этотъ отдѣлъ обнимаетъ суффиксы, при которыхъ не возникаетъ новаго значенія, а лишь прежнее представленіе существительнаго получаетъ другой оттѣнокъ, напр. уменьшительный, увеличительный и др. Остановимся на образованіи существительныхъ **уменьшительныхъ** (nomina diminutiva):

а) *-qŏ-; скт. áçvaḥ „конь“ < açva-ká-ḥ „конекъ“; ст.-сл. колъ<колъкъ и кольць (гдѣ ц изъ к послѣ ь), дѣва<

---

[1]) Абстрактныя существительныя могутъ образовываться также на основаніи впечатлѣній отъ *типичной дѣятельности*, свойственной лицу или предмету той или другой категоріи; этимъ путемъ въ языкахъ германской вѣтви, изобилующихъ суффиксами знаменательнаго происхожденія, развился суффиксъ англ. -dom и нѣм. -tum (отъ глагольнаго корня, означавшаго «дѣлать», срв. англ. do, нѣм. thun), напр. англ. free «свободный»<free-dom «свобода», нѣм. heilig «святой»<Heilig-tum «святость».

дѣвица, коло „кругъ, колесо“<кольцє, при чемъ производное существительное сохраняетъ родъ производящаго; греч. *κύκλος* „кругъ“<*κυκλ-ίσ-κος* (гдѣ *-κο-* присоединено посредствомъ слога *-ισ-*);

б) Изъ частностей отмѣтимъ: греч. *-ιο-* ср. р., напр. *ὁ, ἡ παῖς* „дитя“ (Р. ед. *παιδ-ός*)<*παιδ-ίον*, при чемъ суф. *-ιο-* можетъ присоединяться черезъ посредство разнообразныхъ словообразовательныхъ слоговъ, напр. *λόγος* „слово“<*λογ-ίδ-ιον* и *λογ-άρ-ιον* „словечко“; лат. -lo-, -culo-, напр. porcus м. р. „свинья“<porculus „поросенокъ“, classis ж. р. „флотъ“< classicula „маленькій флотъ“, corpus ср. р. „тѣло“<corpusculum „тѣльце“ (съ удержаніемъ рода производящаго).

Примѣчаніе 1. Изъ предшествующаго изложенія можно было усмотрѣть, что нѣкоторые *суффиксальные* оттѣнки существительныхъ находятся въ родствѣ съ семазіологическими оттѣнками *членовъ предложенія*; таковы напр. суффиксы, обозначающіе производителя дѣйствія, а также объектъ переходнаго дѣйствія, орудіе и мѣсто дѣйствія. Разница здѣсь въ томъ, что суффиксъ придаетъ кажущійся синтаксическій оттѣнокъ лишь по отношенію къ значенію производящаго корня или слова, тогда какъ члены предложенія черезъ посредство флексійныхъ окончаній получаютъ синтаксическое значеніе лишь въ сферѣ дѣйствительнаго предложенія независимо отъ словопроизводства. Самое появленіе суффиксовъ обязано очевидно тому, что уже сложились въ данное время нѣкоторые типы дѣятельности и представлялась нужда въ характеристикѣ относящихся къ нимъ предметовъ—производителей той или другой работы, ея объектовъ и проч., и можно думать, что слово съ такой характеристикой первоначально являлось главнымъ образомъ въ качествѣ сказуемаго въ именномъ типѣ предложеній. Такимъ образомъ, не только части рѣчи, но и суффиксы формировались не обособленно, а при высказываніи предложеній, возникая въ нѣкоторой постепенности въ связи съ ростомъ культуры и вообще духовнаго развитія, какъ результатъ классифицирующей дѣятельности языкового мышленія; такъ, мы видѣли, что суффиксы, обозначающіе мѣсто работы, складывались на почвѣ суффиксовъ, обозначавшихъ производителя работы, и слѣд. позже послѣднихъ, и т. п. Дальнѣйшій прогрессъ въ языковомъ мышленіи представляется въ появленіи *словосложеній*. Въ этомъ случаѣ обозначается не только уже общая категорія—производителя, объекта дѣйствія и пр., но и болѣе частная характеристика, т. е. подобно такимъ русскимъ словамъ, какъ свинопасъ (=пасущій свиней), мореплаватель (=плавающій по морю или морямъ), и т. д. Такимъ образомъ, словосложенія указываютъ уже на дальнѣйшее, болѣе дифференцированное культурное состояніе общества.

Примѣчаніе 2. Относительно внѣшней стороны присоединенія суффиксовъ нужно замѣтить, что опредѣленные суффиксы связаны лишь съ опредѣленнымъ видомъ корня, срв. τὸ γέν-ος «родъ» (Р. ед. γέν-ε-ος изъ *γέν-εσ-ος, гдѣ суф. *-ŏs-/*-ĕs- присоединенъ къ первому полному виду корню ‖ ὁ γόν-ο-ς «родъ», гдѣ при тематическомъ гласномъ *-ŏ- мы встрѣчаемъ тотъ же корень уже во второмъ полномъ видѣ, и т. д.[1]) Что касается случаевъ *вторичнаго* присоединенія суффиксовъ къ существующему комплексу изъ корня съ первичнымъ суффиксомъ, то здѣсь уже исчезаетъ соотношеніе между видомъ корня и суффиксомъ, такъ какъ этотъ комплексъ не мѣняетъ болѣе своего вида при послѣдующихъ суффиксальныхъ расширеніяхъ.

Классификація склоненій и въ частности именного. Склоненія гласныя и согласное и главныя различія между ними. Интонація акута и циркумфлекса на падежныхъ окончаніяхъ.

Наиболѣе крупное подраздѣленіе склоненій—на и м е н н о е и м ѣ с т о и м е н н о е; то и другое склоненіе представляетъ рядъ особенностей въ отношеніи падежныхъ окончаній, напр.: греч. И. В. ед. средн. р. *ζυγόν* „ярмо“ ‖ *τοῦτο* „это“; скт. И. мн. муж. *áçvāḥ* „кони“ ‖ *tē* „они“; и др. Мы займемся разсмотрѣніемъ падежныхъ окончаній *именного* склоненія. [2])

Для простоты мы приметъ только три типа именного склоненія, аналогичные извѣстнымъ изъ учебниковъ тремъ греческимъ склоненіямъ (I—*χώρᾱ*, II—*ἵππος*, III—*ὄψ*), и ограничимся при этомъ сравненіемъ главнымъ образомъ четырехъ

---

[1]) Этотъ фонетико-морфологическій моментъ при анализѣ суффиксовъ былъ выдвинутъ главнымъ образомъ д е - С о с с ю р о м ъ, а въ настоящее время съ особенной рельефностью представленъ въ трудѣ М е й е «Введеніе въ срав. грам.»

[2]) Кромѣ извѣстныхъ общихъ сравнительно-грамматическихъ трудовъ, относящихся ко всѣмъ аріо-европейскимъ языкамъ, или же только къ части ихъ (см. перечень ихъ въ концѣ сочиненія А. М е й е Введеніе въ сравн. грамм. индо-европ. язз., 1914[2]), цѣнныя указанія содержатся въ слѣдующихъ трудахъ: Б. М. Л я п у н о в ъ Формы склоненія въ старославянскомъ языкѣ. Одесса 1905; С. М. К у л ь б а к и н ъ Древне-церковно-славянскій языкъ, какъ въ первомъ изданіи (2-ой вып., 1912 г.), такъ и во второмъ изд. (1913); Г. А. И л ь и н с к і й Праславянская грамматика (1916).

языковъ — санскрита, греческаго, латинскаго и старо-славянскаго. По такому плану мы будемъ разсматривать окончанія одного падежа за другимъ сначала единственнаго числа, затѣмъ двойственнаго и наконецъ множественнаго. Значитъ, нами принимаются слѣдующія три различія именного склоненія: I—древнія основы на -ā- (жен. рода), II—древнія основы на -ŏ-/-ĕ- (муж. и сред. рода), III—основы на согласный (всѣхъ трехъ родовъ). [1]) Изъ этихъ трехъ склоненій первое и второе могутъ быть охарактеризованы какъ *гласныя* склоненія, такъ какъ ихъ основа нѣкогда оканчивалась гласнымъ звукомъ (такъ наз. „тематическимъ", т. е. служащимъ для образованія „темы" или основы), а третье—какъ *согласное.* [2]) Но древнее гласное склоненіе стало подвергаться очень рано сокращенію основъ въ пользу окончаній, то есть такому морфологическому переразложенію формъ, по которому послѣдній гласный основы отходитъ къ окончанію, такъ что новая основа стала оканчиваться уже согласнымъ звукомъ, а всѣ падежныя окончанія такихъ склоненій стали начинаться съ гласнаго звука. [3]) Въ своемъ разсмотрѣніи мы

---

[1]) Кромѣ того, есть еще гласныя основы на -ĭ- и -ŭ- (срв. греч. ὄφις, πόλις, γλυκύς; ст.-сл. пѫть, двьрь, сынъ) и основы на -ī- и -ū- (рабыни, свекры); изъ нихъ первыя стоятъ ближе къ третьему склоненію, а вторыя діалектически сближаются съ первымъ склоненіемъ. Частныя замѣчанія объ этихъ склоненіяхъ будутъ сдѣланы нами особо послѣ разсмотрѣнія падежныхъ окончаній трехъ основныхъ склоненій.

[2]) Въ гласныхъ склоненіяхъ выдѣляется разновидность, гдѣ тематическому гласному предшествовалъ полугласный i̯, т. е. древнія основы на -i̯ā- и -i̯ŏ/ĕ-, давшія начало въ нѣкоторыхъ языкахъ (преимущественно—славянскихъ и балтійскихъ) мягкой разновидности указанныхъ гласныхъ склоненій.

[3]) Морфологическое обобщеніе о сокращеніи основъ въ пользу окончаній принадлежитъ проф. И. А. Бодуэну-де-Куртенэ.—Отголоски (пережитки) древнѣйшаго, не сократившагося состоянія основъ существуютъ еще до-нынѣ въ сложеніяхъ, ср.-рус. част*о*-колъ, вол*о*-пасъ и т. п. Конечно, присутствіе *о* въ концѣ перваго члена сложенія еще не доказываетъ, что каждое такое сложное слово непремѣнно возникло въ древнюю эпоху не сократившихся гласныхъ основъ, ибо этотъ типъ словообразованія пополнялся и въ позднѣйшія времена новообразованіями по аналогіи.

будемъ относить въ отдѣльныхъ языкахъ тематическій гласный уже къ окончанію. Такъ какъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ древнія гласныя основы являются согласными, то стало быть съ точки зрѣнія *отдѣльно-языкового* состоянія (т. е. не-праязыкового) нужно различать первично-согласныя и вторично-согласныя основы.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію падежныхъ окончаній по указаннымъ склоненіямъ, мы должны предварительно отмѣтить два существенныхъ отличія между гласнымъ склоненіемъ („первымъ" и „вторымъ") и склоненіемъ согласнымъ:

1) гласныя склоненія характеризуются *постояннымъ удареніемъ*, т. е. удареніе остается въ нихъ на одномъ и томъ же слогѣ во всемъ склоненіи (только Зват. падежъ можетъ представлять уклоненіе, благодаря своей тенденціи перемѣщать удареніе съ конца по направленію къ началу слова), срв. напр. постоянство ударенія въ склоненіи греч. слова *λύκος* „волкъ"—*λύκου*, *λύκῳ* и т. д.; между тѣмъ согласное склоненіе основъ односложныхъ и частію неодносложныхъ *переноситъ* свое удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. кромѣ Им. и Вин.) на окончаніе, напр. отъ слова *ὄψ* „голосъ, рѣчь"— В. ед. *ὄπ-α* || Р. ед. *ὀπ-ός*, или отъ слова *πατήρ* „отецъ"— В. ед. *πατέρ-α* || Р. ед. *πατρ-ός*;

2) Въ зависимости отъ только-что указаннаго различія въ характерѣ ударенія, въ гласныхъ склоненіяхъ не наблюдается градація въ основѣ, т. е. основа содержитъ одни и тѣ же звуки, тогда какъ въ согласномъ склоненіи переходъ ударенія на окончаніе нерѣдко сопровождается въ этихъ формахъ исчезновеніемъ предъударенлаго краткаго гласнаго, напр. *πατ̥ρός*, но *πατέρ-α*, откуда и получается градація или чередованіе основы (*πατέρ-* || *πατ̥ρ-'*); отсюда такое склоненіе извѣстно подъ названіемъ склоненія съ *градаціей основы*.

Хотя оба *гласныя* склоненія и характеризуются постояннымъ удареніемъ, но нѣкоторые языки представляютъ при

этомъ различія по **качеству ударенія**, преимущественно *греческій* и *литовскій*, въ особенности—когда удареніе приходится на концѣ слова; срв. И. ед. ἀλφή „плата"≠лит. algà (id.), Р. ед. ἀλφῆς≠лит. algõs и т. п. Значительный параллелизмъ различій въ греческихъ удареніяхъ съ литовскими, при нѣкоторыхъ подтверждающихъ другихъ данныхъ, заставляетъ предполагать, что уже въ ае. праязыкѣ складывалось различіе двухъ типовъ ударенія на долгихъ окончаніяхъ—*нисходящаго* (перешедшаго на греческой почвѣ въ т. наз. острое удареніе) и *восходяще-нисходящаго* или облеченнаго. Изъ нихъ первичнымъ слѣдуетъ признать первый типъ, такъ какъ второй развился при наступленіи нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій, какъ напр. въ первомъ и второмъ склоненіи—въ случаѣ слитія гласнаго основы съ гласнымъ окончанія (срв. Дат. ед. θεῷ, гдѣ окончаніе -ῳ получилось изъ ае. *-ōi̯←*-ŏ+ăi), или въ третьемъ склоненіи—въ случаѣ утраты послѣ долгаго гласнаго при нѣкоторыхъ условіяхъ полугласнаго или сонорнаго согласнаго (срв. Вин. ед. βῶ‸ν „быка"=ае. *g²ōu̯m; литов. И. ед. pẽmũ‸ „пастушенокъ" при греческой формѣ ποιμήν, сохраняющей конечное ν и имѣющей въ связи съ этимъ острое удареніе). [1]) Въ нашихъ послѣдующихъ схемахъ при выста-

[1]) Вопросъ о типахъ ударенія въ аріо-европейскомъ праязыкѣ и ихъ преобразованіи на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей представляетъ еще много не изслѣдованнаго. Замѣтимъ здѣсь, что A. Bezzenberger первый отмѣтилъ связь между удареніями языковъ литовскаго и греческаго (см. BB. VII, 1883 г., въ статьѣ «Grammatische bemerkungen», стр. 66—68), F. de-Saussure показалъ для литовскаго первичность нисходящаго ударенія (см. Mém. de la Société lingu. de Paris. VIII, 1894, въ статьѣ «A propos de l'accentuation lituanienne, стр. 425 сл.); о наблюденіяхъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова по соотношенію ударенiй литовскаго и сербо-хорватскаго упоминалось выше на стр. 22; сверхъ того, см. H. Hirt Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre—гл. XX подъ заглавіемъ «Der indogermanische Akzent», А. А. Шахматовъ Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (въ Энцикл. слав. филологіи, вып. 11-1), 1915, стр. 67 слѣд., Г. А. Ильинскій Праславянская грамматика, 1916, стр. 278—291 (съ библіографіей вопроса). Кромѣ того, срв. сказанное нами выше (стр. 26—29) о природѣ праязыкового ударенія и *интонаціяхъ акута* и *циркумфлекса*.

вленіи праязыковыхъ окончаній, содержавшихъ долгіе гласные, мы будемъ отмѣчать и предполагаемую интонацію— акута или же циркумфлекса (краткіе гласные не имѣли двойственности интонаціи). Поясню, что, согласно господствующему взгляду, та или другая интонація принадлежала окончанію не только тогда, когда на это окончаніе приходилось удареніе слова, но и тогда, когда въ словѣ соотвѣтствующая форма имѣла удареніе на начальныхъ слогахъ; такимъ образомъ проводится разница между *интонаціей* морфемы и *удареніемъ* слова (съ своей стороны замѣчу, что данный вопросъ требуетъ тщательнаго антропофоническаго изученія, и по возможности экспериментальнаго, на подходящихъ живыхъ языкахъ, особенно литовскомъ).

Далѣе нужно замѣтить, что одно и то же первоначальное окончаніе затѣмъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ фонетическихъ условій, могло развѣтвляться на нѣсколько звуковыхъ *разновидностей.* Помимо вліянія при этомъ *ударенности и неударенности,* разновидности окончаній возникали подъ вліяніемъ *фонетическихъ условій фразы* (срв. въ сноскѣ на стр. 80-ой—разновидности санскритскаго окончанія И. ед. во второмъ склоненіи), а также подъ вліяніемъ *морфологическаго переразложенія* и нерѣдко въ связи съ *слоговымъ дѣленіемъ* формъ: срв. происхожденіе въ классическомъ санскритѣ въ основахъ на *-ar-* ср. р. третьяго склоненія окончаній, начинающихся съ согласнаго ṇ, благодаря вліянію со стороны основъ на *-an-* ср. р., въ которыхъ суффиксальное *n,* чередуясь въ склоненіи съ гласнымъ *a* (срв. G. sg. nā́m | *n*-aḥ [1]) „имени“ || I. pl. nā́mabhiḥ „именами“), уже не могло чувствоваться прочною принадлежностью основы и стало относиться къ падежному окончанію, съ которымъ оно соединялось въ одинъ слогъ.

---

[1]) Вертикальною чертою мы пользуемся въ данномъ написаніи для обозначенія дѣленія на слоги, а черточкою отдѣляемъ первоначальное окончаніе.

Намъ осталось еще упомянуть, что въ большинствѣ вѣтвей нашего языкового семейства древнее различіе двухъ видовъ интонаціи постепенно стерлось уступивъ мѣсто однообразному экспираторному типу ударенія и нерѣдко съ присоединеніемъ явленія баритонизма (т. е. безударности конечнаго слога въ словахъ неодносложныхъ), благопріятствовавшаго сокращенію и потерѣ окончаній и вмѣстѣ съ тѣмъ переходу къ *аналитическому строю* (т. е. къ замѣнѣ окончаній переднею или препозиціонной флексіей), срв. напр. переходъ латинскаго языка въ романскіе.

Въ дальнѣйшемъ порядокъ нашего разсмотрѣнія падежныхъ окончаній будетъ слѣдующій: сначала предпосылаются семазіологическія замѣчанія о падежѣ, далѣе слѣдуетъ таблица съ важнѣйшими фактами, подлежащими разсмотрѣнію, а затѣмъ идетъ сравнительное разсмотрѣніе этихъ фактовъ въ порядкѣ склоненій, заканчивающееся построеніемъ соотвѣтствующей праязыковой гипотезы. Благодаря этому, будутъ достаточно наглядно разграничены главнѣйшіе моменты морфологическаго изслѣдованія, а въ особенности—область фактовъ и область обсужденія фактовъ (при вѣрности фактовъ обсужденіе ихъ можетъ оказываться ошибочнымъ). Въ таблицахъ будутъ встрѣчаться обозначенія: ↑—знакъ аналогіи, !—знакъ пережитковъ. [1])

Nominativus singularis.

Nominativus (именительный) есть падежъ простого указательнаго наименованія и вмѣстѣ съ тѣмъ подлежащаго въ предложеніи. Въ ближайшемъ семазіологическомъ соотношеніи этотъ падежъ стоитъ съ падежами

---

[2]) Въ качествѣ примѣровъ намъ будутъ служить падежныя формы главнымъ образомъ слѣдующихъ словъ: скт. áçvaḥ конь, áçvā кобыла, mádhyaḥ (ж. р.—mádhyā, ср. р.—mádhyam) средній, vāk голосъ; греч. χώρᾱ страна, ἡσυχίᾱ спокойствіе, ἵππος конь, μέσος средній, ὄψ голосъ; лат. equus конь, equa кобыла, familia семейство, alius другой, filius сынъ, filia дочь, vox голосъ; и нѣк. др.

звательнымъ, какъ падежомъ призывнаго наименованія, и винительнымъ, какъ падежомъ прямого дополненія къ сказуемому-глаголу. Рядъ примѣровъ, по-видимому, указываетъ, что въ нѣкоторыхъ языкахъ именительный падежъ въ соединеніи съ причастною формою можетъ составлять оборотъ именительнаго самостоятельнаго, напр. во франц.: Le père mort les fils vous retournent le champ», т. е. – когда умеръ отецъ, сыновья взрываютъ поле (изъ басни Лафонтена «Le Laboureur et ses Enfants»). Но здѣсь мы имѣемъ собственно продолженіе латинскаго оборота—Ablat. absolutus, который во французскомъ получилъ видъ Nominat. absolutus вслѣдствіе совпаденія всѣхъ прежнихъ падежныхъ формъ въ одной, которую называютъ «cas général» т. е. «общій падежъ») Нужно замѣтить еще, что именительный падежъ, какъ падежъ наименованія, наиболѣе способенъ сопровождаться указаніемъ и, слѣдов., прибавкою указательнаго мѣстоименія; напр. **къ-то || кого.** Поэтому естественнымъ и вѣроятнымъ представляется предположеніе Боппа о происхожденіи обычнаго аріо-европейскаго окончанія -s разсматриваемаго падежа изъ корня указательнаго мѣстоименія (срв. скт. sa «этотъ, онъ»).

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	áçv-ā mádh-yā	*χώρ-ᾱ* (*κόρη, δέρη*) *ἡσυχ-ία*	equ-ă famil-ia	жен-а землıа	*-ā́ *-i̯ā
II	áçv-aḥ mádh-yaḥ	*ἵππ-ος* *μέσος* (изъ *μέθ-i̯ο-ς*)	equ-ŭs (древ. -ŏs) (ager || humerus) alius (древ. alis)	рабъ кон-ь	*-ŏ-s *-i̯ŏ-s
	ср. р. -am	*-ον*	-um (древ. -om)	-о, -є	*ŏ m
III	vā́k	*ὄψ* (= *ὄπ-ς*)	vōx (= vōc-s)	камы	*s или долгота

Разсмотримъ сначала формы перваго склоненія. Всюду мы видимъ окончаніе *-а*, которое въ *санскритѣ* и *греческомъ* является долгимъ; долгота гласнаго предполагается и *старо-славянскимъ*; въ *латинскомъ* языкѣ окончаніе *-а* раньше

было тоже долгимъ и сократилось уже на почвѣ спеціально латинской.[1]) Согласіе аріо-европейскихъ языковъ относительно окончанія разсматриваемой формы позволяетъ сдѣлать *гипотетическое построеніе для аріо-европейскаго праязыка*: *-ā, при чемъ это окончаніе имѣло *интонацію акута* (*-ā́), какъ согласно свидѣтельствуютъ языки греческій и литовскій, срв. греч. ἀλφή=лит. algà (въ литовскомъ словѣ конечный долгій гласный, имѣвшій первоначально интонацію акута, является уже, согласно правилу этого языка, сократившимся, почему и видимъ въ нашемъ примѣрѣ краткое удареніе на конечномъ гласномъ).

Изъ *частныхъ* явленій въ области разсматриваемой формы нужно указать на то, что изъ древне-греческихъ діалектовъ -ᾱ является въ дорическомъ и эолическомъ, іоническій же представляетъ въ этомъ случаѣ -η; въ аттическомъ нарѣчіи, образующемъ одну вѣтвь съ іоническимъ, видимъ тоже -η, но послѣ ι и ϱ—ᾱ. Слова κόϱη („дѣвица") и δέϱη („шея", поэт. также „горло") аттическаго діалекта составляютъ лишь кажущееся исключеніе изъ этого правила, такъ какъ въ нихъ, въ эпоху образованія въ этомъ діалектѣ указаннаго чередованія ᾱ ‖ η, окончанію предшествовало не ϱ, но ϱϝ (срв. дорич. κόϱϝα).

[1]) Сокращеніе первоначальныхъ конечныхъ долгихъ гласныхъ въ латинскомъ произошло сначала въ словахъ, въ которыхъ окончанію предшествовалъ краткій слогъ, т. е. въ словахъ ямбическаго типа (⏑ —), въ словахъ же, гдѣ послѣдніе два слога представляли типъ спондея (- -), сокращеніе наступило позже (вообще, при существованіи въ языкѣ самостоятельной долготы и краткости гласныхъ, въ немъ могутъ происходить явленія, зависящія отъ момента *ритмичности*); отсюда объясняется разница по временному количеству, напр., конечнаго гласнаго *-e* въ нарѣчіяхъ pūrē «чисто» ‖ bĕnĕ «хорошо», или конечнаго *-o* въ числительныхъ octō «восемь» (слогъ *oc-* дологъ по положенію) ‖ dŭŏ «два». Что касается окончанія И. ед. -ā, то уже у архаическихъ поэтовъ вездѣ находимъ только -ă, вѣроятно благодаря вліянію аналогіи (отчасти къ В. ед., гдѣ ā въ положеніи передъ *m* подверглось сокращенію въ болѣе раннюю эпоху), въ отличіе отъ изолированныхъ образованій въ родѣ приведенныхъ нарѣчій и числительныхъ.

Во второмъ склоненіи окончанія скт. *-aḥ* изъ *-as*, греч. *-ος* и лат. *-us* безъ затрудненія могутъ быть признаны родственными и возведены съ полною вѣроятностью къ ae. *-ō͡s, причемъ санскритъ и латинскій представляютъ каждый свое особое фонетическое видоизмѣненіе предположеннаго праязыкового окончанія: въ санскритѣ на мѣсто ae. *ō имѣется *a*, образовавшееся еще въ индо-иранское время (см. стр. 48), а въ латинскомъ—по закону неударяемыхъ гласныхъ въ этомъ языкѣ—ō съуживается въ направленіи ŭ, сохраняясь однако путемъ диссимиляціи въ положеніи послѣ *u* и *v* (напр. mortu*os* „мертвый", equ*os* „лошадь") до императорской эпохи. [1])

Что касается старо-славянскаго окончанія -ъ, то оно представляетъ большія трудности для объясненія. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ тѣхъ поучительныхъ въ методологическомъ отношеніи случаевъ въ морфологіи, когда фактъ можетъ получить и дѣйствительно получаетъ у изслѣдователей разное освѣщеніе въ зависимости отъ того, начнетъ ли изслѣдователь съ допущенія *фонетическаго* объясненія этого факта, при чемъ все противорѣчащее его объясненію старается приписать дѣйствію психическаго фактора, именно—аналогіи, или же, усумнившись въ правильности фонетическаго толко-

---

[1]) Въ морфологическихъ схемахъ обыкновенно приводятся однѣ нормальныя формы, но для болѣе полнаго представленія необходимо обращать вниманіе и на остальныя *разновидности* тѣхъ же формъ. Такъ, въ *санскритѣ* кромѣ обычнаго окончанія -aḥ возможны, въ зависимости отъ начала слѣдующаго слова, другія *варіаціи* того же окончанія, -as, -aç, -aš, -a, -ō; но число разновидностей еще больше: каждое изъ указанныхъ шести окончаній является ударяемымъ и неударяемымъ (и притомъ въ разномъ удаленіи отъ ударенія), а кромѣ того, какъ показываютъ тексты, снабженные удареніемъ, неударенное окончаніе передъ начальнымъ ударенным слогомъ слѣдующаго слова переходило въ другую степень неударенности. Въ *греческомъ* языкѣ окончаніе представляло въ произношеніи варіаціи: *-os* и *oz*, а діалектически *-op* (ротацизмъ), и было какъ ударяемымъ, такъ и неударяемымъ. Въ *латинскомъ* языкѣ окончаніе является уже только неударяемымъ, благодаря чему легко подвергается ослабленіямъ.

ванія факта, онъ признаетъ этотъ фактъ *новообразованіемъ по аналогіи*, соотвѣтственно чему видоизмѣнится и толкованіе всѣхъ прочихъ соприкасающихся фактовъ. Вотъ подобнымъ образомъ и разсматриваемое ст.-сл. окончаніе -ъ имѣетъ два объясненія: а) фонетическое и б) морфологическое.

а) *Допускается фонетическое измѣненіе* *-ŏs→*ŭs→ŭ (ъ). Если же въ другихъ случаяхъ на мѣстѣ *-ŏs является -о, а не -ъ, какъ напр. въ сигматическомъ склоненіи (нєбо=νέφος), то принимаютъ, что и въ этихъ случаяхъ могло развиваться и даже получиться -ъ, но вмѣсто него утвердилось -о подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (срв. то изъ *tŏd).

б) Отрицается предъидущее фонетическое объясненіе происхожденія -ъ въ И. ед. второго склоненія въ виду противорѣчія такихъ фактовъ, какъ нєбо. Эти послѣдніе принимаются за чисто фонетическіе, т. е. что *ŏs→о, а -ъ въ И. ед. второго склоненія *признается перенесеннымъ по аналогіи* изъ В. ед. того же склоненія (гдѣ -ъ получилось фонетически изъ *-ŏm) подъ вліяніемъ совпаденія названныхъ двухъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ, особенно въ основахъ на *ŭ, гдѣ фонетически получилось -ъ въ обоихъ падежахъ: -ŭ(s) и -ŭ(m).

Я нахожу, что второе изъ приведенныхъ объясненій происхожденія -ъ въ Им. ед. второго склоненія встрѣчаетъ при дальнѣйшихъ разысканіяхъ рядъ новыхъ подтвержденій, чего нельзя сказать о первомъ объясненіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ греческой формѣ νέφος вполнѣ соотвѣтствуетъ ст.-сл. нєбо съ исчезнувшимъ конечнымъ s, [1]) точно такъ же конечное сочетаніе *-ĕs отражается въ ст.-сл. не въ видѣ -ь, но -є; примѣры послѣдняго: Р. ед. и И. мн. согласнаго склоненія —

[1]) Исчезло оно въ эпоху устраненія согласныхъ съ конца слоговъ и словъ, переживавшуюся славянскими языками.

камен-є и т. п., гдѣ просто исчезло съ конца s, а предшествующее ě сохранилось въ своемъ качествѣ; 2 ед. прошедшаго тематическаго—нєс-є и т. п. Но если конечное *-ŏs должно было дать въ ст.-сл. -о, а не -ъ, то—напротивъ—*-ŏm фонетически отражается въ видѣ -ъ, примѣромъ чего служитъ -ъ въ 1 ед. прошедшаго тематическаго, напр. нєс-ъ. Что же касается распространенія формы Вин. падежа на мѣсто Им. падежа, то это нерѣдкое явленіе въ языкахъ; ср. франц. *bonté*= лат. *bonitátem*,[1]) ново-болг. -ѫ въ именахъ женскаго склоненія, соотвѣтствующее ст.-сл. -ѫ (В. ед. ж.), а не -а (И. ед.), и наконецъ—вліяніе В. падежа на И. въ славянской вѣтви во мн. ч. ж. рода, а затѣмъ и муж., о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. [2])

Въ *мягкой* разновидности второго склоненія -ь обычно объясняется изъ общеславянскаго *-jъ (-jŭ), т. е. предполагается, что съуженіе ŏ→ŭ произошло *до эпохи* дѣйствія предшествующаго j на послѣдующее ŏ (jŏ→jĕ), а затѣмъ jŭ→jĭ вмѣстѣ со случаями первичнаго jŭ, какъ напр. въ словѣ иго=лат. jŭgum, или въ именахъ на *-jus; однако возможно

---

[1]) Но не bónitas, такъ какъ романскіе языки удерживаютъ удареніе латинскаго.

[2]) Такимъ образомъ, принимаемое нами дѣйствіе аналогіи по отношенію къ появленію во второмъ скл. окончанія И. ед. -ъ характеризуется слѣдующими чертами: это—«внутренняя» аналогія къ другому падежу (В. ед.) того же скл., обязанная моменту *пропорціональности*, благодаря *совпаденію* одной изъ этихъ формъ съ *другимъ типомъ* скл. (-ŭ-) *того же рода*, гдѣ данныя двѣ формы (И. ед. и В. ед.) звучали тожественно, что однако *не представлялось неудобнымъ*, такъ какъ эти падежи, близко соприкасавшіеся по своему значенію, тѣмъ не менѣе легко различались *синтаксически* по мѣсту въ предложеніи. (Обратнаго же вліянія, т. е. со стороны 2-го скл., произойти не могло, такъ какъ окончаніе И. ед. -*о*, какъ уже ставшее характернымъ для словъ средняго рода (значитъ, процессъ происходилъ послѣ эпохи устраненія конечныхъ согласныхъ -*s* и -*d*), обусловило стремленіе къ отличенію словъ муж. рода отъ средняго и заставило слова муж. р. 2-го скл. уподобиться 4-му скл., а не наоборотъ; аналогія, такимъ образомъ, здѣсь тѣсно связана съ дифференціаціей.

принять и другой порядокъ: *-jŏm→*-jĕm→*-jĭm→ jь, параллельно съ измѣненіемъ jŭ→jĭ, при чемъ предполагается, что возникновеніе процесса *совпало съ эпохою* вліянія j на слѣдующіе ŏ и ŭ.

Въ латинскомъ языкѣ обращаютъ вниманіе основы на *-r-* (мы беремъ сокращенный видъ основы, т. е. принимаемъ гласный суффикса отошедшимъ къ окончанію; по обычной же терминологіи основы эти называются основами на *-ro-*): однѣ изъ нихъ образуютъ И ед. съ окончаніемъ *-us*, въ другихъ же И. ед. не имѣетъ этого окончанія, напр. (h)umerus „плечо" || ager „поле". Основная причина различія приведенныхъ образованій заключается въ разномъ происхожденіи *r*: въ словѣ ager, какъ видно изъ сравненія съ греч. *ἀγρός* и скт. *ájraḥ*, латинское *r* восходитъ къ первоначальному *r*, а исчезновеніе окончанія могло произойти путемъ образованія на латинской почвѣ слогообразующаго согласнаго (а *r* способно къ такой функціи), т. е. *ágros→*agr̥s, откуда послѣ упрощенія группы двухъ послѣднихъ согласныхъ (-r̥s→r̥) и образованія „бѣглаго" ě между *g* и *r* получилось *ager* (Р. ед. agri); при этомъ предполагается, что процессъ происходилъ уже по установленіи баритонизма въ латинскомъ языкѣ; другіе однородные примѣры: caper (*κάπρος*) „козелъ", socer (свекръ), ruber (*ἐρυθρός*) и пр. (тоже въ словѣ vir „мужъ"); что касается такихъ случаевъ, какъ *humerus* (также—numerus), то въ нихъ *r* произошло изъ *s*, и нужно принять, что въ ту эпоху, когда въ словѣ *ágros преобразовывалось окончаніе, въ humerus еще сохранялся между звонкими звуками согласный *s* (или z, ž); когда же *s* (или собственно z, ž) стало между гласными измѣняться въ *r*, эпоха вышеуказаннаго преобразованія окончанія съ предшествующимъ плавнымъ *r* уже миновала. [1]) Отступленіе отъ указаннаго правила соста-

[1]) И дѣйствительно, переходъ *s* въ *r* въ латинскомъ языкѣ произошелъ поздно, уже въ историческое время. Цицеронъ говоритъ, что L. Papi-

вляютъ прилагательныя на *-rus* съ предшествующимъ гласнымъ краткимъ или долгимъ (напр. fĕrus „дикій", mĕrus несмѣшанный, чистый", vērus „истинный" и др.), которыя, имѣя первичное *r*, однакожъ удерживаютъ окончаніе *-us*: это обусловливалось какъ *аналогіей* съ прочими прилагательными трехъ окончаній, такъ еще и тѣмъ, что только при этомъ условіи получался *изосиллабизмъ* въ падежныхъ формахъ; но если прилагательное имѣло передъ *r* согласный звукъ, то—какъ мы видѣли—при отсутствіи окончанія *-us* изосиллабизмъ однакожъ не нарушался, благодаря появленію въ соотвѣтствующей формѣ бѣглаго гласнаго (срв. ruber).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію окончанія *средняго рода* второго склоненія. Скт. *-am*, греч. *-ον* и лат. *-um* одинаково восходятъ къ *-ŏm. Но къ этому окончанію нельзя возводить слав. -о, такъ какъ *-ŏm должно было дать -ъ. Въ то же время славянское окончаніе весьма просто объясняется при помощи аналогіи, а именно, въ виду того, что окончаніе -о твердаго склоненія и -є мягкаго должно было фонетически получиться въ той же формѣ мѣстоименнаго склоненія (срв. то, ѥ, гдѣ съ конца исчезъ согласный *d* въ эпоху устраненія согласныхъ съ конца слоговъ, пережившуюся славянскими языками; лат. istŭd изъ istŏd, при чемъ ŏ измѣнилось въ ŭ по закону неударяемыхъ гласныхъ этого языка, а конечное *d* сохранилось послѣ краткаго гласнаго; скт. tad, yad), то естественно допустить здѣсь вліяніе мѣстоименнаго склоненія на именное въ связи съ возможнымъ вліяніемъ со стороны именного типа нєбо, чѣмъ устранялось неудобство смѣшенія словъ средняго рода съ муж. Направленіе анало-

---

rius Cursor (бывшій консуломъ въ 336 г. до Р. Х.) впервые сталъ называться Papirius, его же предки были Papisii. Такимъ образомъ, возникновеніе *r* изъ *s* произошло въ IV в. до Р. Х., развитіе же *r* въ латинскомъ происходило ранѣе того, до превращенія *s* въ *r*. Срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., Изъ лекцій по латинской фонетикѣ (1893) стр. 186.

гіи въ этомъ случаѣ иное, чѣмъ то, которое мы разсмотрѣли выше по отношенію къ окончанію -ъ въ И. ед. муж. второго склоненія. Оно въ данномъ случаѣ можетъ быть охарактеризовано такъ: распространеніе окончанія извѣстнаго падежа изъ одного типа склоненія на тотъ же падежъ другого типа склоненія (*сторонняя* или *внѣшняя аналогія*), притомъ довольно дальняго (но того же грамматическаго рода), на почвѣ сочетанія словъ (дисгармоническое сочетаніе * „*то игъ*" уподобилось сочетанію „*то небо*").

Въ третьемъ склоненіи въ однихъ образованіяхъ (въ основахъ на шумный согласный) И. ед. муж. и жен. рода имѣетъ окончаніе *-s*, между тѣмъ какъ въ другихъ образованіяхъ (въ основахъ на сонорные *-r* и *-n*) ни въ одномъ изъ аріо-европейскихъ языковъ нѣтъ конечнаго *-s*, а только долгота гласнаго, напр. греч. *πατήρ*=скт. pitá, *ῥήτωρ* „ораторъ" и т. п. Прежніе изслѣдователи объясняли въ этомъ случаѣ долготу гласнаго тѣмъ, что и здѣсь нѣкогда было -s, исчезновеніе котораго вызвало удлиненіе гласнаго въ конечномъ слогѣ; въ послѣднее время выдвинуто предположеніе о томъ, что здѣсь конецъ былъ первоначально двуслоговымъ, переходъ котораго въ одному слогу и обусловилъ удлиненіе (напр. греч. *πατήρ*=ае. *pətḗr изъ *pət*ero*); однако едва ли можно принять за этимъ предположеніемъ бóльшую убѣдительность по сравненію съ предъидущимъ. Но какъ ни объяснять здѣсь возникновеніе праязыковой долготы гласнаго въ конечномъ слогѣ, во всякомъ случаѣ въ языкахъ-потомкахъ эта долгота является морфологическимъ признакомъ падежа. Сравнивая, далѣе, концевую интонацію тѣхъ же образованій въ языкахъ греческомъ и литовскомъ (напр. греч. *πατήρ* „отецъ", *λειμών* „лугъ"; литов. motẽ „жена, женщина", akmũ „камень"), мы замѣчаемъ различіе интонаціи, на первый взглядъ какъ бы подрывающее правильность ученія о согласіи интонаціи въ этихъ языкахъ. Однако это различіе

можетъ быть поставлено въ связь съ отсутствіемъ конечнаго сонорнаго согласнаго въ литовскомъ, при чемъ литовская интонація является здѣсь т. о. вторичной. Къ этому нужно прибавить, что присутствіе или же отсутствіе конечныхъ *-r* и *-n* въ разсматриваемыхъ формахъ представляло діалектическое различіе уже въ самомъ аріо-европейскомъ праязыкѣ, при чемъ напр. распредѣленіе формъ съ *-r* и безъ *-r* почти вполнѣ соотвѣтствовало діалектическому распредѣленію рефлексовъ *k по отдѣламъ западному и восточному; срв.:

Зап.	Вост.
греч. *μήτηρ*	скт. mātā́
лат. māter	авест. māta
кельт. māϑir	лит. motė̃
др.-вхн. muoter	ст.-сл. мати
[арм. mair] [1])	

Vocativus singularis.

Нѣкоторые изслѣдователи, слѣдуя Шлейхеру (см. его Compend.² § 243 стр. 515), склонны принимать звательный падежъ за родъ междометной формы. На первый взглядъ такое воззрѣніе можетъ показаться основательнымъ въ виду того, что звательный падежъ стоитъ какъ бы внѣ отношеній предложенія, между тѣмъ какъ роль каждаго падежа—выражать отношеніе именного понятія къ другимъ понятіямъ предложенія. Тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ остаться при прежнемъ воззрѣніи на звательную форму, какъ на падежъ, и основанія для этого слѣдующія: 1) звательный падежъ входитъ въ составъ предложенія, занимая въ немъ извѣстное мѣсто и служа къ большей опредѣленности этого предложенія; 2) звательный падежъ можетъ получать опредѣленія, какъ и всякій другой падежъ, напр. «о, добрый другъ моего отца!» 3) имѣетъ спеціальное синтаксическое согласованіе—со вторымъ лицомъ глагола, и особенно типичнымъ является сочетаніе этого падежа со вторымъ лицомъ повелительнаго наклоненія и тѣмъ же лицомъ личнаго мѣстоименія (что касается остальныхъ лицъ глагола, то первое лицо сочетается съ мѣстоименіемъ перваго лица, а третье лицо

---

[1]) Въ отношеніи отраженій ае. *K армянскій принадлежитъ къ восточному отдѣлу.

глагола съ именами въ падежѣ указательнаго наименованія); 4) участвуетъ въ явленіяхъ формальной аналогіи въ склоненіи, что уже прямо доказываетъ принадлежность этой формы къ системѣ склоненія. Въ ближайшей семазіологической близости падежъ этотъ стоитъ къ именительному падежу.

	Скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-ē ! áтљ-a	*χώϱ-α*	equ-ă	жен-о	*-ă
II	áçv-a	*ἵππ-ε*	equ-ĕ fil-ī	рав-е	*-ĕ
III	=осн. или (въ односл.) Имен.	=осн. или Имен.	=Имен.	=Имен.	=

Въ **первомъ** склоненіи въ **санскритѣ** при обычномъ -ē дифтонгическаго происхожденія (срв. также греч *Λητοῖ* „о Латона“) сохраняется и -*a* въ названіяхъ „матери“, часто употребляемыхъ какъ частицы, напр. отъ amљā въ ведійскомъ санскритѣ Voc. *áтљē* и *áтљă*, въ классическомъ же только *amљă*; о формѣ áтља въ скт. словарѣ Бетлингка замѣчено: „*áтља* часто понижается въ значеніи до простого восклицанія (въ родѣ *ach*)“; вообще частицы представляютъ нерѣдко случаи переживанія нѣкогда существовавшихъ формъ. Что именно названія матери удержали при этомъ восклицательную форму, срв. въ русскомъ восклицанія: „батюшки!“ „матушки!“ Въ греческомъ [1]) и латинскомъ находимъ окончаніе -ă.

[1]) Ср. отъ νύμφη «невѣста, молодая жена» въ Гом. діал. Зв. ед.—νύμφᾰ; но въ аттическомъ діалектѣ въ словахъ перваго склоненія ж. р. обычно Зв. ед.=Им. ед., въ чемъ естественно видѣть распространеніе формы Им. ед. на Зват. падежъ того же числа и склоненія, въ словахъ же муж. р. перваго склоненія, оканчивающихся на -της (напр. πολίτης «гражданинъ»), а также въ названіяхъ народныхъ (напр. Πέρσης) Зват. ед. въ аттич. сохранилъ свое первоначальное окончаніе -ᾰ: ὦ πολῖτα, ὦ Πέρσα.

Подобно этимъ окончанiямъ и славянское -о такихъ образованiй, какъ жено, является отраженiемъ ае. *-ā. Во всѣхъ этихъ случаяхъ конечное -ă разсматривается какъ сокращенный видъ долгаго тематическаго гласнаго перваго склоненiя и является продуктомъ морфологическаго переразложенiя, именно—продуктомъ отдѣленiя тематическаго гласнаго отъ основы къ окончанiю.

Во второмъ склоненiи, гдѣ тематическимъ гласнымъ является ŏ || ĕ, Зват. падежъ оканчивается на -ĕ, которое должно разсматриваться какъ результатъ выдѣленiя въ окончанiе тематическаго гласнаго. Такимъ образомъ, въ Зв. ед. подобно 2 ед. повел. накл. тематическаго спряженiя мы не встрѣчаемъ собственно особаго прибавочнаго суффикса, что типично для обѣихъ формъ.

Изъ *частныхъ случаевъ* второго склоненiя остановимся на особенности Зв. ед. въ основахъ на *-io-* въ латинскомъ языкѣ. Въ этихъ основахъ или—иначе говоря—во второмъ мягкомъ склоненiи въ рядѣ случаевъ въ Зв. ед. встрѣчаемъ -ī, напр. fīlī, при чемъ окончанiе -ī получилось изъ -iĕ вслѣдствiе того, что второй звукъ, т. е. ĕ, ассимилировался предъидущему i. Такiе случаи, какъ filie, pie, Laertie, объясняются аналогiей къ соотвѣтствующей формѣ твердаго склоненiя. Обыкновенно въ существительныхъ собственныхъ въ латинскомъ встрѣчаемъ стяженiе (ср. въ одной изъ эпитафiй Сципiоновъ—Publi, Corneli), тогда какъ имена прилагательныя болѣе склонны къ окончанiю *-ie*; эта разница между существительными и прилагательными станетъ понятною, если припомнимъ, что одно и то же прилагательное мягкой флексiи могло сочетаться съ существительными какъ мягкаго, такъ и твердаго второго склоненiя, а по аналогiи къ послѣднимъ оно принимаетъ типичный (характерный) для Зв. ед. второго склоненiя падежный признакъ -ĕ (родъ конгруэнцiи).

Что касается *образованій по аналогіи*, то обращаетъ вниманіе обычность послѣдней между формами Им. и Зв. падежа, особенно же часто распространеніе перваго на второй, чему не мало примѣровъ представляетъ третье склоненіе (напр. въ греч. *OEd. R.* 629: *ὦ πόλις πόλις*; *Prometh.* 88: *ὦ δῖος αἰθήρ* и пр.). Обычность дѣйствія аналогіи между Им. и Зв. падежомъ обусловливается ихъ смысловою близостью: Им. падежъ есть падежъ наименованія простого, Зв. падежъ—тоже падежъ наименованія, но только, такъ сказать, наименованія призывающаго и волевого. *Бо́льшая обычность распространенія Им. падежа на Зв.* обусловливается, вѣроятно, большею частотою употребленія существительныхъ въ падежѣ простого наименованія, между тѣмъ какъ форма призывающаго наименованія обыкновенно употребляется лишь въ личныхъ названіяхъ. Разсмотрѣнное направленіе въ дѣйствіи аналогіи можно охарактеризовать, какъ распространеніе формы съ одного падежа на другой въ томъ же склоненіи (*внутренняя аналогія*), при смысловой близости этихъ падежей.

Въ Зват. падежѣ важно обратить вниманіе на одну характерную особенность въ *удареніи*, именно на оттяжку ударенія съ конца слова къ началу, особенно рельефно представляющуюся въ санскритѣ (ср. также въ греч.: *ὦ δέσποτα*, *ὦ ἄδελφε*, *ὦ πάτερ*, *ὦ Ζεῦ* при Имен. *Ζεύς*; ново-цксл. же́но, ра́бе).

Accusativus singularis.

О значеніи винительнаго падежа прежде всего замѣтимъ, что это—падежъ прямого дополненія, и потому онъ ближе всего по значенію соприкасается съ падежомъ именительнымъ, какъ падежомъ подлежащаго при томъ же переходномъ глаголѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ перемѣною дѣйствительнаго оборота на страдательный, винительный падежъ мѣняется на именительный. О семазіологическомъ соотношеніи винительнаго падежа съ родительнымъ будетъ сказано при разсмотрѣніи послѣдняго.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-ām	*χώρ-āν*	equ-ăm	жен-ж -землж	*-ām
II	áçv am	*ἵππ-ον*	equ-um (древ -ŏm)	рабъ;-ь	*-ŏ-m
	ср. р yug-ám	*ζυγ-όν*	jug-um (древ. -ŏm)	иго;-є	
III	vác am	*ὄπ-ᾰ*	vōc-ĕm	камен-ь	*-m̥

Въ **первомъ склоненіи** **санскритскому** **окончанію** **-ām** вполнѣ соотвѣтствуетъ греческое *-āν*, въ которомъ, согласно съ фонетическимъ закономъ этого языка, конечное *m* измѣнилось въ *n*. Въ латинскомъ языкѣ мы видимъ въ окончаніи краткій гласный. Извѣстно, что въ этомъ языкѣ долгіе гласные въ конечныхъ неударяемыхъ закрытыхъ слогахъ сокращались неравномѣрно, въ зависимости отъ характера слѣдовавшаго за гласнымъ согласнаго, напр. въ спряженіи: *monebăm, monebās, monebăt, monebăr*. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ лат. ā передъ *m* въ конечномъ неударенномъ слогѣ превращалось въ ă; такъ и въ Вин. ед. перваго склоненія. Въ ст.-сл. видимъ эквивалентное окончаніе -ж, т. е. ǫ, и притомъ какъ въ твердой, такъ и въ мягкой разновидности склоненія, въ отличіи отъ отраженія *-ŏm въ В. ед. второго склоненія (см. выше стр. 81). [1]) Разсмотрѣнныя окончанія Вин. ед перваго склоненія приводятъ къ предположенію въ аріо-европейскомъ праязыкѣ окончанія *-ā-m, гдѣ ā первоначально принадлежало основѣ,

[1]) Срв. также мои соображенія по хронологіи процесса въ Сравн. грамм. ае. язз, вып. 1 (1914), стр. 110.

но потомъ путемъ морфологическаго переразложенія (морфол. абсорпціи) отъ основы перешло къ окончанію; что касается интонаціи этого окончанія, то, согласно даннымъ греческаго языка (напр. θεᾶν „богиню"), таковая была одинакова съ интонаціей И. ед., т. е. представляла собою *интонацію акута.*

Объ окончаніяхъ Вин. ед. **второго** склоненія мы уже имѣли случай говорить при Им. ед. (стр. 81—82). Окончаніемъ этого падежа въ праязыкѣ аріо-европейскомъ предполагается *-ŏ-m, гдѣ тематическое ŏ затѣмъ отошло къ окончанію вслѣдствіе морфологическаго переразложенія. Въ *среднемъ родѣ* по обыкновенію Вин. сходенъ съ Имен. и оканчивался въ праязыкѣ тоже на *-ŏ-m (см. выше стр. 84).

Въ **третьемъ** склоненіи разсматриваемый падежъ представляетъ слѣдующія окончанія: скт. -ăm = греч. ᾰ = лат. -ĕm; ст.-сл. -ь. На основаніи этихъ окончаній предполагаютъ для аріо-европейскаго праязыка окончаніе *-*m*, которое, будучи предшествуемо согласнымъ звукомъ, становилось слогообразующимъ (*-m̥) Однако санскритъ въ другихъ случаяхъ представляетъ иной рефлексъ первоначальнаго слогообразующаго носового, не ăm, но ă; срв. скт. çatám = греч. ἑκατόν = лат. centum. Для выясненія указаннаго отступленія санскрита возможно предложить два толкованія:

а) *фонетическое,* стремящееся объяснить отступленіе особенностью фонетическихъ условій; при такой точкѣ зрѣнія принимается, что первоначальный носовой слогообразующій имѣлъ въ санскритѣ неодинаковое развитіе внутри слова и въ концѣ, въ одномъ положеніи давши ă, а въ другомъ -ăm;

б) *морфологическое* или посредствомъ аналогіи; при этомъ толкованіи принимается для санскрита одинаковое отраженіе носового слогообразующаго въ обоихъ положеніяхъ въ видѣ ă, въ данной же формѣ третьяго склоненія окончаніе -ăm получилось по аналогіи къ окончаніямъ того же падежа въ глас-

ныхъ склоненіяхъ, такъ какъ *-m* чувствовалось характернымъ признакомъ падежа.

Въ данномъ случаѣ, по-видимому, имѣются рѣшающіе факты, говорящіе въ пользу морфологическаго и противъ фонетическаго толкованія: въ санскритѣ въ числительныхъ, имѣвшихъ первоначально на концѣ слогообразующій носовой, отраженіемъ послѣдняго служитъ ă, напр. скт. dáça=греч. δέκα =лат. decem=ст.-сл. десѧ-ть.

Сравнивая между собою окончанія Вин. ед. всѣхъ трехъ склоненій (*-ām, *-ŏm и *-m̥), видимъ, что въ составъ ихъ входитъ одинъ и тотъ же элементъ *-m*, который и былъ собственно общимъ первоначальнымъ признакомъ даннаго падежа во всѣхъ склоненіяхъ, но затѣмъ уже произошло позднѣйшее развѣтвленіе первоначально одного окончанія на нѣсколько— по причинамъ морфологическимъ (переразложеніе и аналогія) и фонетическимъ (переходъ въ слогообразующій согласный). Здѣсь мы видимъ, какъ *иногда разнообразіе падежной флексіи въ аріо-европейскихъ языкахъ сводится къ первичному однообразію, напоминающему однообразіе падежной флексіи урало-алтайскихъ языковъ.* [1])

Нужно еще обратить вниманіе на основаніе сходства окончанія Acc. sg. masc. и Nom. sg. neutr. во второмъ склоненіи (напр. equum || jugum): neutra, какъ преимущественно названія вещей или неодушевленныхъ предметовъ, чаще всего мыслятся въ роли объектовъ.

Genitivus singularis.

Основной смыслъ родительнаго падежа: чрезъ прибавленіе Род. падежа именное понятіе становится болѣе узкимъ, болѣе опредѣленнымъ, напр. «домъ *отца*» (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.); какая именно связь между представленіями предметовъ обозначается въ каждомъ данномъ случаѣ посредствомъ Род. пад.,—это обусловливается характеромъ представленій. Обыкновенно обособляютъ въ самостоятельную группу такъ

---

[1]) См. мои Лекціи по общему языковѣдѣнію (1915)² стр. 267.

назыв. Gen. partitivus (въ рус. иногда съ предлогами *изъ*, *отъ*), но не трудно усмотрѣть однородность этого оттѣнка съ основнымъ смысломъ падежа, напр. послѣ превосх. степ.: «храбрѣйшій изъ людей»,—указывается то родовое представленіе или тотъ классъ предметовъ, къ которому относится превосх. степ. Нужно замѣтить, что путемъ дѣйствія аналогіи можетъ расширяться употребленіе падежа, срв. напр. такіе случаи употребленія Род. падежа при дѣйствительномъ глаголѣ, какъ «принести дровъ» (тоже и въ литовскомъ яз.). Къ случаямъ Род. падежа по аналогіи, я отношу употребленіе Род. падежа въ санскритѣ и греч. при глаголѣ «господствовать»: напр. скт. rājati «онъ господствуетъ» съ *Род.*, вѣроятно—подъ вліяніемъ управленія существительнаго: «господинъ чего-л. или кого-л.», т. е. управленіе глагола по аналогіи къ управленію однокоренного сущ. Употребленіе Род. падежа въ слав. языкахъ послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ возникло по аналогіи съ случаями «лишаться чего-л.», такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія. Разъяснивъ оттѣнки значенія, соединяющіеся съ Род. падежомъ, мы перейдемъ къ указанію семазіологическаго соотношенія Род. падежа съ другими. Это соотношеніе представляетъ два случая: а) съ характеромъ пропорціональности, какъ это мы видимъ на соотношеніи конструкціи глаголовъ съ конструкціей соотвѣтствующихъ существительныхъ, и б) по внутреннему сходству. Примѣры послѣдняго: «приказаніе отца» (соприкосновеніе съ значеніемъ исходнаго падежа или Ablativ'а), «полъ комнаты», «крыша дома» (соприкосновеніе съ значеніемъ мѣстнаго падежа, т. е. «полъ въ комнатѣ», «крыша на домѣ»). Отсюда не случайность, что мы встрѣчаемъ нерѣдко одинаковость падежнаго признака или суффикса въ этихъ соприкасающихся по смыслу падежахъ, срав. въ санскритѣ одинаковость Gen. и Ab. sg. въ первомъ и третьемъ склоненіи, Gen. и Loc. dualis во всѣхъ склоненіяхъ.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-āyāḥ↑	χώϱ-ᾱς	equ-ae↑ ! familiās	рак-ы↑ ꙁемлѩ↑	* ā̃s
II	áçv-asya	ἵππ-ου	equ ī↑	раба↕	*-ŏ-i̯ŏ (‖ *-ŏ-si̯ŏ)
III	vāc-áḥ	ὀπ-ός	vōc-is	камен-е	*-ĕs ‖ *-ŏs

Въ **первомъ** склоненіи окончанія представляютъ такія различія, которыя не позволяютъ возвести ихъ всѣ къ одному

общему праязыковому окончанію. Все-таки часть формъ допускаетъ сближеніе: скт. -āyāḥ, греч. -ᾱς и, какъ пережитокъ, лат. -ās (сюда относится также окончаніе -ōs въ гот. и литов., срв. гот. gib-ōs „дара“, лит. merg-ōs „дѣвушки“); по этимъ формамъ возсоздается праязыковое окончаніе *-ās для того же склоненія.

Санскритское окончаніе -āyāḥ послѣдними своими звуками (т. е. -āḥ изъ *-ās) отражаетъ древнюю форму, начальные же звуки (-āy-) перешли вѣроятно изъ Мѣстнаго падежа путемъ пропорціональной аналогіи въ склоненію основъ на -ī-, стоящему въ санскритѣ въ тѣсномъ соотношеніи съ первымъ склоненіемъ. Въ Мѣстномъ един., какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, первоначальное окончаніе перваго склоненія *-āi (состоящее изъ тематическаго гласнаго -ā- и собственно падежнаго признака -i) получило въ санскритѣ постпозицію или добавочный комплексъ -ām, благодаря чему возникло двухслоговое окончаніе *-āyām*, соотвѣтствующее однослоговому окончанію *-yām* въ основахъ на -ī-, объясняемому изъ *-yāy ām черезъ пропускъ перваго yā (напр. Мѣстн. ед. dēvyām отъ dēvī „богиня“). Затѣмъ уже и въ Gen. sg. перваго склоненія, въ параллелизмѣ съ основами на -ī-, оканчивавшимися въ этомъ падежѣ на *-yāḥ*, получилось двухслоговое окончаніе *-āyāḥ*, т. е.

dēv-yām : sēn-āyām = dēv-yāḥ : x

x = sēn-āyāḥ. [1])

При разсмотрѣніи окончанія Дат. ед. мы встрѣтимъ въ санскритѣ подобное же новообразованіе.

Въ греческомъ языкѣ окончаніе -ᾱς || -ης (напр. *δίκ-ης* „правды“) представляетъ прямое продолженіе первичнаго

---

[1]) Такой замѣнѣ древняго окончанія *-ās Род. ед. въ первомъ склоненіи вѣроятно способствовало стремленіе къ различенію отъ однозвучной формы И. В. мн. Такъ какъ это явленіе замѣны общее у санскрита съ иранскими языками (срв. скт. sēnāyaḥ «войска» = ав. haēnayå др.-перс. haināyā), то оно должно восходить въ индо-иранскую эпоху.

окончанія разсматриваемаго падежа, при чемъ если удареніе приходится на концѣ формы, то оно обнаруживается въ видѣ *интонаціи циркумфлекса* (срв. θεᾶς „богини", τιμῆς „чести"), въ согласіи съ литовскимъ; отсюда та же интонація приписывается и соотвѣтствующему праязыковому окончанію.

Въ архаическомъ латинскомъ (у Эннія, Невія и др.) еще существовали формы съ первичнымъ окончаніемъ -ās, напр. *vias*, *fortunas* и даже въ классическомъ періодѣ въ качествѣ пережитка въ юридическомъ языкѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ *pater familias* „отецъ семейства", *filius familias* и т. д. Однако окончаніе -*ās* рано вытѣсняется вторичнымъ окончаніемъ -*ai*, откуда затѣмъ классическое -*ae*; нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ это окончаніе аналогіей къ соотвѣтствующему падежу второго склоненія, кончающемуся на -ī, при чемъ они опираются на то, что встрѣчающееся у древнѣйшихъ поэтовъ (а у позднѣйшихъ вслѣдствіе сознательнаго архаизированія) двуслоговое окончаніе -āī въ Р. ед. перваго скл. тоже имѣетъ на концѣ долгое *i* (подобно ēī въ пятомъ латинскомъ склоненіи). Однако это толкованіе „внѣшней" аналогіей не является единственнымъ, и не исключена пока возможность объясненія „внутренней" аналогіей къ формамъ того же перваго склоненія, имѣющимъ окончаніе -*ae* (срв. Dat. Loc. sg., Nom. plur.). [1]

Что касается старо-славянскаго окончанія -ы || -ѧ, то Шлейхеръ высказалъ соображеніе, что здѣсь или аналогія къ И. В мн., съ которымъ часто бываетъ одинаковъ Р. ед., или же падежный элементъ присоединенъ къ основѣ черезъ посредство носового. Шлейхеръ болѣе склонялся къ послѣднему объясненію. Такимъ образомъ, мы опять встрѣ-

[1]) Въ виду того, что другіе древне-италійскіе языки (осскій и умбрскій) имѣютъ только окончаніе -*as* и таковое извѣстно также изъ архаической латыни, необходимо принять, что новообразованіе по аналогіи произошло уже на почвѣ обособившагося латинскаго языка.

чаемся здѣсь съ возможностью двоякаго объясненія формы: а) *фонетическаго* и б) посредствомъ *аналогіи*. Вопреки Шлейхеру, фонетическое объясненіе происхожденія разсматриваемой формы нельзя признать удовлетворительнымъ, такъ какъ противъ него говоритъ то важное обстоятельство, что такого окончанія съ носовымъ инфиксомъ не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ аріо-европейскихъ языковъ и даже въ литовскомъ языкѣ, т. е. ближайшемъ родичѣ славянскихъ, такъ что самъ Шлейхеръ долженъ былъ признать, что славянскія формы поэтому оказываются очень поздними. Между тѣмъ объясненіе посредствомъ аналогіи не встрѣчаетъ противорѣчій кромѣ развѣ того, что приходится допустить распространеніе по аналогіи формы несходнаго значенія и изъ другого числа; но для пропорціональной аналогіи и не требуется особой смысловой близости.[1]) Чтобы понять, какимъ образомъ G. sg. могъ получить окончаніе по аналогіи къ N. (Acc.) pl., нужно припомнить, что въ нѣкоторыхъ склоненіяхъ окончаніе G. sg.=N. Acc pl. (напр. дьнє, кости, окна). Привычка къ одинаковости окончанія въ этихъ падежахъ распространилась и на первое склоненіе такимъ образомъ, что каково было окончаніе въ N. pl., таково же стало и въ G. sg., т. е. -ꙑ (-ѧ). Но и въ И. мн. перваго склоненія окончаніе -ꙑ (-ѧ) вторично, оно перешло туда по аналогіи изъ В. мн., и можно думать, что распространеніе окончанія -ꙑ (-ѧ) на Р. ед. перваго склоненія слѣдовало за эпохою утвержденія этого окончанія въ Им. множ. того же склоненія. Можно указать и толчокъ къ указанной аналогіи. Дѣло въ томъ, что первичное окончаніе Р. ед. перваго склоненія должно было звучать въ славянскомъ, по устраненіи конечнаго согласнаго (*s*), въ видѣ *-ā*, т. е оно совпало съ

---

[1]) Это обстоятельство упустилъ изъ виду проф. Ильинскій въ своей критикѣ представленнаго объясненія аналогіей (см его Праслав. грамм. стр. 358).

формою И. ед.; такое совпаденіе было неудобно въ смысловомъ отношеніи, особенно въ случаяхъ, когда И. ед. существительныхъ ж. р. даннаго склоненія долженъ былъ получать дополненіе въ формѣ Р. ед. того же склоненія; дѣйствіе *аналогіи* явилось такимъ образомъ средствомъ *дифференціаціи* этихъ падежей. [1]) Сказаннымъ опредѣляется и эпоха дѣйствія аналогіи: послѣ исчезновенія въ праславянскомъ конечнаго s.

Примѣчаніе 1. Древняя форма Р. ед. на -*а* (изъ *-ās), какъ я думаю, уцѣлѣла въ *пережиткахъ* въ русской народной поэзіи (былинахъ и сказкахъ) послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ (преимущественно въ неопр. накл.), т. е. на мѣстѣ В. ед. современнаго языка. Примѣненіе формы Р. ед. въ этихъ случаяхъ вызывалось отчасти оттѣнкомъ частичности или партитивнымъ (напр. «живая молодовая вода достать», «силушка отвѣдати»), или же отрицаніемъ (напр. «Государю дума чтобы не продуматъ»), а частію зависимостью отъ супина, который въ эту эпоху праязыка славянскаго еще могъ имѣть управленіе именное, т. е. имѣлъ при себѣ Род. падежъ. Сохраненіе разсматриваемаго пережитка, но уже какъ бы въ смыслѣ Вин. падежа (или даже Именительнаго самостоятельнаго), могло поддерживаться пропорціональной аналогіей къ многочисленнымъ случаямъ сходства по формѣ В. ед. съ И. ед. въ нѣкоторыхъ склоненіяхъ (зубъ, кость, слово...).

Примѣчаніе 2. Въ древне-русскомъ языкѣ въ мягкой разновидности перваго склоненія въ формѣ Р. ед. (а также И. В. мн.) имѣлось окончаніе -*ѣ* [2]) (срв. троиц*ѣ*, пророчиц*ѣ*, мученииц*ѣ*; княгин*ѣ*; земл*ѣ*), которое обычно приводится въ родственную связь съ окончаніемъ -ѧ. Однако я считаю возможнымъ видѣть здѣсь отраженіе окончанія основъ на *-i̯ē-, именно *-ē-s, сопоставляя его съ литов. -ės (напр. žem-es, Р. ед. и И. В. мн. отъ žēm-ė «земля»). Возраженіе, что ае. *ē послѣ i̯(j) измѣнялось на слав. почвѣ въ *а*,

---

[1]) Срв. аналогичное явленіе въ словахъ муж. рода перваго склоненія въ греческомъ (напр. νεανία-ς), гдѣ одинаковость Род. ед. съ Им. ед., когда въ послѣднемъ падежѣ явилось -ς, была устранена чрезъ аналогію Род. падежа къ тому же падежу второго склоненія (νεανί-ου); но въ греческомъ аналогія не могла принять того направленія, какъ въ слав., такъ какъ въ греческомъ G. sg. и N. pl. во всѣхъ склоненіяхъ были несходны (напр. въ третьемъ склоненіи -ος : -ες).

[2]) Акад. Соболевскій считаетъ это окончаніе (-*ѣ*) древне-русскихъ памятниковъ исконною чертою, тогда какъ формы на -*я*, -*а* = цк.-сл. ѧ церковно-славянизмомъ (Лекціи[4], стр. 153).

и слѣдов. окончаніе *-ѣ* не могло дойти до русскаго языка въ первичномъ видѣ, а только въ видѣ *-а* (*-я*), всего проще устраняется допущеніемъ, что рядомъ съ общепризнаваемыми основами на *-i̯e- (срв. лат. ac-iē-s) существовали еще и основы на -ē- безъ предшествующаго i̯ (срв. лат. fid-ēs), которыя и послужили источникомъ распространенія даннаго окончанія на вышеприведенные типы словъ—пророчицѣ. (выведеніе окончанія *-ѣ* непосредственно отъ основъ на -i̯ē- требуетъ болѣе сложныхъ предположеній).[1]

Во второмъ склоненіи въ санскритѣ окончаніемъ является *-a-sya*, при чемъ въ этомъ окончаніи можно усмотрѣть вліяніе соотвѣтствующей формы мѣстоименнаго склоненія и думать, что áçv-asya появилось вмѣсто ожидаемаго +áçv-aya. Основаніе для предположенія первичнаго окончанія *-a-ya* (гдѣ первое *a* есть собственно тематическій гласный второго склоненія, абсорбированный окончаніемъ) даетъ соотвѣтствующая греческая форма, видѣть же въ элементѣ *-s-* (*-a-s-ya*) особенность мѣстоименнаго склоненія позволяетъ обычность этого элемента въ мѣстоименномъ склоненіи въ отличіе отъ соотвѣтствующаго именного.

Въ греческомъ языкѣ мы находимъ окончаніе *-ου* (ū) въ діалектахъ іоническо-аттическомъ и позднѣйшемъ дорическомъ. Въ древнѣйшемъ дорическомъ, лесбійскомъ и беотійскомъ разсматриваемая форма оканчивается на *-ω* (ō). Такъ какъ въ іоническо-аттическомъ ō (изъ ŏ+ŏ) измѣняется въ ū, а въ діалектахъ лесбійскомъ, беотійскомъ и древнѣйшемъ дорическомъ сохраняется, то это позволяетъ считать отмѣченныя различія падежнаго окончанія родственными между собою: -ū есть дальнѣйшее развитіе ō, вмѣстѣ съ которымъ восходитъ къ праязыковому *-ŏ-i̯ŏ.

У *Гомера* кромѣ обычнаго окончанія *-ου* (іонич., или же *-ω* на почвѣ эолич.) является еще *-οιο*, при чемъ частота употребленія того и другого почти одинаковая (1823 : 1787).

---

[1]) Изложенное мое возрѣніе, какъ я увидѣлъ изъ цитаты въ книгѣ Г. А. Ильинскаго (Праслав. грамм. 358), совпадаетъ со взглядомъ проф. Эндзелина, развитымъ въ Р. Ф. В. 1913, № 3, стр. 109—112.

Обычно эти окончанія роднятъ между собою, приводя въ связь то и другое съ скт. *-asya* и предполагая, слѣдовательно, прагреческое *-οσ̯ϳο. Но противъ такого пониманія говоритъ то, что на почвѣ древне-греческой VσϳV → VϳV (срв. *ἀλήθεια*← **ἀληθεσϳα*), т. е. въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ сохраненіе *ι* между гласными, а не исчезновеніе. Такимъ образомъ, мы можемъ вывести изъ *-οσϳο только окончаніе *-οιο*, но не *-ου* (resp. *-ω*); для этого послѣдняго удобно принять другое праязыковое окончаніе, именно *-ŏσ̆ŏ; значитъ: о-ϳо→ōᵘ→ū(*-ου*), *-о-σϳо→оhϳо→*οιο*, при чемъ первое изъ этихъ окончаній первоначально могло быть свойственно именному склоненію, а второе, какъ содержащее характерный мѣстоименный элементъ s,— мѣстоименному. [1])

Нужно еще отмѣтить, что въ *сѣверно-ѳессалійскомъ* нарѣчіи встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ падежѣ окончаніе *-οι*, являющееся, вѣроятно, результатомъ распространенія по аналогіи формы Мѣстн. ед. того же склоненія. Если мы примемъ во вниманіе семазіологическое соприкосновеніе Gen. и Loc. (срв. „крыша дома“ || „крыша на домѣ“) и одинаковость формы этихъ падежей въ двойств. числѣ, то намъ не можетъ казаться страннымъ этотъ случай аналогіи. [2])

Примѣчаніе. Семазіологическое соприкосновеніе Gen. и Loc. способствовало тому, что въ греческомъ древній оборотъ Locat. absol. замѣнился

---

[1]) Нѣкоторые окончаніе *-ου* (*-ω*) выводятъ изъ *-ŏ-sŏ или *-ĕ-sŏ, опираясь на данныя германскихъ языковъ: гот. *-i-s* и др-вхн. *-e-s* (напр. гот. wulf-i-s, др.-вхн. wolf-e-s≠греч. λύκ-ου «вόлка»)=*-ĕ-sŏ. Въ слав. языковой области *-sŏ встрѣчается только въ качествѣ мѣстоименнаго окончанія: ст.-сл. чє-со или чь-со (Р. ед. отъ чь-то). Срв. Hirt H. Handb. d. griech. Laut- und Formenlehre (1902) § 311.

[2]) Brugmann даетъ иное объясненіе: онъ думаетъ, что ѳессал. *-οι* получилось изъ *-οιο* и вѣроятно прежде всего въ членѣ передъ гласнымъ началомъ слова (*τοῖ'*), а затѣмъ получило уже общее употребленіе и тѣмъ легче, что чрезъ это достигался изосиллабизмъ съ другими падежами. См. его Grundriss d. vergl. Gramm. II 2[2] (1911) стр. 162.

черезъ *Genitivus absolutus* (при Gen. du.=Loc. du.). [1]) Этому должна была особенно способствовать утрата въ греческомъ безпредложнаго мѣстнаго падежа.

Латинское окончанiе Р. ед. второго склоненiя—ī. Фонетически его нельзя роднить съ разсмотрѣнными окончанiями санскрита и греческаго. Сходное окончанiе находимъ въ кельтской вѣтви, напр. галльское *Segomor-i*, Род. ед. отъ Segomar-os (вообще, въ морфологiи латинскаго и кельтскаго языковъ оказывается цѣлый рядъ общихъ образованiй, заставляющiй предполагать существованiе нѣкогда тѣснаго единенiя между этими языками); впрочемъ это сближенiе не устранило окончательно прежняго объясненiя посредствомъ аналогiи, высказаннаго еще Боппомъ, полагавшимъ, что Род. ед. какъ второго склоненiя, такъ и перваго, въ латинскомъ отражаетъ древнiй мѣстный падежъ (Locativus); срв. пережитки послѣдняго въ названiяхъ городовъ—Corinthī (въ Коринѳѣ) и т. п., аналогичные пережиткамъ—кыѥвѣ и т. п. нашей начальной лѣтописи.

Относительно славянскаго окончанiя -а въ Gen. sing. существуетъ различiе въ воззрѣнiяхъ и, какъ можно напередъ догадаться, имѣетъ мѣсто толкованiе а) *фонетическое* и б) *морфологическое*.

а) Окончанiе -а пытаются возвести въ *-ojo, предполагая исчезновенiе междугласнаго į (j) и стяженiе двухъ краткихъ *о* въ одно долгое, которое потомъ измѣнилось въ *а*, т. е. подобно первичному долгому *о* (срв. δω=да- и пр.); но въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что междугласное į исчезло еще въ общеславянскiя или даже литвославянскiя времена, а между тѣмъ такого допущенiя сдѣлать не можемъ, такъ какъ исчезновенiе į между гласными есть явленiе не только не

---

[1]) Случаи употребленiя Gen. absol. изрѣдка попадаются въ позднѣйшемъ санскритѣ при обычномъ Locat. absol. и къ нимъ вполнѣ примѣнимо наше объясненiе.

литво-славянское, но и въ славянской языковой области частное, діалектическое, а не проходящее по всѣмъ славянскимъ языкамъ (срв. дѣлаѥши и т. п.). Поэтому мы не можемъ остановиться на фонетическомъ объясненіи, предполагающемъ, что *-oi̯o→*ō→a. [1])

б) Въ окончаніи -a видятъ окончаніе другого падежа того же склоненія (внутренняя аналогія), именно Ablativ'a, т. е. отдалительнаго или исходнаго, при чемъ *-ōd на славянской почвѣ дало -a такимъ путемъ, что ō→a, а конечное d отпало; [2]) распространеніе по аналогіи произошло благодаря совпаденію формъ для этихъ падежей въ первомъ и третьемъ склоненіи; это объясненіе происхожденія славянскаго окончанія не встрѣчаетъ для своего принятія какихъ-либо затрудненій. Понятно, что, не смотря на уменьшеніе падежныхъ формъ (но не падежныхъ значеній), число падежей въ славянскихъ языкахъ не убавилось. Хотя въ школьныхъ грамматикахъ отдалительный или исходный падежъ (Ablativus) въ русскомъ синтаксисѣ не упоминается, однако этотъ падежъ (обыкновенно въ соединеніи съ предлогами *изъ* и *отъ*) существуетъ, срв. выраженія: „я иду о т ъ д о м а“ (Abl.) и „крыша д о м а“ (Gen.). Упадка падежей, какъ смысловыхъ различій, нѣтъ также ни во французскомъ языкѣ,

---

[1]) Защиту происхожденія слав. -a и соотвѣтствующаго литовскаго окончанія -o въ Р. ед. изъ ae. *-ōi̯ō см. въ сочиненіи проф. Б. М. Л я п у н о в а «Формы склоненія въ старослав. яз.» (1905) стр. 6—10; авторъ сочиненія слѣдуетъ преимущественно воззрѣніямъ покойнаго акад. Ф. Ѳ. Фортунатова. Я бы считалъ возможнымъ допустить *-oi̯o для литов. и *ōd для слав.

[2]) Исчезновеніе конечныхъ мгновенныхъ d и t нѣкоторые изслѣдователи совершенно произвольно относятъ въ эпоху балтійско-славянскую (одного согласія въ отраженіи не достаточно для такого рода гипотезъ), тогда какъ оно произошло особо на почвѣ славянской и балтійской: только при этомъ допущеніи станетъ для насъ понятною разница въ окончаніи 1 ед. и 3 мн. аориста простого въ ст.-сл., т. е. нд-ъ (-ъ=ae. *-ŏm) ‖ нд-ѫ (-ѫ=ae. *-ŏnt).

ни въ англійскомъ, а только уменьшеніе или упадокъ формъ, вознаграждаемый тамъ препозиціонной флексіей. Подобнымъ образомъ и въ греч. синтаксисѣ ошибочно объединяютъ подъ одной рубрикой „Genitivus“ такіе случаи, какъ *ζυγὸν τοῦ ἵππου* (Gen.) и *ἀπὸ τοῦ ἵππου* (Abl.). Нужно однако отмѣтить ту *разницу между* с л а в. и г р е ч. относительно второго склоненія, что между тѣмъ какъ въ славянской языковой области форма Abl. sg. распространилась на мѣсто формы Gen. sg., въ греч.—наоборотъ—форма Gen. sg. распространилась на форму Abl. sg.

Въ третьемъ склоненіи въ древнемъ л а т и н с к о м ъ языкѣ встрѣчается окончаніе въ двухъ разновидностяхъ, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ *греческому* окончанію, а другая *славянскому*, срв. *VENERVS* (съ измѣненіемъ *ŏ* въ сторону *u* въ конечномъ закрытомъ слогѣ)⩧греч. *-ος* и *APOLONES*⩧ст.-сл. -є. Въ классической латыни окончаніемъ Р. ед. третьяго склоненія служитъ *-is*, соотвѣтствующее первоначальному *-ĕs. Въ с т.-с л. -є отражается также первоначальное окончаніе *-ĕs, конечное s котораго исчезло въ эпоху устраненія конечныхъ согласныхъ, напр. камен-є; окончанія же, которое соотвѣтствовало бы разновидности *-ŏs, славянскій не знаетъ. С а н с к р и т с к о е *-aḥ* можетъ фонетически соотвѣтствовать какъ той, такъ и другой разновидности первоначальнаго окончанія, такъ какъ въ арійскихъ языкахъ *ĕ и *ŏ совпали въ закрытыхъ слогахъ въ одномъ гласномъ *a*.

По-видимому, окончаніе *-ĕs вошло въ составъ уже разсмотрѣннаго нами окончанія перваго склоненія, слившись съ тематическимъ гласнымъ: *-ā ĕs (можетъ быть *-ā-ᵉs)→*-ā s, а затѣмъ, вслѣдствіе переразложенія, -s съ предъидущимъ гласнымъ ā составило окончаніе *-ās. При такомъ толкованіи формы Р. ед. перваго склоненія становится болѣе понят-

нымъ отличіе по *ударенію* Р. ед. отъ И. ед. въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе падало на тематическій гласный, напр. ἀλφή || ἀλφῆς (при предположеніи слитія, таковое должно быть относимо ко временамъ до-греческимъ, т. е. въ эпоху аріоевропейскаго праязыка), литов. algà || algõs, а кромѣ того—различіе окончаній перваго и третьяго склоненій при такомъ воззрѣніи возводится къ единству. [1])

Dativus singularis.

Основной смыслъ дательнаго падежа—обозначать лицо или предметъ, для которыхъ совершается дѣйствіе, при чемъ можно замѣтить, что въ санскритѣ, какъ и въ латинскомъ, этотъ падежъ не соединяется съ предлогами. Разновидностью этого смысла является мѣстное значеніе: Дат. падежъ обозначаетъ мѣсто, къ которому направляется дѣйствіе. Такимъ образомъ, разсматриваемый падежъ соприкасается по своему значенію съ мѣстнымъ падежомъ (Locat.), который показываетъ мѣсто на которомъ или время когда совершается дѣйствіе; разницу между этими падежами можно опредѣлить такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ является падежомъ положенія (Loc.), а другой—падежомъ движенія къ ч.-л. (Dat.). Вслѣдствіе смыслового соприкосновенія этихъ падежей происходитъ нерѣдкое распространеніе по аналогіи формы съ одного падежа на другой. Какъ увидимъ, т. наз. славянскій «Дательный самостоятельный» возможно объяснить какъ первоначальный Locativus absolutus, подобно тому какъ выше мы допустили въ греч. развитіе Gen. absol. тоже на мѣсто первичнаго Мѣстнаго самостоятельнаго, къ которому наиболѣе подходитъ эта функція. Въ аналитическихъ языкахъ мы встрѣчаемъ нерѣдкіе случаи одинаковаго обозначенія для Dat. и Loc., напр. во франц.: dites-le *à* votre frère «скажите это вашему брату» (Dat.) || demeurer *à* la ville «жить въ городѣ», le chapeau *à* la main «съ шляпою въ рукѣ».

---

[1]) Впрочемъ нѣкоторые ученые предпочитаютъ праязыковое окончаніе *-ās перваго склоненія выводить изъ двухслогового *-ā́-so, при чемъ переходъ послѣдняго въ односложное *-ās обусловилъ по ихъ мнѣнію интонацію циркумфлекса. См. Brugm. Grundr. d. vergl. Gramm. II, 2 (1911)[2], стр. 152.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	áçv-āyāi↑	χώρ-ᾳ	equ-ae	жен-ѣ вол-и	*-āĩ
II	áçv āya	ἵππ-ῳ	equ ō	раб-оу↑	*-ōĩ
III	vāc-ḗ	= Loc. ! ἴδμεναι	vōc-ī	камен-и	*·ăí

Въ **первомъ** склоненіи санскритское окончаніе *-āyāi* своими послѣдними звуками (-āi) родственно греческому окончанію *-ᾳ* (а также окончанію -ai въ гот. и литов., срв. гот. giƀ-ai „дару", лит. merg-ai „дѣвушкѣ"), начальные же звуки -āy- присоединились въ индоиранское (арійское) время, перейдя сюда изъ Мѣстн. ед. при вліяніи со стороны склоненія основъ на -ī- того же рода (срв. выше о Род. ед., стр. 94), именно:

dēv-yām : sēn-āyām=dēv-yāi : *x*
x=sen-āyāi.

Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ соединенное дѣйствіе „внутренней" и „внѣшней" аналогіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще и моментъ *гармоничности*, состоящій въ сходномъ направленіи аналогіи въ извѣстномъ типѣ склоненія въ сферѣ нѣсколькихъ падежей (G. sg., D. sg.).

Въ греч. языкѣ окончаніе *-ᾳ* является отраженіемъ первичнаго окончанія *·*āi*. Первоначально это былъ дифтонгъ съ первымъ долгимъ компонентомъ, позднѣе онъ измѣнился въ монофтонгъ *α* (въ аттическомъ къ началу I в. до Р. Х.; въ случаѣ же другой разновидности этого окончанія *-ῃ* получился значительно ранѣе того монофтонгъ ē, далѣе измѣнившійся въ ī). Удареніе въ изучаемой формѣ, если оно при-

ходится на окончанiи, то является непремѣнно въ видѣ *циркумфлекса,* напр. θεᾷ, τιμῇ; отсюда такой же типъ интонацiи предполагается и для соотвѣтствующаго окончанiя въ арiо-европ. праязыкѣ. [1])

Латинское окончанiе Д. ед. *-ae* (equ-ae и т. п.) объясняется какъ результатъ фонетическаго сокращенiя изъ *-āi, въ согласiи съ другими италiйскими языками (срв. оск. deívāí „divae", умбр. tut-e или tot-e изъ *tout-ai „государству"); что же касается встрѣчающагося въ надписяхъ окончанiя *-ā* (напр. MATVTA и нѣк. др. примѣры, которые всѣ восходятъ приблизительно къ шестому столѣтiю отъ основанiя Рима), то полагаютъ, что это окончанiе получилось также изъ *-āi, но въ абсолютномъ концѣ слова (т. е. въ паузѣ и въ концѣ предложенiя), черезъ потерю второго компонента, тогда какъ *-ae* возникло въ тѣхъ случаяхъ, когда далѣе слѣдовало слово, начинавшееся согласнымъ [2]) и тѣсно примыкавшее къ предшествующему, а затѣмъ окончанiе *-ae* вытѣснило собою -ā. [3])

Старо-славянскiй представляетъ окончанiе -ѣ въ твердой и -и въ мягкой разновидности въ Д. ед. перваго

---

[1]) Въ литовскомъ языкѣ та особенность, что формы Д. ед. во всѣхъ склоненiяхъ имѣютъ ударенiе на основѣ (напр. mérgai «дѣвушкѣ», при И. ед. mergà и Род. mergõs; въ виду этого за указанiемъ интонацiи окончанiя обращаемся къ односложнымъ мѣстоименнымъ формамъ (напр. taĩ «той»), указывающимъ въ согласiи съ греческимъ на интонацiю *циркумфлекса.*

[2]) О положенiи передъ гласнымъ при этомъ объясненiи почему-то умалчиваютъ.

[3]) Замѣтимъ, что окончанiе *-ae* допускаетъ и объясненiе аналогiей къ Loc. sg., когда послѣднiй еще имѣлъ это окончанiе, при чемъ поводомъ къ аналогiи могла служить пропорцiональность, именно одинаковость этихъ падежей во мн. ч., а кромѣ того Dat. и Loc. стоятъ въ довольно близкомъ смысловомъ соотношенiи другъ къ другу, а именно: *Locat.* выражаетъ нахожденiе гдѣ-ниб. (оттѣнокъ статическiй), а *Dat.* — движенiе къ какому нибудь пункту (оттѣнокъ динамическiй).

склоненія. Тутъ можно видѣть фонетическое отраженіе праязыкового дифтонгическаго окончанія -āi, которое въ славянскомъ праязыкѣ, по сокращеніи своемъ въ *-ŏi (при чемъ совпало съ рефлексомъ первоначальныхъ аріо-европейскихъ краткихъ дифтонговъ *ŏi и *ăi), дало затѣмъ -ē (ѣ) въ твердой разновидности склоненія; въ мягкомъ склоненіи это *-ŏi измѣнилось въ *-ĕi, откуда затѣмъ *-ī (ст.-сл. -и). Въ пользу допущенія, что -ѣ получилось изъ сократившагося окончанія, можно сослаться на литовскій, гдѣ въ окончаніи того же падежа видимъ дифтонгъ -ai (напр. merg̃ai), первый компонентъ котораго, т. е. гласный *a*, является въ литовскомъ эквивалентнымъ съ рефлексомъ первоначальныхъ аріо-европейскихъ краткихъ гласныхъ *ŏ и *ă. Предположеніе о связи славянскаго отраженія разсматриваемаго окончанія въ видѣ -ѣ съ интонаціей циркумфлекса (тогда какъ *-ŏi при интонаціи акута давало -и, напр. въ И. мн. второго склоненія — влъци), встрѣчаетъ нѣкоторые противорѣчащіе факты, пока не устраненные, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи. Существуетъ еще объясненіе слав. -ѣ || -и въ Д. ед. перваго склоненія *аналогіей* къ формѣ Loc. sg. того же склоненія, имѣвшей будто бы въ своемъ окончаніи, т. е. дифтонгѣ *-ai, первый компонентъ краткій, но это объясненіе пока еще не дало убѣдительнаго доказательства въ пользу такой краткости праязыкового дифтонга -ai въ Loc. sg.

Для ae. праязыка мы предполагаемъ окончаніе *-āi изъ слитія *-ā-ăi (въ чемъ убѣдимся изъ дальнѣйшаго), съ праязыковой интонаціей циркумфлекса, указаніе на которую находимъ въ греческомъ языкѣ и отчасти литовскомъ.

Во **второмъ** склоненіи въ санскритѣ именнымъ окончаніемъ разсматриваемаго падежа служитъ *-āya*, соотвѣтствующая же форма мѣстоименнаго склоненія оканчивается на *-ai* (напр. tá-sm-āi „тому", гдѣ *sm* составляетъ характерный призвукъ мѣстоименной флексіи = авест. tahmāi). По

сравненію съ другими аріо-европейскими языками, а также съ соотвѣтствующимъ мѣстоименнымъ окончаніемъ въ самомъ санскритѣ, санскритское окончаніе -āya представляетъ лишній звукъ въ концѣ, именно — *a*. Вполнѣ вѣроятнымъ представляется, что оба санскритскія окончанія -*āya* и *āi* имѣютъ общее происхожденіе, только первое получило распространеніе черезъ -*a* (вслѣдствіе чего второй компонентъ дифтонгическаго окончанія *āi*, т. е. i, консонантизовался и въ отношеніи слогового состава отошелъ къ прибавившемуся гласному); дѣйствительно, въ другомъ индо-иранскомъ языкѣ — въ языкѣ авесты — нѣтъ этого распространенія окончанія, тамъ и въ именномъ склоненіи падежъ оканчивается на -āi (напр. авест. aspāi = скт. áçvāya), что̀ и подтверждаетъ окончательно правильность сдѣланнаго предположенія о первоначальномъ видѣ соотвѣтствующаго санскритскаго именного окончанія.

Греческій языкъ представляетъ въ Д. ед. второго склоненія дифтонгическое окончаніе -ῳ = ōi (являющееся ударенным и неударенным, а въ слоговомъ отношеніи соединяющееся съ послѣднимъ согласнымъ основы въ одинъ слогъ), въ которомъ потеря второго компонента совершилась къ первому дохристіанскому столѣтію, что̀ обнаруживается въ надписяхъ нерѣдкимъ пропускомъ іоты. Мы должны отмѣтить особенность нѣкоторыхъ греческихъ діалектовъ, въ которыхъ форма Дат. ед. имѣетъ окончаніе -οι, именно въ тѣхъ, гдѣ Loc. sg. сохранилъ древнее окончаніе -οι: въ сѣверно-греческомъ (Акарнанія, Дельфы), беотійскомъ и въ Пелопоннесѣ (въ аркадскомъ и новоэлійскомъ). Въ окончаніи Д. ед. -οι естественно видѣть распространеніе окончанія Мѣстнаго ед., подобно тому какъ въ другихъ нарѣчіяхъ распространилась, наоборотъ, форма Д. ед. на падежъ Мѣстный (ἐν τῷ ἀνθρώπῳ и т. п.); параллельно этому въ тѣхъ же нарѣчіяхъ наблюдается такое же соотношеніе между Дат. и Мѣстн. ед. и въ первомъ склоненіи. Такимъ образомъ, въ нарѣчіяхъ древне-

греческаго языка мы наблюдаемъ въ однихъ—распространеніе по аналогіи формы Д. ед. на форму Мѣстн. ед. того же числа, въ другихъ же—наоборотъ.

Латинское окончаніе -ō произошло, подобно греческому, изъ *ōi, но уже въ древнѣйшихъ надписяхъ (т. е. съ половины III в. до Р. Х.) мы застаемъ монофтонгъ (значитъ, въ латинскомъ языкѣ измѣненіе первоначальнаго дифтонга *ōi въ монофтонгъ совершилось ранѣе по сравненію съ аттическимъ и дорическимъ діалектами греческаго языка). Что касается слѣдовъ окончанія *-ōi въ видѣ дифтонга, то о такомъ окончаніи упоминаетъ Марій Викторинъ (ораторъ и грамматикъ второй половины IV в. по Р. Х.), который встрѣчалъ его въ древнихъ текстахъ договоровъ и законовъ; онъ приводитъ даже примѣръ съ такимъ окончаніемъ—*populoi Romanoi.* [1]) Подобно окончаніямъ санскритскому и греческому, латинское окончаніе первоначально могло быть ударяемымъ и неударяемымъ, но со времени возникновенія закона неударяемости конечнаго слога словъ неодносложныхъ оно стало только неударяемымъ.

Особо отъ разсмотрѣнныхъ окончаній стоитъ слав. -оү. Были попытки возвести это окончаніе къ ае. *-ōi, но ихъ нельзя считать удачными, потому что они опираются не на общіе звуковые законы, свойственные славянской вѣтви, но на такія фонетическія измѣненія, которыя предположены спеціально для данной формы (объясненіе *ad hoc*); такъ, славянскіе языки представляютъ какъ обычное измѣненіе *ō→а, но совершенно не знаютъ измѣненія *ō→оү, а между тѣмъ для даннаго случая такое измѣненіе допускается. Отказываясь при такомъ положеніи дѣла отъ *фонетическаго* сближенія славян-

---

[1]) Обыкновенно видятъ въ окончаніи -ō (подобно эпиграфическому окончанію -ā въ первомъ склоненіи) разновидность, получавшуюся въ абсолютномъ концѣ (паузѣ), а затѣмъ распространившуюся путемъ аналогіи на мѣсто дифтонгической разновидности (см. выше стр. 105).

скаго -оү съ ае. *-ōi и соотвѣтственными рефлексами этого праязыкового окончанія въ другихъ языкахъ (т. е. скт. -āi, греч. -ῳ и лат. -ō), посмотримъ, насколько состоятельно объясненіе славянскаго окончанія помощію *аналогіи* При морфологическомъ объясненіи окончанія -оү допускаемъ, что оно возникло въ типѣ склоненія основъ на -ŭ-, т. е. въ такихъ словахъ какъ сынъ, въ которыхъ впрочемъ окончаніе Дат. ед. двоякое: -ови и -оү. Первое изъ этихъ окончаній соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію Д. ед. тѣхъ же основъ -avē, а второе, представляющее уже особенность славянской вѣтви отличную отъ санскрита, вѣроятно перешло въ Дат. падежъ изъ Мѣстнаго (чему благопріятствовала смысловая близость этихъ падежей, а также ихъ одинаковость въ склоненіи основъ на -ĭ- того же рода, представлявшемъ значительный параллелизмъ со склоненіемъ основъ на -ŭ-), гдѣ оно соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію Loc. sg. -āu, т. е.: сынови=sūnávе, сыноү=sūnáu. Изъ склоненія типа сынъ окончаніе -оү перешло въ соотвѣтствующій падежъ второго склоненія (сторонняя аналогія), вытѣснивъ первичное окончаніе, видъ котораго однако мы ближе не опредѣляемъ за отсутствіемъ данныхъ. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ приведенному морфологическому объясненію славянскаго окончанія -оү въ Д. ед. второго склоненія служитъ то, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ распространялось изъ склоненія типа сынъ во второе склоненіе и другое окончаніе Дат. падежа -ови, напр. въ польскомъ, гдѣ -owi и -u одинаково часты и даже первое окончаніе расширяется въ своемъ употребленіи. [1]) Что

---

[1]) Можетъ возникнуть вопросъ, не является ли принятіе морфологическаго объясненія (а не фонетическаго) результатомъ просто личной склонности; на это замѣтимъ, что *процессы аналогіи* въ языкѣ являются тоже *закономѣрными*, какъ и процессы фонетическіе; эта закономѣрность обнаруживается въ томъ, что образованія по аналогіи въ каждомъ языкѣ обычно выдерживаютъ опредѣленное, характерное для даннаго языка, на-

касается эпохи предположеннаго нами морфологическаго процесса, то она могла наступить послѣ того, какъ уже явились общіе падежи въ томъ и другомъ склоненіи, именно—Nom. и Acc. sg. и, слѣдов., послѣ эпохи устраненія конечныхъ согласныхъ *s* и *m* въ положеніи послѣ й. [1])

Для аріо-европейскаго праязыка предполагается во второмъ склоненіи окончаніе Д. ед. *-ōi (изъ *-ŏ ăi), съ интонаціей циркумфлекса, обнаруживающейся изъ греческаго (срв. θεῷ „богу").

Въ третьемъ склоненіи санскритъ имѣетъ окончаніе Д. ед. -ē (являющееся какъ ударяемымъ, такъ и неударяемымъ, при томъ общемъ правилѣ ударенія въ этомъ склоненіи, что удареніе переходитъ на окончаніе въ слабыхъ падежахъ словъ односложныхъ и нѣкоторыхъ неодносложныхъ; въ слоговомъ отношеніи съ этимъ гласнымъ окончаніемъ соединяется въ одинъ слогъ послѣдній согласный основы); съ точки зрѣнія происхожденія, оно восходитъ къ первоначальному дифтонгу *-ăi, подтвержденіе чему представляетъ, какъ увидимъ, греческій языкъ.

Обычнымъ окончаніемъ Д. ед. третьяго склоненія въ греческомъ является -ι, перешедшее сюда изъ формы Мѣстн. ед. того же склоненія; первичное же окончаніе, соотвѣтствующее санскритскому -ē, сохраняется въ видѣ пережитка въ нѣкоторыхъ образованіяхъ неопред. накл., бывшаго первона-

---

правленіе; такъ, по отношенію къ разсматриваемому случаю мы видимъ на цѣломъ рядѣ другихъ падежей взаимное вліяніе склоненія основъ на -й- и второго, срв. въ русскомъ окончаніе -у ‖ -а въ Р. ед., -у ‖ -ѣ въ Мѣстн. ед., стар. И. мн. -ове, -овъ ‖ -ъ (рѣдко) въ Р. мн. Поэтому, желая поставить на научную почву изученіе явленій аналогіи, необходимо стараться опредѣлить для каждаго языка тѣ направленія аналогіи, которымъ онъ слѣдуетъ, и уже съ точки зрѣнія этихъ обобщеній оцѣнивать частныя попытки примѣненія объясненія аналогіей.

[1]) Срв. также Эндзелинъ И. Славяно-балтійскіе этюды (1911) стр. 158—162.

чально отглагольнымъ существительнымъ, напр. эпич. *ἴδ-μεν-αι*=скт. vid-mán-ē, кипр. *δο-Ϝεν-αι* (атт. *δοῦναι*)=скт. dā-ván-ē, а также въ нѣкоторыхъ частицахъ, напр. *παρ-αί* „подлѣ“; своимъ удареніемъ эти формы указываютъ на *акутированную интонацію* соотвѣтствующаго праязыкового ae. дифтонгическаго окончанія.

Латинскій языкъ представляетъ окончаніе -ī, о которомъ нельзя съ рѣшительностью утверждать, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому. Необходимо имѣть въ виду, что въ латинскомъ языкѣ склоненіе согласныхъ основъ подверглось вліянію со стороны основъ на -ĭ-; можетъ быть и въ данной формѣ имѣется распространеніе окончанія со стороны этого послѣдняго типа словъ (напр. ovī).

Относительно ст.-слав. окончанія -и, подобно таковому же латинскому окончанію, не имѣемъ достаточно данныхъ чтобы навѣрное сказать, соотвѣтствуетъ ли оно санскритскому окончанію согласнаго склоненія, или же перешло изъ склоненія основъ на -ĭ- (т. е. пѫть, ꙁѧть, кость и т. п.).

Примѣчаніе. И такъ, въ славянской вѣтви въ большей части склоненій Loc. sg. одинаковъ по формѣ съ Dat. sg. (напр. рѫцѣ, кости и пр.). Но между тѣмъ какъ Dat. широко примѣнялся въ безпредложномъ употребленіи, Loc. безъ предлога уже почти вышелъ изъ употребленія, особенно для обозначенія времени. Въ зависимости отъ этого древній безпредложный оборотъ Locat. absolutus долженъ былъ уступить свое мѣсто падежу съ безпредложнымъ употребленіемъ, т. е. дательному (который могъ примѣняться для тѣхъ же цѣлей въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядомъ съ мѣстнымъ), и такимъ образомъ на почвѣ славянской получилъ исключительное господство *Dat. absolutus*, какъ и въ литовско-латышскомъ, [1]) а также готскомъ. Соотвѣтственно новому чутью оборота, во второмъ склоненіи, гдѣ Dat. и Loc. sg. различались по формѣ, стала примѣняться въ этомъ оборотѣ уже форма Дат., а не Мѣстн. падежа, а также и во множ. числѣ (напр. дверьмъ ꙁатворенамъ—*Остр.* Io. XX 19).

---

[1]) Въ литовскихъ говорахъ можно встрѣтить и случаи первоначальнаго оборота, т. е. Loc. absol., напр. *туокии бъяурии* «въ столь ненастную погоду» и т. п., см. К. Гуковскій Описаніе Россіенскаго уѣзда, Ковна (1893),—въ статьѣ *Кс. К. Явниса* «Діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ» стр. 37.

Въ заключеніе разсмотрѣнія формъ Дат. ед. сопоставимъ предположенныя для аріо-европейскаго праязыка окончанія всѣхъ трехъ склоненій (*-āį, *-ōį и *-ăį) и посмотримъ, нельзя ли различіе окончаній свести въ этомъ случаѣ къ первичному единству. Если примемъ за основное окончаніе то, которое было предположено для третьяго склоненія, и допустимъ въ обоихъ гласныхъ склоненіяхъ слитіе тематическаго гласнаго съ этимъ окончаніемъ (т. е. *-āi←*-ā + ăi, *-ōi←*-ō + ăi), то дѣйствительно будемъ имѣть случай, подтверждающій уже раньше высказанное предположеніе, что аріо-европейскій праязыкъ, по-видимому, проходилъ въ своемъ развитіи однообразность флексіи, подобно языкамъ урало-алтайскимъ и семитскимъ.

Ablativus singularis.

Основнымъ смысломъ Ablativ'a (т. е. падежа отдалительнаго или исходнаго) является указаніе предмета, въ сторону отъ котораго совершается движеніе или дѣйствіе. Въ нѣкоторыхъ языкахъ нашего семейства этотъ падежъ встрѣчается въ безпредложномъ употребленіи, но чаще наблюдается соединеніе формы съ предлогомъ исходнаго значенія (напр. въ русскомъ *отъ*, *изъ*). Утрата же въ языкѣ безпредложнаго употребленія той или другой формы, какъ мы уже видѣли (ср. стр. 111), является факторомъ, могущимъ вести къ перемѣнѣ чутья формы.—Въ ближайшемъ семазіологическомъ соприкосновеніи Исход. падежъ находится съ Родит., при томъ различіи, что Родит. есть падежъ положенія, а Исход.—падежъ движенія. Близость того и другого смыслового оттѣнка можно видѣть на цѣломъ рядѣ случаевъ употребленія формы Родит. падежа; ср. напр. «ножка *стола*»: это выраженіе можетъ пониматься не только въ смыслѣ ближайшаго опредѣленія представленія «ножка» съ оттѣнкомъ пребыванія части въ цѣломъ, но и въ смыслѣ отдѣленія, когда это выраженіе=«ножка *отъ* стола» (срв. также Родит. раздѣлительный). Наглядное и убѣдительное подтвержденіе семазіологическаго соприкосновенія падежей Gen. и Abl. даютъ факты новыхъ языковъ, особенно романскихъ. Такъ напр. во французскомъ вновь сложившаяся форма Родит. падежа служитъ и для обозначенія исходнаго падежа, срв. la magnificence *de la ville* «великолѣпіе города» (Gen.) ‖ partir *de la ville* «выѣхать изъ города» (Abl.) и т. п., при чемъ препозиціонный элементъ флексіи въ томъ и другомъ случаѣ восходитъ къ лат. предлогу *de*. Такого одинаковаго обозначенія не явилось бы, если бы эти падежи не чувствовались близкими по смыслу. Совершенно аналогичнымъ образомъ имѣемъ одинаковость обозначенія для Дат.

и Мѣстн. падежей, напр. donner de l'eau *à la ville* «дать городу воды» въ смыслѣ «снабдить городъ водою» (Dat.), être *à la ville* «быть въ городѣ» (Locat.), гдѣ въ обоихъ случаяхъ показатель падежа *à* восходитъ къ латинскому предлогу *ad*. Наконецъ, уже простого взгляда на слѣдующую далѣе таблицу достаточно, чтобы видѣть, что въ аріо-европейскихъ языкахъ большею частію Gen. и Abl sg. имѣютъ одну и ту же форму.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	=Gen.	=Gen.	equ-ā (древ. -ād)	=Gen.↑	=Gen.
II	áçv-āt	=Gen. (↑)	equ-ō (древ. -ōd)	раб-а	*-ōd
III	=Gen.	=Gen.	vōc-ĕ↑ (древ. marīd, airīd↑)	=Gen.	=Gen.

Прежде чѣмъ разсматривать окончанія даннаго падежа по принятому нами плану, замѣтимъ предварительно, что въ нѣкоторыхъ языкахъ Abl sing. имѣетъ одинаковую форму съ Gen sing. или во всѣхъ склоненіяхъ (греч. и слав.), или же только въ первомъ и третьемъ, а во второмъ особую форму (скт.), или наконецъ оказываются различныя формы для того и другого падежа по всѣмъ склоненіямъ (латин. и языкъ Авесты). Перейдемъ къ болѣе частному обзору окончаній.

Въ **первомъ** склоненіи въ санскритѣ Abl. sg.=Gen. sg., т. е. форма Родит. ед. примѣнялась и въ смыслѣ падежа Исходнаго.

Въ греческомъ языкѣ Abl sing.=Gen. sing. Не смотря на одинаковость формы, оба падежныхъ смысла сохранили свое различіе, при чемъ Abl. обычно выражается данною падежною формою въ сочетаніи съ соотвѣтствующимъ предлогомъ, напр.: *ἡ πόλις τῆς χώρας* „городъ *страны*"—Genit.

sing., *φεύγω ἐκ τῆς χώρας* „я изгнанъ *изъ страны*" —Ablat. sing.; авторы элементарныхъ грамматикъ въ отдѣлѣ синтаксиса оба падежныхъ смысла неправильно зачисляютъ въ рубрику одного и того же (Род.) падежа, не смотря на внѣшнее формальное отличіе ихъ; они упускаютъ изъ виду, что предлогъ долженъ считаться такою же отличительною принадлежностью падежной формы, какъ и окончаніе послѣдней.

Въ латинскомъ языкѣ Abl. sing. оканчивается въ классическомъ языкѣ на *-ā*, при чемъ съ конца исчезло *d*, какъ видно изъ древнихъ надписей, гдѣ встрѣчаемъ окончаніе *-ād*, напр. sententiād, откуда позднѣйшее sententiā. Замѣтимъ, что здѣсь -ā въ классической латыни сохраняетъ свою долготу, тогда какъ въ И. ед. сократилось. Разница въ условіяхъ та, что въ Nom. sg. *-a* съ самаго начала заканчивало слово, тогда какъ въ Abl. sg. оно имѣло за собой звонкій согласный *d*, затѣмъ исчезнувшій, послѣ чего -ā хотя и оказалось въ концѣ слова, но уже не сократилось. Очевидно, сокращеніе первичнаго конечнаго *-ā* въ Nom. sg. произошло до исчезновенія конечнаго *d* въ Abl. sg., ибо при обратномъ допущеніи конечное -ā второго случая совпало бы послѣ исчезновенія *d* съ первичнымъ конечнымъ -ā перваго случая и вмѣстѣ съ нимъ подверглось бы сокращенію, чего однако нѣтъ. [1])

Въ старо-слав Abl. sg.=Gen. sg.

---

[1]) Справка съ данными исторіи латинскаго языка показываетъ, что процессъ сокращенія -ā въ N. sg. (mensā—>mensă) завершился въ первой половинѣ второго вѣка до Р. Х.: у Плавта, ум. 184 г. до Р. Х., краткость встрѣчается рядомъ съ долготою, а у Теренція, ум. 159 г. до Р. Х., этотъ звукъ уже повсюду краткокъ. Приблизительно къ тому же времени относится и измѣненіе въ Abl. sg. -ād—>-ā (mensād—>mensā). Мы видимъ, что потеря долготы конечнымъ -ā возмѣстилась въ языкѣ появленіемъ новаго слоя -ā (изъ -ād).

Во **второмъ** склоненіи Abl. sing. въ санскритѣ имѣетъ окончаніе отличное отъ Gen. sg., именно *-āt* изъ ād (о послѣднемъ заключаемъ по архаическому латинскому окончанію, а звонкіе согласные въ санскритѣ измѣняются въ глухіе въ абсолютномъ концѣ слова). [1])

Въ греческомъ Abl.=Gen. Полагаютъ, что въ частицѣ *οὕτω* „такъ“ сохранилась, какъ пережитокъ, прежняя Ablativ'ная форма, въ которой *-ōd→-*ω* (иногда эта частица встрѣчается въ видѣ *οὕτως*, т. е. съ *ς* на концѣ, по типу другихъ частицъ; такое -*ως*, съ *интонаціей циркумфлекса*, стало въ греческомъ окончаніемъ всѣхъ нарѣчій отъ прилагательныхъ, напр. *κούφως* „легко“, *σαφῶς* „ясно“). Въ остальныхъ случаяхъ, т. е. помимо указываемыхъ пережитковъ, получилось сходство Abl. sg. и Gen. sg. такимъ образомъ, что *форма Род. ед. распространилась на Исходный падежъ* (напр. *ἀπὸ τοῦ ἵππου*).

Въ латинскомъ -ō изъ древняго -ōd, сохранившагося въ надписяхъ (напр. meritod, Gnaivod). [2])

Старо-славянскій представляетъ образованіе, родственное съ скт. и лат., при чемъ *о* еще въ праславянское время измѣнилось въ *а*, а конечный согласный исчезъ. *Форма Исходнаго ед. второго скл*, какъ мы уже указывали (стр. 101), *распространилась въ славянской вѣтви на Род. ед.* Такимъ образомъ въ этомъ склоненіи водворилось сходство между названными падежами въ славянскомъ путемъ аналогіи, какъ

---

[1]) Какъ мы знаемъ, праязыковымъ тематическимъ гласнымъ второго склоненія былъ *-ŏ- || *-ĕ-, которые дали въ индо-иранскихъ языкахъ *а*, бывшее всегда краткимъ; очевидно, здѣсь произошло праязыковое слитіе тематическаго гласнаго съ гласнымъ, начинавшимъ падежное окончаніе, т. е. ае. -ŏ-/-ĕ-+a^xd (первоначальный гласный собственно окончанія мы ближе не опредѣляемъ, что и обозначили экспонентомъ *x*); что касается праязыковой интонаціи окончанія, то вѣроятною, въ виду греческой, представляется *интонація циркумфлекса*.

[2]) См. предшествущую сноску.

это мы видѣли и въ греческомъ, съ тѣмъ однакожъ существеннымъ отличіемъ, что *направленіе аналогіи въ томъ и другомъ языкѣ обратное.*

Въ **третьемъ склоненіи** въ санскритѣ Abl. sg. имѣетъ общую форму съ Gen. sg., равно какъ въ греческомъ и славянскомъ.

Въ латинскомъ языкѣ видимъ въ классическое время особое окончаніе, именно -ĕ; можно думать, что это -ĕ произошло изъ *-ĭ (первоначальнаго окончанія Loc. sg. третьяго склоненія, а затѣмъ Instr. sg.), т. е. на подобіе такихъ случаевъ, какъ въ предлогѣ ante (= греч. *ἀντί*). Въ архаическомъ языкѣ встрѣчаемъ въ третьемъ склоненіи, подобно второму и первому, окончаніе на *-d* особенно въ основахъ на -ĭ- (marīd), [1]) отвуда окончаніе -īd переходило и въ собственно согласное склоненіе (airīd), соотвѣтственно тому, что вообще *въ латинскомъ языкѣ замѣчается вліяніе склоненія основъ на -ĭ- на склоненіе согласное* (т. е. подобно славянской языковой группѣ). Что касается смѣшенія по формѣ Abl и Instr. (Loc.) sg. въ третьемъ склоненіи, то оно также наблюдается уже въ древнихъ надписяхъ. Къ смѣшенію формы этихъ падежей могло вести кромѣ пропорціональности къ множ. числу, гдѣ эти падежи не различаются по формѣ, также и семазіологическое сродство: при страдательномъ залогѣ орудіе могло разсматриваться и какъ пунктъ исхода дѣйствія (срв. употребленіе въ страд. оборотѣ предлога *ab* при обозначеніи дѣйствующаго лица).

Сдѣлавъ обзоръ падежныхъ окончаній Abl. sg., мы должны теперь построить такую *гипотезу* для аріо-европейскаго праязыка, которая давала бы основаніе при-

[1]) Это окончаніе сохранилось въ этомъ склоненіи въ нѣкоторыхъ словахъ (въ родѣ tussis) и въ классическое время, вообще же замѣнилось и здѣсь посредствомъ -ĕ.

мирить противоположности, именно—объяснить различіе Abl. и Gen. sing. по всѣмъ склоненіямъ въ латинскомъ и въ то же время одинаковость этихъ падежей въ другихъ языкахъ (въ санскритѣ однако лишь въ первомъ и третьемъ склоненіи, но не во второмъ). Посмотримъ, нельзя ли предположить, что одинъ изъ языковъ наиболѣе вѣрно отражаетъ праязыковое состояніе окончаній разсматриваемаго падежа. Всего естественнѣе принять въ качествѣ такого языка санскритъ, занимающій по характеру образованія Abl. sing. среднее положеніе между латинскимъ языкомъ и другими, такъ какъ въ этомъ языкѣ частью (въ I и III скл.) Abl. sg.=Gen. sg., частью же (во II скл.) Abl. sg. имѣетъ особое окончаніе. Предполагая такое же положеніе вещей въ аріо-европейскомъ праязыкѣ (т. е. въ первомъ и третьемъ склоненіи Abl. sg.= Gen. sg., а во второмъ склоненіи эти падежи различались по формѣ), мы должны также вспомнить, что въ морфологіи дѣйствуютъ два противоположныхъ фактора: одинъ все уподобляетъ или нивеллируетъ (аналогія), другой же проводитъ различіе (дифференціація). Если въ изучаемомъ случаѣ языкъ будетъ слѣдовать первой тенденціи—проводить сходство, то послѣднее съ I-аго и III-яго склоненія должно расшириться и на второе склоненіе, въ которомъ или форма Gen. распространится на форму Abl. (какъ въ *греч.*), или же наоборотъ—форма Abl. на форму Gen. (*славян.*). Если же языкъ будетъ расширять тенденцію различія, первоначально существовавшаго только во II-омъ скл., то онъ будетъ стремиться водворить различіе и въ другихъ склоненіяхъ (*латин.* и *авест.*). [1]

---

[1]) Особенность латинскаго языка, проведшаго всюду такъ или иначе различіе между Abl. и Gen. sg., можетъ найти объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ этомъ языкѣ форма Abl. является вмѣстѣ съ тѣмъ формою Instr. и Loc., чего нѣтъ въ другихъ языкахъ; очевидно, что если бы къ той же формѣ прибавилась еще и функція Gen., то въ языкѣ почти совсѣмъ не стало бы падежныхъ формъ; вотъ почему, можно думать, латинскій провелъ различіе по формѣ Abl. sg. и Gen. sg. (въ языкѣ авесты

Примѣчаніе. Намъ осталось разъяснить возникновеніе оборота Ablativus absolutus въ латинскомъ, служащаго для опредѣленія обстоятельства времени и состоящаго изъ существительнаго и соглaсующагося съ нимъ причастія; но сначала мы скажемъ объ употребленіи падежей безпредложномъ и въ соединеніи съ предлогами.

Сравнимъ выраженія: видъ *города* || идти *отъ города*. Судя по смыслу, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ Родит. падежъ, во второмъ—Исходный, хотя по происхожденію въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же форма (Ablat.). Спрашивается, на какомъ основаніи эту форму второго склоненія предпочитаютъ однако принимать за форму Род. падежа? Это—потому, что данная форма въ русскомъ языкѣ для выраженія Исходн. падежа не употребляется безъ предлоговъ; чутье же формы можетъ опираться лишь на безпредложное ея употребленіе, какъ напр. «видъ *города*»; потому-то такіе случаи, какъ «отъ города» и т. п., разсматриваются въ учебникахъ синтаксиса русскаго языка (подобно греческому учебному синтаксису) обычно подъ рубрикою Род. падежа, т. е. падежа, гдѣ эта форма употребляется безъ помощи предлога. Однако научная грамматика раздѣляетъ эти случаи, какъ особые падежи. Въ самомъ дѣлѣ, если падежная форма состоитъ изъ формы слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, какъ и окончаніе, напр. въ приведенномъ примѣрѣ Исходнаго падежа въ русскомъ языкѣ формальною частью падежа является окончаніе *-а* при предлогѣ *отъ* (или *изъ*). Потому-то научная грамматика и не дѣлитъ выраженіе «отъ города» на «*отъ*»+«*города*», но беретъ его въ цѣлости, считая за форму Исход. падежа, отличную отъ случая Род. падежа—«видъ *города*». Сравнительно-грамматическое изученіе облегчаетъ разграниченіе смѣшавшихся падежей.

Аналогичнымъ образомъ въ латинскомъ учебномъ синтаксисѣ подъ рубрикою Ablativus разсматриваются также случаи Творительнаго и Мѣстнаго падежа, относимые въ греческомъ синтаксисѣ къ категоріи Dativus. Если въ русской грамматикѣ обыкновенно не говорится объ Исходномъ падежѣ, какъ особомъ, то—напротивъ—въ латинскихъ учебныхъ грамматикахъ падежъ Ablativus занимаетъ самостоятельное положеніе, при чемъ падежи Instrumentalis и Locativus разсматриваются какъ частные случаи Исходнаго падежа. Какое же обстоятельство, спрашивается, заставляло и заставляетъ грамматиковъ подводить эти падежи подъ рубрику Исходнаго падежа? Прежде всего нужно указать на то, что Ablativus въ латинскомъ языкѣ употребляется не только съ предлогами *ab* и *ex*, но и безъ предлоговъ—

различіе проведено съ бо́льшимъ однообразіемъ, именно—форма Abl. sg. во всѣхъ склоненіяхъ стала образовывать окончаніе по аналогіи ко второму склоненію). Между тѣмъ въ другихъ языкахъ легко могла получить дѣйствіе аналогія тожества формы съ Gen. sg., такъ какъ въ нихъ не было такого совпаденія Abl. sg. съ нѣсколькими другими падежами.

при глаголахъ сложныхъ съ *ab* и *ex*. Напротивъ того, Locativus не встрѣчается безъ предлоговъ (кромѣ извѣстныхъ пережитковъ); что же касается Instrumentalis, то—правда—онъ встрѣчается и безъ предлоговъ при названіяхъ неодушевленныхъ предметовъ, но при названіяхъ дѣйствующихъ лицъ непремѣнно соединяется въ страдательныхъ оборотахъ съ предлогомъ исходнаго значенія *ab*, и въ этомъ случаѣ подходитъ подъ рубрику Ablativus. Вотъ при какихъ условіяхъ въ латинскихъ грамматикахъ произошло подведеніе падежныхъ оттѣнковъ Мѣстнаго и Творительнаго подъ рубрику Исходнаго падежа (но при научномъ разсмотрѣніи латинскаго синтаксиса нужно помнить, что это—три разные падежа); вмѣстѣ съ тѣмъ и древній оборотъ Мѣстный самостоятельный получаетъ наименованіе «Ablativus absolutus». [1])

Instrumentalis singularis.

Instrumentalis (творительный) служитъ 1) для обозначенія орудія при дѣйствіи или лица при страдат. зал. и 2) употребляется въ смыслѣ соціативномъ. На связь перваго значенія со вторымъ указываетъ передача въ нѣкоторыхъ языкахъ Instr. помощію соціативныхъ предлоговъ (*франц.* avec, *нѣм.* mit), и можно думать, что уму аріоевропейца орудіе первоначально представлялось подъ видомъ идеи сопровождающаго товарища (срв. выше сноску на стр. 67—68).

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv ayā (вед. ā)		=Abl.	рѫк-оѭ ꙁемл҄-еѭ	*-á̄
II	áçv-ēna (вед. -ā)	=Dat.		влък-ъмь кон҄-ьмь	*-ó̄
III	vāc-á̄		vōc-ĕ	камен-ьмь матер-иѭ (-ьѭ)	*-ă(?)

[1]) Во французскомъ, гдѣ всѣ прежнія падежныя формы совпали въ одной («cas général»), вполнѣ естественно и лат. оборотъ Abl. absol. превратился какъ бы въ именительный самостоятельный, срв. выше стр. 78.

Въ первомъ склоненіи въ санскритѣ кромѣ обычной формы на -ауā встрѣчается въ ведійскомъ нарѣчіи (въ нѣкоторыхъ архаическихъ словахъ) образованіе на -ā. Но мы уже не разъ видѣли, что если въ языкѣ встрѣчается для той или другой формы двойное образованіе, то чаще всего одно изъ нихъ является первичнымъ, а другое перенесеннымъ путемъ аналогіи отъ другихъ образованій. Въ данномъ случаѣ мы можемъ признать вед. окончаніе -ā первичнымъ, окончаніе же -ауā объяснить дѣйствіемъ аналогіи; въ такомъ случаѣ для эпохи, предшествовавшей этому новообразованію, мы предполагаемъ въ Instr. sg. перваго склоненія встрѣчающееся въ ведійскомъ нарѣчіи окончаніе -ā, однозвучное съ окончаніемъ N. sg., такъ что новообразованіемъ на -ауā достигалась въ первомъ склоненіи дифференціація этихъ падежей (Твор. и Им. ед.). Обычно окончаніе -ауā объясняютъ вліяніемъ родового мѣстоименнаго склоненія (напр. tауā „тою"); при этомъ объясненіи предполагается, что дѣйствіе аналогіи произошло на почвѣ словосочетаній (въ сочетаніяхъ родового мѣстоименія съ именною формою), т. е. *въ предложеніи*, напр. táуā sénā „тѣмъ войскомъ"→táуā sénауā (родъ внѣшне-формальнаго согласованія, конгруэнціи).

Въ греческомъ языкѣ особая форма Instr. не сохранилась и вмѣсто нея стала употребляться форма Дат. падежа. Впрочемъ пережитки древней формы сохранились въ нарѣчіяхъ и частицахъ, напр. *κρυφῆ* (дорич. *κρυφᾶ*) „тайно", и т. п.

Въ латинскомъ языкѣ для обозначенія Instr. стала примѣняться форма Abl. Соприкосновеніе смысловое этихъ падежей наглядно обнаруживается въ страдательныхъ оборотахъ, гдѣ дѣйствующему лицу, въ отличіе отъ неодушевленныхъ предметовъ, присвояется исходный оттѣнокъ значенія, какъ видно по примѣненію исходнаго предлога *ab*. [1])

[1]) Въ качествѣ другого примѣра проведенія въ языкѣ формальнаго различія между одушевленными и неодушевленными предметами при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, срв. въ слав. языкахъ случаи Вин.=Род.

Старо-славянскій языкъ представляетъ двоякое окончаніе: -ѫ || -оѭ (окончаніе -ѫ извѣстно изъ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятниковъ, напр. Зогр. Ев. и Супр. рукоп., гдѣ оно иногда является при формѣ на -оѭ, срв. также соврем. польск. окончаніе -ą, напр. ręką). По-видимому славянскій дублетъ представляетъ параллель санскритскому дублету, при томъ однако отличіи, что въ санскритской формѣ на концѣ чистый гласный, а въ старо-слав.—носовой; при этомъ болѣе длинное окончаніе -оѭ, подобно скт. -ayā, считается перенесеннымъ изъ мѣстоименнаго склоненія (срв. тоѭ). Литовскія формы Instr. sg. (напр. rankà „рукою") сокращеніемъ конечнаго гласнаго свидѣтельствуютъ о томъ, что окончаніе имѣло *интонацію акута*, каковая предполагается поэтому и для ае. праязыка.

Во второмъ склоненіи въ санскритѣ ведійскую форму на -ā, какъ и въ первомъ склоненіи, должно признать за первичную; въ окончаніи же -ēna обычно видятъ вліяніе мѣстоименнаго склоненія (напр. téna „тѣмъ"), хотя по моему мнѣнію возможно допустить здѣсь и вліяніе основъ третьяго склоненія на *-n-* (срв. окончаніе *-n-ām* въ Р. мн. перваго и второго склоненія).

Въ греческомъ языкѣ, какъ мы знаемъ, форма Instr. вышла изъ употребленія, замѣнившись формою Дат. падежа, между тѣмъ какъ въ латинскомъ языкѣ послужила для разсматриваемаго падежа форма Abl. [1])

[1]) Въ обоихъ языкахъ, можно полагать, поводъ къ смѣшенію разныхъ падежей по формѣ былъ смысловой, хотя самое смѣшеніе пошло разными путями. Въ *греческомъ* съиграли роль случаи смысловой близости Instr. и Loc. (срв. «ѣхать пароходомъ» || «ѣхать на пароходѣ») и въ то же время Loc. и Dat. (какъ падежа положенія и соотвѣтствующаго ему падежа движенія); въ *латинскомъ*, какъ указывалось выше, смѣшеніе Instr. съ Abl. было связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ страдательныхъ оборотахъ пользовались обоими падежными оттѣнками, въ зависимости отъ того, предметъ

Въ ст.-сл. мы видимъ особое окончаніе -мь съ предшествующимъ тематическимъ гласнымъ (напр. влък-омь или, по аналогіи къ типу основъ на -ŭ-, влък-ъмь; въ мягкомъ склоненіи окончаніе -ємь или, по аналогіи къ основамъ на -ĭ-, -ьмь), быть можетъ обязанное мѣстоименному склоненію того же рода, изобилующему формами съ м, срв. томоу, тѣмь, томь.

Литовскій языкъ представляетъ окончаніе *-u* (напр. vilkù „волкомъ"), родственное санскритскому -ā, вмѣстѣ съ которымъ можетъ быть возведено къ аріо-европейскому *-ṓ; аріо-европ. *ō отражается въ литовскомъ въ видѣ дифтонга -ů, который сохранялся при интонаціи циркумфлекса (напр. pẽmů̃), при интонаціи же акута въ концѣ слова сократился въ *-u*. Такимъ образомъ, литовскій языкъ позволяетъ возсоздать *праязыковую интонацію* разсматриваемаго окончанія въ видѣ *акута*. [1])

Въ третьемъ склоненіи санскритъ представляетъ окончаніе -ā; но это окончаніе обыкновенно считаютъ вторичнымъ, перешедшимъ изъ соотвѣтствующаго падежа гласнаго склоненія, первичнымъ же признакомъ падежа склонны принимать *-ă, которое въ первомъ и второмъ склоненіи должно было слиться съ тематическимъ гласнымъ въ долгій гласный. Остатокъ первичнаго признака падежа усматриваютъ въ греч. частицахъ *ἄμ-α*, *παρ-ά* (срв. Gen. Abl. *πάρ-ος*, Dat. *παρ-αί*, Loc. *περ-ί*), *πεδ-ά* эол. дорич. въ смыслѣ *μετά* (срв. въ рус. нарѣчіе „слѣдомъ").

или же лицо являлись дѣйствующими. А такъ какъ смысловые оттѣнки падежей всегда необходимо выступаютъ лишь въ предложеніи, то указываемые смысловые факторы смѣшенія падежныхъ формъ правильнѣе назвать синтаксическо-смысловыми.

[1]) Греческія нарѣчія *οὕτω*, *καλῶς* и т. п. (о которыхъ см. стр. 115) могли бы быть пріурочены къ Instr. sg., но мѣшаетъ ихъ интонація, противорѣчащая литовской.

Въ греческомъ языкѣ Instr.=Dat.

Въ латинскомъ окончаніи -ĕ (напр. vocĕ, pedĕ) думаютъ видѣть первичное окончаніе Instr.; но такъ какъ *ă и *ĕ могутъ имѣть лишь разное происхожденіе, то приходится или признать два первоначальныхъ окончанія для Instr. въ согласномъ склоненіи, или же отказаться отъ одного изъ нихъ. Я бы находилъ возможнымъ видѣть въ латинскомъ окончаніи -ĕ распространеніе по аналогіи отъ Loc. sg. того же склоненія, гдѣ оно получилось фонетически изъ *-ĭ (срв. то же фонетическое явленіе въ другихъ случаяхъ: marĕ „море"←*marĭ, antĕ←*antĭ=греч. ἀντί).

Въ славянской языковой области мы находимъ двоякое окончаніе, срв. ст.-сл. камен-ьмь, имен-ьмь || матер-ьѭ или матер-иѭ, при чемъ первое окончаніе принадлежитъ словамъ муж. и ср. рода, а второе—словамъ ж. р. (-ь-, стоящій передъ собственно окончаніями -мь и -ѭ, обязанъ вліянію основъ на -ĭ-). Отмѣтимъ, что литовскій языкъ, ближайшій родичъ языковъ славянскихъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ знаетъ только одно окончаніе *-mi* съ предшествующимъ *i*, независимо отъ рода существительнаго, срв. akmen-imì, moter-imì. Такимъ образомъ, *родовая дифференціація падежныхъ окончаній* Тв. ед. въ славянскомъ третьемъ склоненіи представляетъ спеціальную особенность славянской вѣтви, отличную отъ фактовъ литовскаго языка.

Обращаясь къ построенію праязыкозой гипотезы, а для того устранивъ отъ разсмотрѣнія ст.-сл. окончаніе -мь, какъ вѣроятно мѣстоименное, а также скт. -ēna, -ayā и ст.-сл. -оѭ, какъ тоже вторичныя, мы можемъ признать первоначальнымъ падежнымъ признакомъ Instr. sg. одно *-ă (хотя все-таки не безспорнымъ); а такъ какъ это первичное окончаніе можно принять и для гласныхъ склоненій (въ первомъ склоненіи скт. -ā←*-ā+ă, во второмъ склоненіи скт. -ā←*-ŏ+ă), то такимъ образомъ мы приходимъ къ первич-

ному сходству окончанія для всѣхъ склоненій. Но предположенное окончаніе *-ă оказывается не единственнымъ. Такъ, мы уже упоминали объ окончаніи *-mĭ (напр. рабомь, тѣмь); кромѣ того, греч. эпич. -φι указываетъ на *-bhĭ (срв. скт. Instr. pl. -bhi-ḥ), хотя впрочемъ это греч. окончаніе встрѣчается въ разныхъ падежныхъ смыслахъ; какъ дифференцировались эти окончанія въ ае. праязыкѣ, остается неяснымъ. Нужно все-таки допустить, что по отношенію къ данному падежу въ праязыкѣ было нѣкоторое изобиліе формальныхъ средствъ, въ послѣдующей жизни редуцирующееся.

Locativus singularis.

Падежъ Locativus или Localis (мѣстный), какъ мы знаемъ, служитъ для обозначенія мѣста на которомъ или времени когда совершается дѣйствіе; семазіологически соприкасается онъ съ Dat. (см. выше стр. 103, 105 сноска 3-ья), съ Gen. (стр. 93) и Instr. (въ соціативномъ значеніи, стр. 121 сноска, 129—примѣч.). Особеннаго вниманія заслуживаетъ оборотъ Locativus absolutus, котораго мы уже не разъ касались, при чемъ я старался показать, что обороты независимыхъ Родит. въ греческомъ, Исходн. въ латинскомъ (Именит. во франц.) и Дат. въ ст.-сл. представляютъ собою преобразованія первоначальнаго Мѣстнаго самостоятельнаго (см. стр. 99, 78, 103, 118—119), и намъ остается здѣсь сдѣлать лишь нѣсколько дополненій. Относительно указаннаго происхожденія греч. Gen. absol. находимъ подтвержденіе въ санскритѣ: тамъ тоже встрѣчается Gen. absol. (на мѣсто обычнаго въ этомъ языкѣ Loc. absol.), при чемъ однакожъ эта конструкція неизвѣстна въ древнемъ языкѣ, а въ позднемъ встрѣчается рѣдко (см. Whitney Indische Gram. § 300); появленіе этой конструкціи въ санскритѣ можетъ объясняться совершенно такъ же, какъ мы объяснили греч. Gen. absol. съ тою разницею, что на греческой почвѣ оборотъ этотъ утвердился вполнѣ, тогда какъ въ санскритѣ появляется въ видѣ рѣдкихъ попытокъ или новообразованій. Что касается латинской конструкціи, то Abl. и Loc. въ семазіологическомъ отношеніи не соприкасаются между собою, но въ отношеніи формы Loc. смѣшался съ Instr., а послѣдній съ Abl., при чемъ прежніе Loc. и Instr. стали пониматься какъ Abl. Дательный самостоятельный свойственъ кромѣ ст.-сл. также литовскому и готскому. Но въ литовскихъ говорахъ можно встрѣтить и случаи первоначальнаго оборота, т. е. Loc. absol., напр. жемайт. *туокии бъяурии* «въ столь ненастную погоду» и т. п. [1]) Относительно готскаго Dat. absol. высказывалось сомнѣніе

[1]) См. К. Гуковскій Описаніе Россіенскаго уѣзда. Ковна (1893), — въ статьѣ *Кс. К. Явниса* «Діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ» стр. 37.

въ національной принадлежности этого оборота, такъ какъ Вульфила пользуется имъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалъ того греческій оригиналъ; но ясно, что это обстоятельство нисколько не можетъ служить возраженіемъ, такъ какъ условія независимаго причастнаго оборота въ отдѣльныхъ языкахъ сходны, и если бы Дат. самостоятельнаго не существовало въ самомъ готскомъ языкѣ, то и не могло бы произойти при переводѣ замѣщенія греч. *Gen.* absol. инымъ (именно *Dat.*) независимымъ падежомъ въ готскомъ. Подобнымъ образомъ въ англо-саксон. встрѣчается оборотъ Дат. самостоят. только тамъ, гдѣ это требовалось латинскимъ оригиналомъ (съ Abl. Absol.), откуда опять нельзя заключать о заносномъ характерѣ оборота въ агс. Относительно другихъ аріо-европейскихъ языковъ не дѣлаетъ даже упоминанія Delbrück въ его обширномъ Vergl. Syntax, гдѣ впрочемъ оборотъ независимыхъ причастныхъ конструкцій изложенъ довольно кратко (II 493—497). При этомъ Дельбрюкъ смѣло заявляетъ, что причастные независимые обороты не могутъ быть относимы къ праязыку. Совершенно напротивъ—я нахожу вполнѣ естественнымъ отнесеніе оборота *Loc. absol.* въ эпоху праязыка аріо-европейскаго, только нужно взглянуть на этотъ оборотъ наиболѣе простымъ образомъ: это не есть «независимый» оборотъ, а только опредѣленіе обстоятельства времени посредствомъ существительнаго и согласованнаго съ нимъ причастія въ падежѣ Locat. безъ предлога, на почвѣ же отдѣльныхъ языковъ этотъ древній оборотъ получилъ указанныя нами преобразованія, а затѣмъ большею частью утратился кромѣ такихъ случаевъ, какъ франц. Nom. absol.

<table>
<tr><th></th><th>скт.</th><th>греч.</th><th>лат.</th><th>ст.-сл.</th><th>ае.</th></tr>
<tr><td>I</td><td>áçv-āyām</td><td rowspan="2">=Dat.
съ предл.
ἐν
! Ὀλυμπίαι
! οἴκοι</td><td rowspan="2">=Abl. съ
предл. in
! Romae
! domī</td><td>жен-ѣ
ꙁемл-и</td><td>*-āī</td></tr>
<tr><td>II</td><td>áçv-ē</td><td>раб-ѣ
кой-и</td><td>*-ŏī, *-ĕī</td></tr>
<tr><td>III</td><td>vāc-í</td><td>ὀπ-ί съ
предлог. ἐν</td><td>vōc-ĕ съ
предл. in
! rurī↑</td><td>камен-и↑</td><td>*-ĭ</td></tr>
</table>

Въ **первомъ** склоненіи санскритская форма отличается отъ соотвѣтствующей формы другихъ аріо-европейскихъ языковъ конечнымъ звукосочетаніемъ *-ām*; ежели мы отдѣлимъ это -ām, то получится въ остаткѣ форма, которую можно

сопставить съ формою того же падежа другихъ языковъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ допущенію, что санскритская форма получила въ Loc. sg. прибавочный элементъ. По отдѣленіи конечнаго звукосочетанія -ām получается форма на *āi*, состоящая изъ *-ā+i, гдѣ ā являегся тематическимъ гласнымъ, а конечное *i* — собственно падежнымъ признакомъ. Можно предположить, что послѣдующая прибавка постпозиціонной частицы (-ām), сросшейся съ формою, была вызвана и упрочилась стремленіемъ къ дифференціаціи съ созвучной формой Dat. sg., въ которой окончаніе -āi, какъ мы видѣли (стр. 112), образовалось слитіемъ тематическаго гласнаго *-ā- съ собственно падежнымъ признакомъ *-ăi.

Въ греческомъ языкѣ Loc. sg. совпалъ съ Dat. sg., при чемъ та же самая форма стала примѣняться еще и для Instr. sg. Но одинаковость падежнаго окончанія, благодаря присоединявшимся предлогамъ и контексту, не препятствовала смысловому различенію падежей (срв. *δίδωμι τῇ θεᾷ* „я даю богинѣ" — Дат. падежъ; *σὺν τῇ θεᾷ* „съ богинею" — Творит. соціативный; *ἐν τῇ θεᾷ* „въ богинѣ" — Мѣстный падежъ). Тѣмъ не менѣе совпаденіе нѣсколькихъ падежныхъ формъ въ одной представляетъ уже одинъ изъ моментовъ въ развитіи аналитизма. Безпредложное употребленіе Мѣстнаго падежа встрѣчается лишь діалектически въ качествѣ пережитка въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ въ смыслѣ нарѣчій, напр. *Ὀλυμπίαι* = „въ Олимпіи".

Въ латинскомъ древняя форма Мѣстнаго падежа замѣстилась Ablativ'омъ съ предлогомъ (напр. in aquā „въ водѣ"), сохраняясь какъ пережитокъ въ названіяхъ городовъ, напр. Romae (въ надписяхъ Romai) = „въ Римѣ".

Въ старо-слав. соотвѣтствующая форма оканчивается на -ѣ (а въ мягкомъ склоненіи -и), совпадая съ Dat. sg., отъ котораго отличалась наличностью предлоговъ (въ, на, при). Отраженіе первоначальнаго дифтонгическаго окончанія въ видѣ

-ѣ указываетъ на праязыковую *интонацію циркумфлекса* (ибо при интонаціи акута ожидалось бы -и и въ твердомъ склоненіи).

Во второмъ склоненіи санскритъ имѣетъ окончаніе -ē, которое получилось изъ слитія тематическаго гласнаго -a- второго склоненія + окончаніе -i, при чемъ тематическій гласный можетъ восходить къ ае. *-ŏ и *-ĕ-.

Въ греческомъ языкѣ Loc.=Dat., при чемъ форма Dat., какъ мы видѣли, примѣнялась также и для Instr. Первоначальная греческая форма Loc. sg. на -οι сохранилась какъ *пережитокъ* въ частицѣ οἴκοι „дома" (діалектически также οἴκει), а также въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ, напр. Πυθοῖ „въ Дельфахъ", Ἰσθμοῖ „на Коринѳскомъ перешейкѣ". *Интонація циркумфлекса.*

Въ латинскомъ языкѣ Loc. sg.=Abl. sg.; первоначальное же окончаніе *-ŏi или *-ĕi должно было дать въ лат. ī, которое и имѣемъ въ пережиткахъ, напр. Corinthī (безъ предлога) „въ Коринѳѣ", и вообще въ названіяхъ городовъ второго склоненія и нѣкоторыхъ нарѣчныхъ частицахъ, напр. domī „дома".

Старо-слав. -ѣ (а въ мягкомъ склоненіи -и)=*-ŏi, гдѣ ŏ — тематическій гласный, сопровождаемый окончаніемъ i. Славянское окончаніе по-видимому тоже указываетъ, въ согласіи съ греческимъ, на праязыковую *интонацію циркумфлекса.* О той же интонаціи свидѣтельствуетъ и литовскій языкъ, срв. локативное нарѣчіе namẽ „дома" (литов. ė=ie отражаетъ праязыковой дифтонгъ). [1])

---

[1]) Нужно упомянуть, что предположеніе о соотношеніи ст.-сл. -ѣ и литовской интонаціи циркумфлекса встрѣчаетъ нѣкоторые противорѣчащіе факты; срв. мати=лит. motė̃, гдѣ при литовскомъ циркумфлексѣ оказывается ст.-сл. -и; подобнаго рода отступленія встрѣтимъ и въ дальнѣйшемъ. Вопросъ требуетъ провѣрки и новой разработки.

Въ **третьемъ** склоненіи санскритъ имѣетъ окончаніе отличное отъ Dat. sg., именно *-i*.

Греческій языкъ представляетъ также окончаніе *-ι*, но это окончаніе здѣсь перешло и на форму Dat. sg. Такимъ образомъ въ области греческаго языка мы наблюдаемъ разницу въ направленіи аналогіи въ гласныхъ склоненіяхъ и въ третьемъ: въ первыхъ ассимиляторомъ является Dat., а въ послѣднемъ—наоборотъ—Loc.

Въ латинскомъ языкѣ *-ĭ измѣнилось въ -ĕ, т. е. подобно такимъ случаямъ, какъ marĕ (N. sg. средн. рода основы на -i-), или ante=греч. *ἀντί*.

Старо-славянскій языкъ вмѣсто ожидаемаго окончанія *-ь имѣетъ -и, по аналогіи къ Дат. ед. того же склоненія, а также—быть можетъ—и по аналогіи къ соотвѣтствующему падежу основъ на -i-; рядомъ съ этимъ окончаніемъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчается окончаніе -є (камєнє и т. п.), еще недостаточно разъясненное.

Изъ предшествующаго разсмотрѣнія приходимъ къ выводу, что первоначально всѣмъ тремъ склоненіямъ было свойственно одно общее окончаніе *-ĭ, которое въ первомъ и второмъ склоненіи, присоединяясь къ тематическому гласному, образовывало съ этимъ послѣднимъ дифтонгъ. Такимъ образомъ, мы предполагаемъ здѣсь для аріо-европейскаго праязыка *однообразіе* окончанія, разнообразіе же окончаній представляетъ уже явленіе вторичное или позднѣйшее.

Примѣчаніе. Будетъ не лишнее теперь, на основаніи предшествующихъ разсмотрѣній, попытаться установить систему падежей съ точки зрѣнія семазіологической. Прежде всего мы выдѣляемъ падежи простѣйшаго предложенія—Nom. и Acc. (къ которымъ причисляемъ также и Voc.): первый есть падежъ субъекта, второй—прямого объекта (кромѣ того, какъ Nom. является падежомъ простого или указательнаго наименованія, такъ же Voc.—призывающаго). Далѣе идутъ двѣ пары падежей, при чемъ каждая изъ нихъ состоитъ изъ падежа положенія и соотвѣтствующаго падежа движенія—Gen. и Abl., Loc. и Dat., семазіологическая связь между которыми уже достаточно разъяснена раньше. Съ другой стороны Gen. и Loc. сопри-

касаются между собою, будучи тотъ и другой падежами положенія съ извѣстнымъ различіемъ въ оттѣнкѣ значенія (въ одномъ случаѣ—пребываніе въ смыслѣ принадлежности части цѣлому, а въ другомъ случаѣ—пребываніе или совершеніе на опредѣленномъ мѣстѣ); соотвѣтственно различію падежей положенія ихъ противни, падежи движенія, оказываются противоположными по направленію дѣйствія—Abl. и Dat. Нужно имѣть въ виду также семазіологическое соотношеніе между Dat. и Acc., такъ какъ оба являются пунктами, къ которымъ направляется дѣйствіе, въ одномъ случаѣ—непереходное или среднее, въ другомъ же переходное; благодаря такому соприкосновенію, нерѣдко Вин. съ предлогомъ служитъ также для обозначенія пункта, куда направляется непереходное дѣйствіе. Наконецъ, Instrum. въ его двухъ главныхъ семазіологическихъ разновидностяхъ—орудія и сопровожденія: въ одномъ случаѣ, какъ мы видѣли, падежъ этотъ соприкасается въ переносномъ своемъ значеніи съ Abl., а въ другомъ случаѣ—съ Loc. (срв. эквивалентность такихъ выраженій какъ: «ѣхать пароходомъ» и «ѣхать на пароходѣ»). Говоря о значеніи падежей, нужно имѣть въ виду какъ безпредложное ихъ употребленіе, такъ и съ предлогомъ. Въ послѣднемъ случаѣ падежная форма и предлогъ должны разсматриваться какъ одно цѣлое, благодаря чему число падежныхъ оттѣнковъ получается гораздо значительнѣе по сравненію съ общепринятымъ, а для обозначенія этихъ новыхъ оттѣнковъ можно воспользоваться нѣкоторыми наименованіями угро-финскихъ падежей. Иногда безпредложное употребленіе падежа прекращается, что можетъ вести къ перемѣнѣ въ чутьѣ формы; значеніе этого фактора мы видѣли также на исторіи древняго оборота Мѣстнаго и другихъ самостоятельныхъ. Вотъ въ самыхъ общихъ штрихахъ система аріо-европейскихъ падежныхъ отношеній, при чемъ мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о возникновеніи и первомъ развитіи этой системы, полагая, что болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе такого отдаленнаго вопроса должно опираться на болѣе широкомъ базисѣ—на изученіи падежныхъ системъ и въ другихъ языковыхъ семействахъ. Подобное широкое и тщательное изученіе вопроса полно глубокаго философскаго интереса, какъ матеріалъ для уясненія динамики нашего сознанія, для новаго освѣщенія вопросовъ новѣйшей философіи познанія или гносеологіи.

* * *

Dualis.

Первоначально двойственное число служило для выраженія парности какъ въ именахъ (напр. очи...), такъ и въ глаголахъ, въ послѣднемъ случаѣ для обозначенія совмѣстнаго дѣйствія двухъ лицъ (мы оба, вы оба,...); но затѣмъ парность, очевидно, перестала останавливать особое вниманіе говорившихъ, и двойственное число вышло изъ употребленія въ большей части вѣтвей (но въ разныя эпохи), замѣнившись множ. числомъ, съ присоединеніемъ, гдѣ нужно, пополнительнаго слова «оба», и сохраняясь

тамъ и самъ въ пережиткахъ. Къ языкамъ-представителямъ, въ которыхъ мы застаемъ еще въ полномъ объемѣ двойств. число, относятся слѣдующіе: арійскіе, греческій, кельтскій, балтійско-славянскіе. При этомъ всѣ падежи двойст. числа распредѣляются въ три группы: 1) Nom., Accus., Voc., 2) Gen., Loc., 3) D. Abl. Instr. (но въ слав. Abl. по общему правилу сходенъ съ Gen., т. е. принадлежитъ ко второй группѣ, а не къ третьей).

Nom., Accus., Voc. dualis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-ē	χώρ-ᾱ↑	! amb-ae	жен-ѣ ꙁемл҄-и	*-ăí
II	áçv-āu вед. -ā	λύκ-ω	! amb-ō	рабъ-а	*-ŏ́u
	ср. р. yug-é	ζυγ-ώ↑		ср. р. иꙁ-ѣ	*-ŏí
III	vā́c-āu	ὄπ-ε	—	камен-и	*-ĕ

Въ **первомъ** склоненіи санскритское окончаніе -ē имѣетъ дифтонгическое происхожденіе, о чемъ заключаемъ по соотвѣтствующему старо-славянскому окончанію.

Греческое окончаніе -ᾱ, въ виду отличныхъ окончаній санскрита (-ē) и ст.-сл. (-ѣ въ твердомъ склоненіи и -и въ мягкомъ), согласно предполагающихъ ае. *-ăí, надо считать аналогіей къ тому же падежу второго склоненія, вызванною тенденціей къ параллелизаціи. Это вторичное ᾱ въ двойств. числѣ (χώρ-ᾱ, τιμ-ά) не можетъ отражать собою первичнаго *ā, такъ какъ въ іоническо-аттическомъ мы встрѣтили бы въ такомъ случаѣ η, чего однако нѣтъ; стало быть, -ᾱ водворилось на мѣстѣ первичнаго окончанія въ разсматриваемой формѣ перваго склоненія въ іонич.-атт. уже по минованіи процесса *ā→η.

Въ старо-славянскомъ видимъ окончанія -ѣ (въ твердой разновидности) || -и (въ мягкой разновидности склоненія). На дифтонгическое происхожденіе окончанія -ѣ указываетъ смягченіе предшествующаго *k→ц, *g→ѕ (рѫц-ѣ, ноѕ-ѣ) и чередованіе съ окончаніемъ -и въ мягкой разновидности этого же склоненія.

Такимъ образомъ, праязыковымъ окончаніемъ данной формы перваго склоненія мы должны признать *-ai (гдѣ первый компонентъ дифтонга отражаетъ праязыковой тематическій гласный перваго склоненія, гласный же i является собственно окончаніемъ). Праязыковая интонація обнаруживается изъ литовскаго языка, срв. форму сложнаго прилагательнаго gerе̃-ji „обѣ добрыя" съ интонаціей акута (литов. ė изъ первоначальнаго дифтонга), въ существительныхъ же соотвѣтствующій гласный въ концѣ слова подъ интонаціей акута, согласно общему правилу, подвергся сокращенію въ i, напр. rankì „обѣ руки" (gerе̃ji rankì); приведенныя данныя литовскаго языка позволяютъ принять для разсматриваемаго окончанія праязыковую *интонацію акута*. [1])

Во **второмъ** склоненіи классическій санскритъ представляетъ окончаніе -āu, встрѣчающееся въ Ведахъ рядомъ съ окончаніемъ -ā; этотъ дублетъ восходитъ къ праязыковому дифтонгу съ первымъ долгимъ компонентомъ и отражаетъ праязыковое чередованіе, возникавшее при нѣкоторыхъ условіяхъ фразы.

Санскритскому окончанію -āu || -ā вполнѣ соотвѣтствуетъ греч. -ω и ст.-сл. -а (скт. vṛ̥k-ā = греч. λύκ-ω = ст.-сл. влък-а)

[1]) Но при интонаціи акута мы ожидали бы въ ст.-сл. въ качествѣ рефлекса не -ѣ (какъ здѣсь, напр. рѫцѣ), но -и; это отступленіе отъ предположеннаго правила опять показываетъ, что самое правило объ отношеніи рефлексовъ -ѣ и -и къ типу интонаціи является не достаточно прочно установленнымъ (срв. сноску на стр. 127).

9*

и лат. -ō (въ пережиткахъ amb-ō и du-ō); всѣ эти окончанія могутъ быть возведены къ праязыковому *-ōu || *-ō. При этомъ объ интонаціи окончанія заключаемъ изъ греческаго, напр. θεώ „оба бога", и литовскаго, напр. gerŭ-ju vilkŭ „оба добрыхъ волка" (въ формѣ сложнаго прилагательнаго въ литовскомъ мы видимъ гласный ů съ интонаціей акута, какъ нормальное отраженіе праязыкового *-ṓ, въ концѣ же слова—ŭ, какъ результатъ сокращенія подъ интонаціей акута въ концѣ слова), т. е. и для ае. праязыка предполагаемъ *интонацію акута.*

Въ словахъ *средняго* рода санскритъ и ст.-сл. представляютъ окончанія, совпавшія съ жен. р., т. е. скт. -ē, ст.-сл. -ѣ || -и.

Въ третьемъ склоненіи санскритъ представляетъ окончаніе=II скл., т. е. классич. -āu (въ вед. также -ā), а въ ср. р. -ī, напр. jánas-ī; въ греч. видимъ особое окончаніе -ε, въ ст.-сл. -и (можетъ быть—подъ вліяніемъ основъ на -ĭ-).

Бросая взглядъ на окончанія всѣхъ трехъ склоненій, мы видимъ три типа окончаній: *-ĕ (въ 3-емъ скл., муж. и ж. р.); *-i или *-ī (въ первомъ скл., а затѣмъ во 2-омъ и 3-емъ скл. сред. р.; *-ṓu || *-ṓ (во второмъ скл., муж. р.).

G. Loc. и D. Abl. Instr. dualis.

Первичное окончаніе G. Loc. du. въ санскритѣ видимъ въ третьемъ склоненіи (vāc-ṓḥ), а въ первомъ и второмъ склоненіи находимъ окончаніе -y-ōḥ, въ которомъ *y* можетъ объясняться взаимодѣйствіемъ съ основами на -ĭ-. Славянское -оу въ томъ же падежѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію -ōḥ.

Въ D. Abl. Instr. падежное окончаніе въ санскритѣ начинается согласнымъ *bh* (-bhyām), въ славянскомъ же

посредствомъ м (срв. ржкама и пр.).[1]) Такимъ образомъ для аріо-европейскаго праязыка надо предположить два окончанія: одно начиналось съ согласнаго *bh*, а другое съ *m*; послѣднее было—можно думать—мѣстоименнымъ окончаніемъ, такъ какъ присутствіе согласнаго *m* является характерною особенностью этого склоненія, именное же окончаніе начиналось съ *bh*. Подобную дифференціацію окончаній мы уже имѣли случай встрѣтить (см. выше стр. 122 сл.).

Греческій языкъ для обѣихъ группъ падежей имѣетъ одно общее окончаніе, стоящее особо отъ разсмотрѣнныхъ: въ первомъ склоненіи—*-αιν*, а во второмъ и третьемъ *-οιν*.

*
* *

Pluralis.

Nominativus pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-āḥ	χώϱ-αι ↑	equ-ae ↑	жен-ы ↑ ȥемлѧ ↑	*-ā̃s
II	áçv-āḥ	ἵππ-οι ↑	equ-ī ↑	раб-и ↑	*-ōs
II	ср. р. yug-áni вед. -ā	ζυγ-ᾰ	jug-ă	иг-а	*-ā
III	vā́c-aḥ	ὄπ-ες	vōc-ēs	*камен-е	*-ĕs
III	ср. р. jánā̃s-i	γένε-ᾰ атт. γένη	gener-ă	небес-а	*-ə

[1]) Напомнимъ, что въ славянскомъ и въ двойств. числѣ Исходный падежъ сходствуетъ съ Родит. и такимъ образомъ вошелъ въ группу G. Loc. du

Въ первомъ склоненіи окончанія въ общемъ не сравнимы, при чемъ не трудно замѣтить, что окончанія распадаются на три группы: санскр., греч. и лат., ст.-слав.

Санскритское окончаніе -āḥ находитъ соотвѣтствіе въ большинствѣ родственныхъ языковъ (напр. осск. -as, кельт. -a, гот. -ōs, лит. -os), и на основаніи этого согласія признаемъ его за первичное, восходящее къ ae. *-ās. [1]) Что касается первоначальной интонаціи этого долгаго окончанія, то такія литовскія формы, какъ rañkos „рýки", гдѣ корневая интонація циркумфлекса не передвинулась на слѣдующій слогъ, указываютъ на то, что этотъ послѣдній (т. е. окончаніе) имѣлъ *интонацію циркумфлекса*, а не акута, [2]) съ чѣмъ согласуется удареніе односложныхъ формъ родового мѣстоименія, напр. tõs „тѣ". Обратимся теперь къ разъясненію вторичныхъ окончаній въ языкахъ греч., лат. и ст.-слав.

Греческое и латинское окончанія (-*αι*, -ae) представляютъ параллель окончаніямъ того же падежа второго склоненія (греч. -*οι*, лат. -ī при архаич. -oe), и это даетъ поводъ къ предположенію, что разсматриваемыя греческое и латинское окончанія представляютъ собою новообразованія подъ вліяніемъ второго склоненія („сторонняя" аналогія).

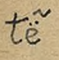
---

[1]) Скт. -āḥ (гдѣ конечное густое придыханіе ḥ произошло изъ s при извѣстныхъ условіяхъ, напр. въ абсолютномъ концѣ слова) содержитъ гласный, могущій восходить къ любому изъ первоначальной тріады средне-широкихъ гласныхъ, но соотвѣтствующее окончаніе другихъ языковъ, какъ напр. литов. -os, ограничиваетъ возможность, ибо литов. *o* происходитъ только изъ ae. *ā.

[2]) Согласно правилу Фортунатова и Соссюра, удареніе слова въ пралитовскомъ, приходившееся на корневую морфему съ интонаціей циркумфлекса, перетягивалось на смежное окончаніе, если послѣднее имѣло интонацію акута (срв. И. ед. rank-à), но удерживалось на своемъ прежнемъ мѣстѣ, если окончанію была свойственна интонація циркумфлекса (срв. Р. ед. и И. мн. rañk-os); если же корневая морфема, сосредоточивая на себѣ удареніе слова, имѣла при этомъ интонацію акута, то удареніе слова уже совсѣмъ не перемѣщалось на окончаніе, но оставалось постояннымъ (срв. И. ед. várn-a «ворона», Р. ед. и И. мн. várn-os).

Старо-славянское окончаніе тоже не первично, заимствовано изъ Вин. мн. того же склоненія, какъ уже указывалось раньше (см. стр. 96). Такимъ образомъ аналогія здѣсь „внутренняя", такъ какъ представляетъ перенесеніе окончанія въ предѣлахъ того же самаго типа съ одного падежа на другой, именно—съ падежа прямого объекта на падежъ субъекта. Можно даже найти толчокъ къ такому перенесенію, если обратимся къ праславянской эпохѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ праславянскомъ, по исчезновеніи конечнаго -*s* въ первичномъ окончаніи *-ās, должно было получиться *-ā, но этотъ звукъ уже былъ окончаніемъ И. ед., что и вызвало подъ вліяніемъ тенденціи къ дифференціаціи появленіе новой формы, и такимъ образомъ неудобное въ смысловомъ отношеніи совпаденіе Именительнаго падежа въ ед. и мн. числѣ было устранено; новое же совпаденіе Имен. мн. съ Вин. мн. не представляло смысловыхъ неудобствъ, такъ какъ значеніе этихъ падежей легко различалось изъ контекста, а въ иныхъ случаяхъ изъ наличности предлога при Вин. мн. Изъ согласія славянскихъ языковъ можно заключить, что указанная перемѣна произошла еще въ слав. праязыкѣ (и притомъ не только по отношенію къ И. мн., но и Род. ед.). Въ ближайше родственной балтійской вѣтви конечное -*s* было устойчиво и не исчезло, а потому тамъ и не было повода къ такого рода перемѣнамъ.

Во второмъ склоненіи санскритское окончаніе (-āḥ) стоитъ особо, остальныя же окончанія (греч. -*οι*, лат. -ī, ст.-сл. -и) родственны между собою. Но и въ санскритѣ есть окончаніе родственное послѣднимъ, именно—въ мѣстоименномъ склоненіи, срв. скт. tē „тѣ" = греч. *οὗ-τοι* = лат. istī = ст.-сл. ти или въ сочетаніи съ существительными: скт. *tē* vṛk-*āḥ* || греч. *οὗ-τοι λύκ-οι*, лат. istī lup-ī, ст.-сл. ти влъц-и). Въ виду этого можно принять, что въ санскритѣ отражается во второмъ склоненіи первичное именное окончаніе *-ōs,

имѣвшее вѣроятно *интонацію циркумфлекса*, т. е. подобно соотвѣтствующему окончанію перваго склоненія, а въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, старо-славянскомъ имена получили путемъ внѣшней или сторонней аналогіи мѣстоименное окончаніе *-oi, имѣвшее согласно указанію такихъ греческихъ примѣровъ, какъ θεοί „боги", *интонацію акута* (эта послѣдняя подтверждается также литовскими сложными прилагательными, напр. gerẽ-ji „добрые" съ ё изъ ae. *-oi, при отступленіи однакожъ въ существительныхъ и односложныхъ родовыхъ мѣстоименіяхъ, напр. tẽ vilk-aĩ „тѣ волки", а также старо-славянскимъ окончаніемъ -и, а не -ѣ изъ *-oi, напр. влъци, гдѣ -и получилось изъ конечнаго *-oi при интонаціи акута, тогда какъ при интонаціи циркумфлекса получилось бы -ѣ, срв. L. sg. влъцѣ при греческихъ формахъ Ἰσθμοῖ и т. п.).[1]) Изъ нашихъ примѣровъ видно, что уподобленіе окончаній именного и мѣстоименнаго произошло на почвѣ *сочетанія* опредѣлительно-указательныхъ мѣстоименій съ существительными, а это лишній разъ показываетъ, что процессъ аналогіи совершается не въ словахъ въ отдѣльномъ употребленіи, а въ рѣчи на почвѣ высказываемыхъ *предложеній.*[2]) Мы должны еще указать, что въ *оско-умбрскомъ* аналогія приняла противоположное направленіе по сравненію

---

[1]) Въ первомъ склоненіи въ санскритѣ окончаніе -āḥ имѣется какъ въ именномъ, такъ и мѣстоименномъ склоненіи (напр. tāḥ «тѣ»), а потому мы должны были объяснить греч. и лат. окончанія (-αι и -ae) въ томъ же склоненіи аналогіей ко II-му скл., т. е. что по аналогіи къ окончанію *-oi* II-го скл., когда оно перешло туда изъ мѣстоименнаго скл., появился въ названныхъ языкахъ параллельный дифтонгъ *-ai* въ I-мъ скл.

[2]) Проф. A. Meillet думаетъ, что сначала мѣстоименное окончаніе перешло въ склоненіе прилагательное, а потомъ уже въ существительное; основаніемъ для такого заключенія ему служитъ то обстоятельство, что германскій языкъ имѣетъ этотъ типъ только въ прилагательныхъ, напр. гот. *blindai* «слѣпые» (Мейе Введеніе въ сравн. грамм. и.-е. язз. 1911, стр. 274=1914², стр. 290).

съ латинскимъ, т. е. именное окончаніе *-ōs стало распространяться на указательныя мѣстоименія, откуда слѣдуетъ, что разсматриваемый процессъ аналогіи въ италійской вѣтви происходилъ не въ обще-италійское время, а уже по діалектическомъ распаденіи этой вѣтви.

Въ словахъ *средняго рода* разсматриваемая форма имѣетъ особое окончаніе: скт. ведійское -ā || -āni (въ классич. санскритѣ только второе окончаніе), слав. -ꙗ, греч. -ᾰ и лат. -ă. Принявъ скт. ведійское окончаніе -āni за вторичное, по аналогіи къ основамъ ср. р. на *-n-* третьяго склоненія (срв. nā́m-āni „имена"), другое окончаніе -ā можемъ признать родственнымъ съ слав. -ꙗ, по происхожденію тоже долгимъ гласнымъ. Однако, если краткость латинскаго окончанія можно объяснять какъ позднѣйшее сокращеніе подъ вліяніемъ неударенности, то затрудненіе для объясненія представляетъ краткость греч. окончанія. Одни видятъ здѣсь отразившимся сокращенное ае. праязыковое окончаніе *ə, другіе сокращеніе приписываютъ фонетикѣ фразы въ самомъ греческомъ языкѣ (напр. τᾱ ὁ-→τᾰ ὁ-). Что касается самаго происхожденія праязыковаго *-ā въ разсматриваемой формѣ, то обычно его отожествляютъ съ окончаніемъ И. ед. жен. рода перваго склоненія въ собирательномъ значеніи.

Въ третьемъ склоненіи окончанія скт. -as, греч. -ες и ст.-сл. -є несомнѣнно родственны между собою и предполагаютъ ае. *-ĕs; въ латинскомъ окончаніи -ēs долгота ē объясняется аналогіей къ основамъ на -ĭ-, а въ этихъ послѣднихъ -ēs возникло изъ *-ĕį-ĕs. [1])

Въ словахъ *средняго рода* третьяго склоненія окончаніемъ въ санскритѣ является -ĭ (nā́mān-i „имена"), ко-

---

[1]) Своеобразное окончаніе N. pl. встрѣчаемъ въ армянскомъ: -kh, о которомъ см. Мсеріанцъ Л. Этюды по армянской діалектологіи, ч. II (1901) стр. 173 сл.

торое, какъ и греч. -ᾰ и лат. -ă, возводятся къ первоначальному *-ə, т. е. гласному, представляющему обычно слабый видъ по отношенію къ долгому средне-широкому гласному (*-ā); слав. представляетъ окончаніе одинаковое съ окончаніемъ соотвѣтствующаго падежа того же рода второго склоненія.

Такъ какъ въ третьемъ склоненіи первоначальнымъ окончаніемъ, какъ слѣдуетъ изъ почти полнаго согласія всѣхъ аріо-европейскихъ языковъ, было *-ĕs, то для перваго склоненія можетъ быть принято происхожденіе скт. -āḥ изъ *-ā+ĕs, а во второмъ склоненіи это -āḥ восходитъ къ *-ōs, а это послѣднее можетъ быть возведено къ *-ŏ+ĕs; такимъ образомъ, мы и здѣсь приходимъ къ идеѣ о *первоначальномъ однообразіи флексіи аріо-европейскаго праязыка*. Съ этимъ согласуется и однообразіе первоначальнаго окончанія въ словахъ ср. р.: *-ā || *-ə.

Accusativus pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	=N. pl.	χώρ-ᾱς (-ανς)	equ-ās	жен-ы ꙁемлѩ	*-ā́s
II	áçv-ān	ἵππ-ους (-ονς)	equ-ōs	раб-ы кон-ѩ	*-ŏ-ns
III	vā́c-áḥ	ὄπ-ᾰς	voc-ēs	камен-и	*-n̥s

Основнымъ окончаніемъ Acc. pl. является *-ns, при чемъ въ *согласномъ* склоненіи *n* становилось слогообразующимъ, вслѣдствіе чего указанное окончаніе отражается въ третьемъ склоненіи въ скт. въ видѣ *-as*=греч. -ᾰς. [1]) Для

[1]) Въ греч. языкѣ въ первомъ склоненіи Вин. мн. оканчиваются на -ας изъ *-ᾰνς, при чемъ ᾱ, получившемся вслѣдствіе замѣнительнаго удли-

Вин. падежа *перваго* склоненія мы приняли праязыковую *интонацію акута* въ виду греческаго ударенія, напр. θεάς и т. п., что подтверждается и литовскимъ, срв. В. мн. rankàs (съ сокращеніемъ гласнаго въ конечномъ слогѣ).

Genitivus pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-ānām	χωρ-ῶν	equ-ārum	жен-ъ	*-ōm̃
II	áçv-ānām	ἵππ-ων	equ-ōrum	раб-ъ	*-ōm̃
III	vāc-ā́m	ὀπ-ῶν	vōc-um	камен-ъ	*-ŏ̄m̃

Въ санскритской формѣ G. pl. перваго и второго склоненія (т. е. обоихъ гласныхъ склоненій), напр. áçvā*n*ām, *n* перешло изъ склоненія основъ на -*n*- третьяго склоненія; латинскія окончанія -ārum и -ōrum перешли изъ мѣстоименнаго склоненія; подобнымъ образомъ и греч. -ῶν перваго склоненія произошло изъ *-ᾱσων, гдѣ *s* характерный признакъ мѣстоименнаго склоненія (въ латинскомъ это *s* между гласными перешло въ *r*). Ст.-слав. -ъ своею краткостью представляетъ особенность по сравненію съ другими языками, предполагающими для данной формы всѣхъ трехъ склоненій ae. *-ōm, отражающееся въ видѣ -ъ (т. е. краткаго гласнаго)—быть можетъ—не безъ вліянія *интонаціи циркумфлекса*.

ненія, не измѣнилось въ η въ іон.-атт.; это показываетъ, что удлиненіе въ въ этихъ діалектахъ взамѣнъ изчезнувшаго носового произошло уже послѣ измѣненія первичнаго *ᾱ въ η; что касается предполагаемаго окончанія *-ᾱνς, то его считаютъ вторичнымъ, заступившимъ мѣсто первоначальнаго окончанія, по аналогіи къ соотвѣтствующему окончанію второго склоненія -ονς; это -ανς сохранено критскимъ діалектомъ.

Примѣчаніе. Въ живыхъ славянскихъ языкахъ (напр. русск., польск., чешск.) вмѣсто нуля, соотвѣтствующаго ст.-славянскому -ъ, въ Р. мн. встрѣчаемъ окончаніе *-овъ* (польск. *-ów* и проч.), перешедшее сюда изъ склоненія основъ на -ŭ-. Въ этомъ послѣднемъ въ Р. мн. основообразующій суффиксъ является въ полномъ видѣ (срв. также греч. γλυκ-έϜ-ων «сладкихъ»), т. е. *ĕu̯-, за которымъ слѣдовало падежное окончаніе, начинающееся гласнымъ; при этихъ условіяхъ дифтонгъ распадался въ слоговомъ отношеніи, а кромѣ того на славянской почвѣ *ĕ* передъ *v* измѣнилось въ *o*, и такимъ образомъ возникло въ склоненіи основъ на -ŭ- окончаніе -ОВ-Ъ, содержащее первоначальное окончаніе -ъ съ предшествующимъ основообразовательнымъ суффиксомъ -ОВ-, отошедшимъ къ окончанію путемъ процесса переразложенія; новообразовавшееся окончаніе *-овъ* переходитъ на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ изъ склоненія основъ на -ŭ- во второе склоненіе, вытѣснивъ здѣсь окончаніе -ъ или нулевое, совпадавшее съ окончаніемъ И. ед.; такимъ образомъ достигалась не только бо̀льшая выразительность падежной формы Р. мн., но и дифференціація ея отъ И. ед. Подобнымъ образомъ въ латинскомъ утвердилось во второмъ именномъ склоненіи мѣстоименное окончаніе -ōrum, чѣмъ также достигалась бо̀льшая выразительность формы Р. мн. и устранялось совпаденіе съ В. ед.

Dativus, Ablativus pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
D. I	áçv-ābhyaḥ	=I. L. pl.	de-ābus terr-īs ↑	жен-амъ	*-bh- *-m-
II	áçv-ēbhyaḥ	=I. L. pl.	=I. pl.	раб-омъ	
III	vāg-bhyáḥ	= L. pl.	vōc-ĭbus	камен-ьмъ	
Ab. I	=D. pl.	=G. pl.	=D. pl.	=G. pl.	=D. pl.
II					
III					

Въ D. Abl. pl. **скт.** -bhyaḥ можно сопоставить съ **лат.** *-bus*, которое произошло изъ -bŏs←*bi̯ŏs. Окончаніе -bus, свойственное третьему склоненію, встрѣчается въ лат. яз. также въ первомъ склоненіи, когда нужно отличить отъ созвучной формы второго склоненія, срв. deābus, filiābus (1-ое скл.) || deis или diis, filiis (2-ое скл.). Такая дифференціація данныхъ словъ установилась во второй половинѣ 2-го дохристіанскаго столѣтія, а первоначально, слѣдуетъ думать, окончаніе -bus было основнымъ окончаніемъ въ первомъ склоненіи, т. е. подобно основамъ на -ē латинскаго пятаго склоненія. Что же касается окончаній -ābus (1 скл.) || -ōbus (2 скл.) въ словахъ ambō и duō, то эта особенность находится вѣроятно въ связи съ тѣмъ, что приведенныя слова первоначально принадлежали по своему склоненію къ двойств. числу. Въ виду *-m-*, свойственнаго окончанію въ сѣв.-зап. группѣ языковъ (герм., лит. и слав.), нужно предположить, что въ *праязыкѣ аріо-европейскомъ* было два окончанія, въ составъ которыхъ входилъ согласный *bh*, или же *m*. Въ окончаніяхъ третьяго склоненія лат. -ĭbus и ст.-сл. -ьмъ начальное ĭ (ь) присоединилось подъ вліяніемъ склоненія основъ на -ĭ-.

Необходимо указать, что въ **славянской** языковой области отъ группы D. Abl. plur. отдѣлился Abl. plur., отошедшій — подобно ед. числу—къ Родит. падежу (Gen.) соотвѣтствующаго числа; такъ какъ Исходный падежъ обычно соединялся въ слав. съ извѣстными предлогами, а въ ед. числѣ при этихъ предлогахъ уже существовала одинаковая форма для обоихъ падежей (Abl. и Gen.), то такое же соотношеніе распространилось и на другія числа и притомъ, вѣроятно, очень рано, во всякомъ случаѣ еще въ праславянскую эпоху, если не въ эпоху литво-славянскаго единства. То же видимъ и въ **греческомъ**.

Instrumentalis pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	áçv-ābhiḥ	χώρ·αις ↑	terr-īs ↑	жен-ами	*-bh- *-m-
II	áçv-āiḥ	ἵππ·οις	equ-īs	раб-ы	*-ōis
III	vāg-bhíḥ	=L. pl.	vōc-ĭbus	камен-ьми	*-bh- *-m-

Въ Instr. pl. окончаніе перваго склоненія въ греч. -αις и лат. -īs, вѣроятно, явилось по аналогіи ко второму склоненію, гдѣ греч. -οις и лат. -īs соотвѣтствуютъ санскритскому -āiḥ. Между тѣмъ санскритъ въ первомъ склоненіи, какъ и въ третьемъ, имѣетъ окончаніе *-bhiḥ*, въ родство съ которымъ можетъ быть поставлено греч. -φι, не имѣющее однако конечнаго s и потому, по-видимому, принадлежавшее первоначально единственному числу (срв. въ литов. akmen-i-mì—Instr. sg., akmen-i-mìs—Instr. pl.).[1] Славянское окончаніе Instr. pl. -ы является неяснымъ; въ окончаніи -ми согласный м эквивалентенъ санскритскому *bh*, такъ что въ праязыкѣ аріо-европейскомъ и здѣсь нужно предположить два окончанія: съ *bh* и съ *m*.

Примѣчаніе. Если мы откажемся отъ попытки выводить фонетическимъ путемъ окончаніе -ы въ I. pl. второго склоненія изъ ае. *-ōis (*-ōis—>*ūis—>ы) то придется искать происхожденія этого окончанія въ праславянскомъ склоненіи основъ на -ŭ-, при чемъ въ числѣ возможныхъ догадокъ можно указать на слѣдующую: окончаніе -ы впервые сложилось

---

[1]) Гомеровскія формы на φι(ν) являются въ смыслѣ разныхъ падежей (ед. и мн. ч.): Instr. (βίηφι), Loc. (θύρηφι, παρὰ ναῦφιν), Gen. и Abl. (διὰ στήθεσφιν, ἀπὸ πασσαλόφι).

въ основахъ на -ĭ- путемъ аналогіи къ той праславянской формѣ второго склоненія, которая отражала собою указанное праязыковое ае. окончаніе *-ōis, благодаря чему въ основахъ на -ĭ- явилось вторичное окончаніе *-ṷis, откуда уже фонетически получилось -ы (срв. И. ед. сложныхъ прилагательныхъ), рядомъ съ первичнымъ окончаніемъ -ьми. Въ дальнѣйшемъ новое окончаніе -ы распространилось на второе склоненіе, благодаря тому, что оно гармонировало съ преобладавшими въ этомъ склоненіи односложными или кратко-двусложными окончаніями, между тѣмъ какъ окончаніе -ьми осталось за словами съ основою на -ĭ-, гдѣ во мн. ч. преобладали двусложныя окончанія. Эпоху перваго появленія окончанія *-ṷis въ праславянскомъ нужно считать очень раннею,—только при этомъ условіи и можно понять сформированіе въ основахъ на -ĭ- путемъ аналогіи дифтонгическаго окончанія (эпоха не можетъ относиться къ временамъ балтійско-славянскаго единства, такъ какъ въ литовскомъ каждое изъ разсматриваемыхъ склоненій сохранило свое первоначальное окончаніе, срв. литов. vilkaĩs ‖ sūnumìs). [1])

Locativus pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	áçv-āsu	χώρ-αις		жен-ахъ	*-ā-sŭ
II	áçv-ēsu	ἵππ-οις (-οισι)	=D. pl.	раб-ѣхъ	*-ŏ-i-sŭ
III	vāk-šú	ὀψί(=ὀπ-σί)		камен-ьхъ	*-sŭ

Общимъ во всѣхъ склоненіяхъ признакомъ Loc. plur. является *-*su*, которое дало въ санскритѣ частію тоже -*su*,

[1]) О разныхъ способахъ объясненія загадочнаго слав. окончанія -ы въ Тв. мн. второго склоненія см. Ляпуновъ Б. М. Формы склоненія въ ст.-сл. языкѣ (1905) стр. 22—24, Эндзелинъ И. Славяно-балтійскіе этюды (1911), стр. 162—165.

частію же при извѣстныхъ условіяхъ -*šu* (см. стр. 43), въ славянскомъ отражается въ видѣ -хъ, а въ греч. какъ -*σι* (гдѣ конечное -*ι* вмѣсто -*υ* объясняется нѣкоторыми аналогіей къ Loc. sg.); въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствующая форма вышла изъ употребленія, замѣнившись формою I. D. Ab. plur. Изъ частностей отмѣтимъ слѣдующее.

Въ санскритѣ въ *первомъ* склоненіи находимъ окончаніе -āsu, во второмъ -ēšu (съ ē дифтонгическаго происхожденія, изъ тематическаго гласнаго второго склоненія + элементъ і передъ собственно окончаніемъ), въ *третьемъ* склоненіи -su или (послѣ *r* и *k*) -šu.

Въ греческомъ языкѣ въ *первомъ* склоненіи встрѣчаемъ въ древнихъ аттическихъ надписяхъ окончанія -*āσι* (послѣ *ι* и *ϱ*) и -*ησι* (послѣ согласныхъ кромѣ *ϱ*), эквивалентныя санскр. -āsu съ указаннымъ отличіемъ по конечному гласному. Но къ началу IV в. до Р. Х. эти окончанія утрачиваются, уступивъ мѣсто новымъ формамъ на -*αις*; однако Loc. plur. съ окончаніями -*āσι* и -*ησι* и притомъ въ безпредложномъ употребленіи въ качествѣ пережитка удержался въ названіяхъ нѣкоторыхъ городовъ, употреблявшихся во мн. ч. (срв. *Θεσπιᾶσι* „въ Ѳеспіяхъ“—городъ въ Беотіи, *Ἀθήνησι* „въ Аѳинахъ“), а также въ двухъ частицахъ мѣста и времени—*θύρᾱσι* „снаружи“ (соб.—у дверей), *ὥρᾱσι* „во́-время“.

Во *второмъ* склоненіи въ тѣхъ же надписяхъ находимъ окончанія -*οισι* и -*οις*, при чемъ послѣднее произошло изъ первоначальнаго Instr. plur.; оба эти окончанія въ аттическомъ до половины V в. до Р. Хр. употреблялись смѣшанно, но затѣмъ окончаніе -*οις* становится единственнымъ, окончаніе же -*οισι* выходитъ изъ употребленія.[1]) Можно думать, что

[1]) Отмѣтимъ, что въ ново-іоническомъ (у Геродота, V в.) видимъ, напротивъ, исключительное господство окончанія -*οισι*, т. е. здѣсь аналогія приняла направленіе противоположное аттическому; однако въ IV в. и здѣсь наблюдается уже исключительное господство окончанія -*οις*, конечно—вслѣдствіе аттическаго вліянія. Въ прочихъ діалектахъ въ надписяхъ извѣстно

именно эта перемѣна въ Loc. plur. второго склоненія вызвала и въ первомъ склоненіи параллельную утрату окончаній -*ᾱσι* и -*ησι* и созданіе новаго окончанія -*αις* по аналогіи къ окончанію -*οις* второго склоненія.

Въ *третьемъ* склоненіи находимъ нормальное окончаніе -*σι*.

Старо-славянскій въ словахъ *перваго* склоненія оканчивается на -ахъ, во *второмъ* склоненіи на -ѣхъ (гдѣ ѣ произошло изъ *ŏi, т. е. подобно санскритскому ē, а х, подобно скт. š, произошло изъ *s), въ *третьемъ* склоненіи на -ьхъ (напр. камен-ьхъ), гдѣ ь передъ собственно падежнымъ признакомъ -хъ обязанъ вліянію основъ на -ĭ- (срв. аналогичное явленіе въ литовскомъ, напр. akmen-isè).

Примѣчаніе. Окончаніе -σι можетъ имѣть на концѣ «ν ἐφελκυστικόν», и я позволю себѣ остановиться на выясненіи происхожденія этого приставочнаго -*n*, считаемаго въ школьныхъ руководствахъ «эвфоническимъ». Изслѣдователи ищутъ для него этимологическаго основанія. Я полагаю, что могло быть два основанія, одно—въ склоненіи, другое—въ спряженіи. Въ склоненіи срв. конечное -*n* въ скт. мѣстоим. склоненіи въ L. sg., напр. tásmin; въ спряженіи конечное -n (изъ *-nt) могло получить свое начало въ 3 множ. прошедшихъ временъ, откуда оно перешло по аналогіи въ 3 мн. наст., напр. φέρουσι(ν), а вслѣдствіе параллелизма формъ 3 мн. и ед. вторичное -ν стало прибавляться и къ формѣ 3 ед., сначала въ такихъ

почти только окончаніе -οις, кромѣ лесбійскаго, надписи котораго представляютъ окончаніе -οισι, напр. θέοισι, νέοισι и пр. (хотя въ членѣ—τοῖς, а не τοῖσι), и только съ конца III в. до Р. Х. распространяется окончаніе -οις, благодаря аттическому вліянію. У Гомера существуютъ обѣ формы второго склоненія, т. е. -οισι и -οις, нерѣдко служа для размѣра, при чемъ различіе семазіологическое Loc. и Instr. выступаетъ между прочимъ благодаря сочетанію съ соотвѣтствующими предлогами, иногда при предпочтительномъ употребленіи формъ на -οισι для локативнаго и формъ на -οις для инструментальнаго значенія; срв. подобный отголосокъ первоначальнаго семазіологическаго различія этихъ окончаній также у лириковъ, напр. у Тиртея: ἐπὶ προμάχοισι «въ переднихъ рядахъ» (Loc.) || παισὶ τε σὺν μικροῖς «и съ малыми дѣтьми» (Instr.). Срв. В. Алексѣевъ О значеніи и употребленіи падежныхъ формъ на -ῃς -οις и -ῃσι -οισι въ I-ой пѣсни Иліады, въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1904, сент., стр. 45—58.

случаяхъ, какъ δίδωσι(ν), а затѣмъ и въ окончаніи -ε, напр. ἔσωσε(ν), при гласномъ началѣ слѣдующаго слова (въ повелит. наклон. -ν въ 3 мн. вполнѣ срослось съ окончаніемъ, къ которому прибавилось). Такія формы, какъ φέρουσι(ν), будучи двоякаго происхожденія (3 мн. наст. и Дат. мн. прич.), являются соединительнымъ пунктомъ для даннаго явленія между склоненіемъ и спряженіемъ, но я пока не рѣшаюсь сказать, въ какомъ отдѣлѣ впервые получилось прибавочное *n*, тѣмъ болѣе, что нужно считаться и съ факторомъ аналогіи; срв. подъ вліяніемъ аналогіи конечнаго созвучія вторичное *-n* стало прибавляться и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ, кончавшихся также на -σι, напр. εἴκοσι(ν).

Разсмотрѣвъ падежныя окончанія по тремъ главнымъ типамъ именного склоненія въ связи съ интонаціей, мы укажемъ въ заключеніе на нѣкоторыя перемѣны въ первоначальномъ удареніи на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей и на вліяніе, оказанное этими перемѣнами на именную флексію. Благодаря тому, что первоначально свободное удареніе затѣмъ въ рядѣ вѣтвей стало обусловливаться опредѣленными положеніями въ словѣ, тѣ склоненія, которыя раньше характеризовались постояннымъ удареніемъ въ праязыкѣ, стали получать въ той или другой степени переходное удареніе. Такъ, въ латинскомъ языкѣ имѣемъ: térra || terrárum, équus || equórum, bónitas || bonitátem и т. п.; аналогичная съ латинскимъ связанность ударенія стала создаваться также въ классическомъ санскритѣ, тогда какъ ведійское удареніе еще сохраняло первичную свободу; въ греческомъ языкѣ тоже въ значительной мѣрѣ утерялся древній типъ постояннаго ударенія, срв. *ἄνθρωπος* „человѣкъ" || *ἀνθρώπου* (Р. ед.) и др., а въ словахъ двусложныхъ видимъ перемѣны въ корневой интонаціи въ зависимости отъ долготы и краткости окончаній, напр. *δῶρον* „даръ" || *δώρου* (Р. ед.) и др. Въ литовскомъ языкѣ, какъ мы указывали (стр. 134, сноска 2), интонація акута перетягивала на себя удареніе съ предшествующаго слога, если этотъ послѣдній имѣлъ интонацію циркумфлекса, и такимъ образомъ возникало переходное удареніе на мѣсто постояннаго, напр. rankà „рука" || rañkos (Р. ед., И. мн.). И т. п. Въ дальнѣйшей эволюціи играетъ видную роль развитіе *баритонизма*,

ведущаго мало по малу къ потерѣ окончаній и развитію *аналитизма*, срв. переходъ народнаго латинскаго языка въ романскіе, средне-индійскаго въ гиндустанскій, средне-иранскаго въ новоперсидскій, возникновеніе аналитизма въ нѣкоторыхъ языкахъ германской вѣтви (напр. въ англійскомъ, шведскомъ), и проч. Указываемый процессъ эволюціи ударенія въ связи съ развитіемъ аналитизма въ нашемъ языковомъ семействѣ представляетъ значительную сложность и разнообразіе, заслуживающія спеціальнаго изученія.

Склоненіе основъ на i/ei/oi, u/eu/ou; замѣчанія объ основахъ на ī, ū.

Склоненіе основъ на -ĭ- и -ŭ- въ аріо-европейскомъ праязыкѣ ближайшимъ образомъ сходствовало съ согласнымъ склоненіемъ и, подобно послѣднему, обнимало основы всѣхъ трехъ родовъ, напр. скт. agníḥ *м.* огонь, ávíḥ *ж.* овца, vári *ср.* вода; sūnúḥ сынъ, dhēnúḥ *ж.* корова, mádhu *ср.* медъ; греч. *πόσις* *м.* супругъ, *πόλις* *ж.* городъ, *σίναπι* *ср* горчица; *πῆχυς* *м.* локоть, *γένυς* *ж.* челюсть, *μέθυ* *ср.* вино; лат. ignis *м.* огонь, ovis *ж.* овца, mare (изъ *marĭ) *ср.* море; senatus *м.* сенатъ, manus *ж.* рука, genu *ср.* колѣно; ст.-слав. пѫть *м.*, нощь *ж.* (слова средняго рода съ основою на -ĭ- отсутствуютъ, срв. слово морѥ, перешедшее во второе склоненіе соотвѣтствующаго рода); сынъ (слова женскаго и средняго рода отсутствуютъ, срв. слово медъ при скт. mádhu и греч. *μέθυ*, изъ средняго рода перешедшее въ муж.); литов. naktìs *ж.* ночь, sūnùs сынъ (въ литов. всѣ основы на -ŭ- муж. рода и почти всѣ основы на -ĭ- жен. рода). Весьма характерная черта въ склоненіи разсматриваемыхъ именъ состоитъ въ томъ, что суффиксальные гласные не остаются неизмѣнными, но представляютъ чередованіе полнаго и краткаго вида (т. е. -ĕi- -ŏi- -ĭ-; -ĕu- -ŏu- -ŭ-), а также и удлиненнаго (-ēi-; -ēu-); нижеслѣдующія таблицы дадутъ понятіе о склоненіи этихъ основъ:

А. Склоненіе основъ на -ĭ-.

	скт.	греч.	латин.	ст.-сл.	литов.
Singul.					
Nom.	ávịḥ *м. ж.*	*πόλις*	ovis	ноштъ	naktìs
Acc.	ávim	*πόλιν*	ovem	ноштъ	nãktį
Voc.	ávē	*πόλι*		ношти	naktẽ
Gen.	ávēḥ ávyaḥ	*πόλεως*	ovis	ношти	naktẽs
Dat.	ávayē	*πόλει*	ovī	ношти	nãkčai
Abl.	=Gen.	=Gen.	ove	=Gen.	=Gen.
Instr.	ávinā *м.* ávyā *ж.*			пѫтьмь *м.* ноштьѭ *ж.* -нѭ	naktimì
Loc.	ávāu			ношти	naktyjè
Dual.					
N. A. V.	ávī	*πόλεε*		ношти	naktì
G. L.	ávyōḥ			ноштью -ню	
D. Ab. I.	ávibhyām	*πολέοιν*		ноштьма	naktim̃
Plur.					
Nom.	ávayaḥ	*πόλεις*	ovēs	пѫтьѥ -нѥ *м.* ношти *ж.*	nãktys
Acc.	ávīn *м.* ávīḥ *ж.*	*πόλεις*	ovēs, -īs	ношти	naktìs
Gen.	ávīnām	*πόλεων*	ovium	ноштьи -ни	nakčũ
Dat.	ávibhyaḥ		ovibus	ноштьмъ	naktìms
Instr.	ávibhiḥ			ноштьми	naktimìs
Loc.	áviṣu	*πόλεσι*		ноштьхъ	naktysè

Б. Склоненіе основъ на ŭ.

	скт.	греч.	латин.	ст.-сл.	литов.
Sing.					
Nom.	sūnúḥ	πῆχυς	manus	сынъ	sūnùs
Acc.	sūnúm	πῆχυν	manum	сынъ	sū́nų
Voc.	sū́nō	πῆχυ		сыноу	sūnaũ
Gen.	sūnṓḥ	πήχεος	manūs	сыноу	sūnaũs
Dat.	sūnávē	πήχει	manuī	сынови -оу	sū́nui
Abl.	=Gen.		manū(d)	=Gen.	=Gen.
Instr.	sūnúnā *м.* dhēnvā́ *ж.*			*сынъмь -омь	sūnumì
Loc.	sūnā́u -ávi			сыноу	sūnūjè
Dual.					
N. A.	sūnū́	πήχεε		сыны	sū́nu
G. L.	sūnṓḥ			сыновоу	
D. Ab. I.	sūnúbhyām	πηχέοιν		сынъма	sūnum̃
Plur.					
Nom.	sūnávaḥ	πήχεις	manus	сынове	sū́nūs
Acc.	sūnū́n *м.* dhēnū́ḥ *ж.*	πήχεις	manus	сыны	sū́nūs
Gen	sūnūnā́m	πηχέων	manuum	сыновъ	sūnũ
Dat.	sūnúbhyaḥ		manubus -ibus	*сынъмъ -омъ	sunùms
Instr.	sūnúbhiḥ			сынъми сыны	sūnumìs
Loc.	sunúšu	πήχεσι		сынъхъ	sūnůsè

Чтобы лучше оріентироваться въ приведенныхъ таблицахъ, мы проанализируемъ нѣсколько формъ.

Nom. sing. оканчивается на -s, а суффиксальный элементъ является въ слабомъ или краткомъ видѣ.

Nom. plur. Въ основахъ на -ĭ-, на основаніи почти полнаго согласія языковъ-представителей, мы можемъ принять, что въ данной формѣ праязыка суффиксальный элементъ имѣлся въ первомъ полномъ видѣ, сопровождаясь падежнымъ окончаніемъ согласнаго склоненія *-ĕs, напр. *ŏv-ĕį-ĕs; при этомъ второй компонентъ суффиксальнаго дифтонга соединялся въ одинъ слогъ съ слѣдующимъ гласнымъ, и такимъ образомъ дифтонгъ распадался въ слоговомъ отношеніи. [1]) Примѣры образованія по отдѣльнымъ языкамъ: скт. ávayaḥ, греч. *πόλειες, откуда, съ исчезновеніемъ полугласнаго į въ положеніи между гласными еще въ прагреческую эпоху, получилось изъ слитія двухъ краткихъ e долгое ē, въ однихъ діалектахъ (напр. дорическомъ) бывшее болѣе открытымъ, а въ другихъ (напр. іоническо-аттическомъ) — болѣе закрытымъ, откуда и разница въ обозначеніи окончаній: дорич. -ης атт. -εις; латин. представляетъ параллель греческому: ovēs изъ *ovĕįĕs; ст.-слав. пѫтьѥ или пѫтиѥ (съ исчезнувшимъ въ концѣ s): здѣсь передъ падежнымъ окончаніемъ видимъ сохраненіе j (изъ į), который въ славянской языковой области между гласными не исчезалъ (въ отличіе отъ греч. и лат.), при чемъ предшествующій ь, происшедшій изъ ослабленія ĕ передъ j, могъ затѣмъ діалектически удлиняться въ и; въ женскомъ родѣ ношти явилось по аналогіи къ Acc. plur.

---

[1]) Данный примѣръ хорошо поясняетъ, какъ сильно иногда слоговое дѣленіе слова (ŏ|vĕ|įĕs) можетъ расходиться съ морфологическимъ (ŏv-ĕį-ĕs): начальный слогъ состоитъ здѣсь изъ одного гласнаго, т. е. изъ части корня; дальнѣйшій слогъ обнимаетъ вторую половину корня и первый элементъ суффикса; наконецъ, послѣдній слогъ составился изъ второго элемента суффикса и падежнаго окончанія.

Основы на -ŭ- представляютъ параллельныя образованія. Такъ, для аріо-европейскаго праязыка можемъ предположить напр. форму *sū-|nĕ|u̯-ĕs. По отдѣльнымъ языкамъ имѣемъ: скт. sūnávaḥ; греч. πήχεϜες, откуда съ исчезновеніемъ междугласнаго Ϝ, получилась аттич. форма πήχεις, представляющая параллель къ πόλεις, хотя въ прагреческомъ параллелизмъ между этими склоненіями былъ нарушенъ исчезновеніемъ междугласнаго i̯ при сохраненіи междугласнаго Ϝ, исчезнувшаго уже въ историческое время на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ (т. о. въ прагреческомъ имѣлось *πολεi̯ες || *παχεϜες); латин. manūs, гдѣ -ūs изъ *-ŭ-es, т. е. окончаніе присоединилось къ суффиксу въ слабомъ видѣ; ст.-славян. сыновє (съ измѣненіемъ *е* въ *о* въ суффиксѣ и исчезновеніемъ конечнаго s).

Genit. sing. Суффиксальный элементъ въ основахъ на -ĭ- и -ŭ- обычно является въ полномъ (дифтонгическомъ) видѣ, а присоединявшееся падежное окончаніе въ слабомъ видѣ (т. е. *-s изъ *ᵉs); отсюда—скт. ávēḥ (изъ индо-иран. *avais), sūnōḥ (изъ индо-иран. *sūnaus); ст.-слав. нощти, сыноу; литов. naktẽs, sūnaũs; [1]) греческій языкъ представляетъ отступленіе въ томъ отношеніи, что, имѣя суффиксъ въ полномъ видѣ, присоединялъ къ нему и окончаніе тоже въ полномъ видѣ, напр. πόλεος, πήχεος; встрѣчающаяся у Гомера форма πόληος предполагаетъ въ суффиксальномъ слогѣ дифтонгъ съ первымъ долгимъ компонентомъ (т. е. *ēi̯), вѣроятно по аналогіи къ Loc. sg.; это образованіе было и въ аттич. діалектѣ, гдѣ оно однако измѣнилось такимъ образомъ, что ηο—>εω, т. е. губной гласный взялъ перевѣсъ надъ предшествующимъ палятальнымъ и удлинился на его счетъ; въ въ другихъ діалектахъ въ склоненіи проведена основа съ

[1]) Такъ какъ литов. ė при интонаціи циркумфлекса должно было бы имѣть соотвѣтствіемъ ст.-сл. ѣ, тогда какъ здѣсь оказывается и, то противорѣчіе можно устранить предположеніемъ, что суффиксальный элементъ имѣлся въ первомъ, а не второмъ полномъ видѣ, т. е. происходитъ изъ *ĕi

слабымъ суффиксомъ, напр. *πόλιος* (G. sg.) и т. п.; латин. avis, manūs.

Сдѣланныхъ нами замѣчаній достаточно, чтобы имѣть представленіе объ особенностяхъ склоненія основъ на -ĭ- и -ŭ-; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ основахъ на ī- и ū-. Нѣкоторыя изъ этихъ основъ, преимущественно односложныя, принимали окончанія третьяго склоненія (при чемъ передъ окончаніями, начинавшимися съ гласнаго, ī- и ū- извѣстнымъ образомъ видоизмѣнялись, см. стр. 16); но часть основъ ж. р. неодносложныхъ имѣли нѣкоторыя формы сходно съ первымъ склоненіемъ, напр. отъ devī́ „богиня"—G. sg. dēvyā́ḥ, D. sg. dēvyāí и др. Причина этого явленія лежитъ въ томъ, что не всѣ основы на ī- имѣли въ концѣ постоянное ī-, т. е. проходившее по всему склоненію съ указанною фонетическою варіацiей, но нѣкоторыя основы представляли еще въ праязыкѣ чередованіе этого долгаго гласнаго съ *-i̯ā- и *-i̯ē-, и тогда ī было уже не самостоятельнымъ и постояннымъ гласнымъ, а продуктомъ редукціи этихъ фонемъ и представляло слабый видъ, получившійся черезъ посредствующую стадію *-iə-, которая извѣстна изъ греческаго, напр. *πότνιᾰ* (=скт. patnī) „госпожа", и т. о. становится понятнымъ склоненіе *ποτνίᾱς* (G. sg.), *ποτνίᾳ* и пр. въ соотвѣтствіи съ скт. dēvyā́ḥ, dēvyāí и др. Основы на ū- по-видимому имѣли только ū, такъ какъ въ греч. и латин. не обнаруживаются образованія *-u̯ā- *-u̯ē- и *-u̯ə-, а потому санскритскія формы съ окончаніями характерными для перваго склоненія возникли въ этихъ основахъ вѣроятно по аналогіи съ основами на -ī- (срв. скт. vadhvā́ḥ „невѣсты", G. sg.).

Изученіе направленій въ дѣйствіи аналогіи въ области именного склоненія.

Мы уже указывали (см. сноску на стр. 109), что дѣйствіе морфологическаго фактора **аналогіи** въ жизни языка является такъ же *закономѣрнымъ*, какъ и дѣйствіе фонети-

ческихъ факторовъ. Правда, нѣкоторые изъ случаевъ предполагаемаго дѣйствія аналогіи являются пока спорными и недостаточно установленными, но такіе же неясные случаи нерѣдко встрѣчаются и среди чисто-фонетическихъ явленій; болѣе того—если аріо-европейское склоненіе представляетъ значительное количество спорныхъ случаевъ объясненія формъ посредствомъ аналогіи, то это происходитъ главнымъ образомъ отъ недостаточной разъясненности фонетической исторіи многихъ окончаній.

При изученіи явленій аналогіи нужно прежде всего различать случаи *аналогіи матеріальной*, т. е. въ области основы, и *формальной* или въ сферѣ окончаній. Мы остановимся здѣсь на послѣдней категоріи случаевъ, чтобы подвести итогъ нашему предшествующему обзору падежныхъ окончапій. [1]) Явленія формальной аналогіи представляютъ въ свою очередь два главныхъ вида, именно: а) аналогія *внутренняя*, когда окончаніе одного падежа распространяется на форму другого падежа въ томъ же самомъ типѣ (или

---

[1]) Что касается аналогіи *матеріальной* въ склоненіи, то вотъ нѣсколько примѣровъ: скт. Зват. ед. vr̥ka вм. ожидаемаго *vr̥ca (срв. греч. λύκε, гдѣ на концѣ гласный смягчающій)—по аналогіи къ прочимъ падежамъ, имѣвшимъ въ концѣ основы не-смягченный звукъ *k*; греч. Д. мн. πόλεσι, πήχεσι вм. *πόλισι, *πήχυσι—по аналогіи къ другимъ трехсложнымъ падежнымъ формамъ тѣхъ же словъ (напр. Р. ед. πόλεως, πήχεος); Р. ед. κέρατος «рóга» рядомъ съ κέρως (изъ *κέρασος)—по аналогіи съ основами на -ατ- (напр. σῶμα σώματος), съ которыми слова подобныя данному совпадали въ Д мн.; кромѣ того, имѣется рядъ случаевъ аналогіи относительно ударенія, напр. χρυσοῦς «золотой» вм. *χρύσους, περίπλου Р. ед. «плаванья вокругъ» вм. *περιπλοῦ, и т. п., но въ этихъ примѣрахъ можно говорить какъ о матеріальной, такъ и формальной аналогіи, т. е. какъ о распространеніи ударяемаго или же неударяемаго вида основы, такъ и о распространеніи ударяемаго или же неударяемаго типа окончаній. Такая двойственность воззрѣнія происходитъ отъ того, что основа всегда является въ соединеніи съ окончаніями, при чемъ если основа не имѣетъ ударенія, то значитъ—сопровождается удареніемъ окончапіе, и наоборотъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что не всегда можно провести рѣзкую границу между двумя видами аналогіи.

подъ вліяніемъ смыслового соприкосновенія данныхъ падежей, или же благодаря моменту пропорціональности, или — наконецъ — при совмѣстномъ участіи обоихъ моментовъ), б) аналогія *внѣшняя* или *сторонняя*, когда окончаніе извѣстнаго падежа переносится въ другой типъ склоненія на форму соотвѣтствующаго падежа; при этомъ какъ тотъ, такъ и другой видъ аналогіи—какъ мы видѣли—протекаетъ при одновременномъ участіи момента дифференціаціи. Такъ какъ явленія аналогіи, кромѣ того, тѣсно связаны съ фонетическими процессами, а эти послѣдніе въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего языкового семейства представляютъ свои особенности, то, въ значительной зависимости отъ этихъ послѣднихъ, и дѣйствіе аналогіи принимаетъ въ тѣхъ же вѣтвяхъ нерѣдко *неодинаковые ходъ и направленіе*, при чемъ какъ фонетическія явленія въ каждомъ языкѣ представляютъ гармоническую систему, такъ и проявленія аналогіи тѣсно связаны между собою взаимною *гармоніей*.

Изученіе направленій въ дѣйствіи аналогіи на почвѣ отдѣльныхъ языковыхъ вѣтвей важно не только потому, что обрисовываетъ *морфологическую физіономію* соотвѣтствующаго языка, но также и въ методологическомъ отношеніи, служа къ выработкѣ *критеріевъ* пріемлемости того или другого объясненія аналогіей, ибо даетъ возможность видѣть, насколько предлагаемое объясненіе гармонируетъ съ установленными типами въ дѣйствіи аналогіи на почвѣ данной языковой вѣтви. Представимъ теперь хотя бы въ самомъ общемъ видѣ, на основаніи вышеизложеннаго обзора формъ склоненія, характеристику направленій въ дѣйствіи аналогіи въ изучаемыхъ нами языкахъ-представителяхъ аріо-европейскаго семейства. [1])

---

[1]) Срв. въ Р. Ф. В. 1895, № 1—2, въ моей статьѣ «Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка», стр. 222—229 (=Очерки по языковѣдѣнію и рус. яз. 1910[3] стр. 275—282).

Санскритъ. а) Именное склоненіе въ этомъ языкѣ удерживаетъ дифференцированность падежныхъ формъ и благодаря этому не представляетъ замѣтныхъ случаевъ проявленія *внутренней* аналогіи.

б) Что касается дѣйствія *сторонней* аналогіи, то именное и мѣстоименное родовое склоненія стоятъ, по-видимому, довольно раздѣльно (случаи вліянія мѣстоименнаго склоненія на именное не являются общепризнанными) и такимъ образомъ взаимодѣйствіе происходитъ преимущественно между именными типами склоненія:

1) къ случаямъ вліянія мѣстоименнаго склоненія мы отнесли окончаніе -sya въ Gen. sg. второго склоненія;

2) рядъ явленій взаимодѣйствія по аналогіи замѣчается по отношенію къ формамъ G., D., I. и L. sg. перваго скл. и основъ на -ī-, хотя нѣкоторые изслѣдователи усматриваютъ въ этихъ случаяхъ вліяніе на первое именное склоненіе со стороны родового мѣстоименнаго склоненія ж. р.;

3) отмѣтимъ, наконецъ, вліяніе аналогіи по отношенію къ обоимъ гласнымъ склоненіямъ со стороны третьяго склоненія основъ на *-n-*, выразившееся въ передачѣ этого *n* гласнымъ склоненіямъ (I. sg. второго склоненія, а также N. pl. того же склоненія ср. р., и G. pl. обоихъ гласныхъ склоненій), хотя и здѣсь нѣкоторыми изслѣдователями предполагается отчасти вліяніе со стороны соотвѣтствующихъ формъ родового мѣстоименнаго склоненія.

Греческій языкъ. а) Этотъ языкъ, въ отличіи отъ санскрита, представляетъ рядъ случаевъ проявленія *внутренней* аналогіи въ именномъ склоненіи, именно:

1) примѣненіе формы G. sg. для Abl. sg. во второмъ склоненіи (срв. *ἀπὸ τοῦ ἵππου*);

2) распространеніе въ обоихъ гласныхъ склоненіяхъ формы D. sg. на L. sg. (срв. *ἐν τῇ χώρᾳ, ἐν τῷ ἵππῳ*), между тѣмъ какъ въ третьемъ склоненіи (а діалектически и въ

гласныхъ склоненіяхъ) произошло распространеніе окончанія L. sg. (-ι) на D. sg.;

3) въ области третьяго склоненія во многихъ основахъ N. sg. функціонируетъ и какъ Voc. sg. [1])

б) По отношенію къ *сторонней* аналогіи всѣ три типа именного склоненія въ древнемъ состояніи языка оказываются довольно прочно дифференцированными; изъ случаевъ аналогіи отмѣтимъ:

1) вліяніе родового мѣстоименнаго склоненія проявилось въ слѣдующихъ случаяхъ: въ первомъ склоненіи въ отношеніи G. pl., а во второмъ склоненіи въ G. sg. муж. и сред. рода и въ N. pl. муж. рода, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ новообразованная форма вызвала черезъ посредство пропорціональной аналогіи появленіе параллельной формы въ первомъ склоненіи (т. е. напр. *λύκ-οι* ↑ къ *οὗτοι*, а *χῶρ-αι* ↑ къ *λύκ-οι*); [2])

2) въ области взаимодѣйствія между самими именными типами нужно отмѣтить вліяніе второго склоненія на первое; сюда относятся кромѣ только-что указаннаго случая N. pl. также еще Dat. pl. перваго склоненія, гдѣ окончаніе *-αις* образовалось по типу окончанія второго склоненія *-οις*; прибавимъ еще вторичное окончаніе G. sg. *-ου* въ словахъ м. р. перваго склоненія, напр. *τοῦ νεανίου*.

Латинскій языкъ. а) Изъ случаевъ *внутренней* аналогіи отмѣтимъ:

1) -ae въ G. и D. sg. перваго склоненія по аналогіи къ L. sg.;

---

[1]) Не лишне замѣтить, что смѣшеніе падежныхъ формъ въ области греческаго склоненія постепенно вело къ аналитизму, который мы и наблюдаемъ въ разговорномъ ново-греческомъ, особенно же—въ законскомъ діалектѣ.

[2]) Знакомъ ↑ я пользуюсь для обозначенія аналогіи.

2) -ī въ G. sg. второго склоненія, гдѣ можно видѣть вліяніе L. sg.;

3) -ē въ I. sg. третьяго склоненія можетъ отражать собою также L. sg. (при предположеніи -ĕ←*-ĭ);

4) смѣшеніе падежей D., Abl., I. и Loc. pl. во всѣхъ склоненіяхъ.

Какъ и въ греческомъ языкѣ, смѣшеніе падежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ, возрастая съ ходомъ времени, привело къ аналитизму романскихъ языковъ, т. е. къ возникновенію препозиціонной флексіи.

б) *Сторонняя* аналогія въ латинскомъ языкѣ выразилась главнымъ образомъ во вліяніи родовой мѣстоименной флексіи на гласныя склоненія и во вліяніи склоненія основъ на -ĭ- на третье согласное склоненіе:

1) къ первому случаю аналогіи относится появленіе окончанія -ī къ N. pl. второго склоненія, а также окончаній G. pl. въ обоихъ гласныхъ склоненіяхъ (-ārum, -ōrum);

2) для второго случая аналогіи, т. е. въ области вліянія склоненія основъ на -ĭ- на согласное, укажемъ на окончанія: -ī D. sg., -ēs въ N. pl. и -ĭ-bus въ D. pl.

Старо-славянскій языкъ. а) Относительно *внутренней* аналогіи замѣтимъ, что хотя въ старославянскомъ и встрѣчается смѣшеніе между падежами одного и того же склоненія, но оно не столь значительно, чтобы вести къ аналитизму (вездѣ въ современныхъ славянскихъ языкахъ мы видимъ сохраненіе синтетическаго типа склоненія, кромѣ языка новоболгарскаго, гдѣ аналитизму способствовало смѣшеніе славянскаго племени съ инородческимъ элементомъ). Изъ случаевъ *внутренней* аналогіи отмѣтимъ:

1) -ъ въ N. sg. второго склоненія м. р. по аналогіи къ Acc. sg.;

2) -а въ G. sg. того же склоненія ↑ къ Abl. sg.;

3) -ы (-ѧ) въ N. pl. и G. sg. перваго склоненія ↑ къ Acc. pl.;

4) -оу въ D. sg. въ основахъ на -ŭ- ↑ Loc. sg.

б) По отношенію къ *сторонней* аналогіи отмѣтимъ прежде всего постепенное паденіе согласнаго склоненія, переходящаго въ гласное (при сохраненіи однакожъ остатковъ въ видѣ такъ наз. склоненія „съ наращеніемъ"), а въ связи съ этимъ—развитіе родовой дифференціаціи склоненій. [1]) Въ частности отмѣтимъ слѣдующіе случаи сторонней аналогіи:

1) -о въ N. Acc. sg. словъ ср. р. второго склоненія ↑ къ мѣстоименному склоненію (напр. то) и отчасти къ именному сигматическому (напр. нєбо); также аналогіей къ родовому мѣстоименному склоненію объясняется окончаніе N. pl. -и въ словахъ второго скл. м. р.;

2) -оу въ D. sg. второго скл. ↑ къ склоненію основъ на -ŭ- (срв. другіе случаи взаимодѣйствія между этими склоненіями, указанные выше въ сноскѣ на стр. 109);

3) окончанія -ь-мь (I. sg.), -ь-мъ (D. pl.), -ь-ми (I. pl.) и -ь-хъ (L. pl.) въ согласномъ склоненіи получили -ь- подъ вліяніемъ склоненія основъ на -ĭ.

Имя прилагательное въ отношеніи словообразованія и словоизмѣненія; степени сравненія.

Подобно именамъ существительнымъ и прилагательныя въ отношеніи словообразованія распадаются на **простыя** и **сложныя**. Простыя прилагательныя частію образованы непосредственно отъ корня (срв. скт. náv-a-ḥ „новый, молодой" = греч. *νέ(ϝ)-ο-ς* и пр.), а частію отъ другого слова (напр. греч. *πατήρ*<*πάτ̣ρ-ιος*, гдѣ для производства послужила основа съ

[1]) Относительно послѣдняго см. въ моемъ Общемъ курсѣ рус. грам. (1913⁴) стр. 429—431.

нулевымъ видомъ суффикса). При этомъ суффиксы прилагательныхъ частію одинаковы съ суффиксами существительныхъ (напр. суф. *-nŏ-, срв. reg-num „царство" || mag-nus „большой"), частію же различны (напр. суф. *-vent- для обозначенія обладанія; срв. греч. *φωνή* „голосъ" < *φωνή-(Ϝ)εντ-*, откуда N. sg. *φωνή-εις* „обладающій голосомъ"). Примѣромъ сложныхъ прилагательныхъ можетъ служить, напр., греч. *ἀργυρό-τοξος* „сребролукій" (съ поссесивнымъ значеніемъ), получившееся изъ сочетанія двухъ существительныхъ. Среди сложныхъ прилагательныхъ — какъ это мы видѣли также въ существительныхъ — есть и такія, въ которыхъ второй членъ сложенія является въ видѣ корня, не распространеннаго ни тематическимъ гласнымъ, ни суффиксомъ, напр. скт. vēda-víd- „знающій веды", гдѣ вторымъ членомъ сложенія служитъ глагольный корень въ причастномъ значеніи. [1])

Что касается словоизмѣненія, то вообще прилагательныя склоняются подобно существительнымъ; въ санскритѣ нѣкоторыя прилагательныя, стоящія по значенію на рубежѣ съ прилагательными мѣстоименіями, какъ напр. pū́rvaḥ „первый, передній, прежній", sárvaḥ „весь", встрѣчаются въ нѣкоторыхъ падежахъ съ мѣстоименными окончаніями (срв. G. pl. pū́rvā*sam* и т. п.).

Степени сравненія прилагательныхъ въ аріо-европейскомъ языковомъ семействѣ представляютъ два главныхъ типа суффиксальнаго образованія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

---

[1]) Среди сложныхъ прилагательныхъ выступаетъ особая группа, гдѣ вторымъ членомъ было прилагательное, способное имѣть въ качествѣ перваго члена большое разнообразіе другихъ словъ, благодаря чему оно могло понизиться въ своемъ значеніи до роли суффикса; особенно германская вѣтвь богата этимъ типомъ суффиксовъ для образованія прилагательныхъ напр. англ. beauty «красота» < beautiful (произн. bjūtifl) «прекрасный», гдѣ суф. -ful родственъ съ прил. full (произн. fŭl, съ твердымъ l на концѣ) «полный» = нѣм. voll; срв. выше стр. 69—70.

		скт.	греч.	лат.	ст.-сл.
I	сравн. степ.	-tarah̥	-τερος	!-ter	!-теръ или -торъ
	превосх. степ.	-tamah̥	-τατος	-timus	—
II	сравн. степ.	-īyān (м. р.) ‖ -īyah̥ (сред. р.)	-ιων- ‖ -ιον	-ior ‖ -ius	-ьн ‖ -ıє (-нн)
	превосх. степ.	-išṭhah̥	-ιστος	-timus	—

Сдѣлаемъ теперь нѣкоторыя замѣчанія объ особенностяхъ отдѣльныхъ языковъ.

Санскритъ. Въ типѣ *-tarah̥* суффиксы сравнительной и превосходной степени присоединяются къ основѣ прилагательнаго, тогда какъ въ типѣ *-īyān* непосредственно къ корню; напр.

náva-h̥ „новый"<náva-tarah̥, náva-tamah̥, срв. греч. *νέος*<*νεώτερος*, *νεώτατος*;

āçú-h̥ „скорый"<ā́ç-īyān, [1]) ā́ç-išṭhah̥, срв. греч. *ὠκύς*< *ὠκ-ίων*, *ὤκ-ιστος*.

При этомъ мы замѣчаемъ, что въ первомъ типѣ суффиксы присоединяются къ несокращенной основѣ прилагательнаго; что касается второго типа, то можно думать, что образованіе сравн. и превосх. степени развилось еще тогда, когда самыя прилагательныя были корневыми, а такъ какъ затѣмъ эти послѣднія въ положит. степени получили

[1]) Вмѣсто -īyān иногда встрѣчается также -yān.

распространеніе посредствомъ суффиксовъ, то чрезъ это формы сравн. и превосх. степени стали въ новое отношеніе къ распространенной суффиксомъ положительной степени, а именно—кажется такъ, что какъ будто прилагательныя усѣкаются для образованія сравнительной и превосходной степени. Относительно *ударенія* надо замѣтить, что въ первомъ типѣ оно бываетъ всегда постояннымъ, т. е. въ сравн. и превосх. степени удерживается на томъ слогѣ, на которомъ стоитъ въ положительной; во второмъ же типѣ удареніе въ сравнит. и превосх. степени всегда приходится на корнѣ, независимо отъ типа ударенія въ положит. степени, благодаря чему оно нерѣдко оказывается переходнымъ. Въ связи съ типомъ ударенія находится *характеръ корневого вокализма.* Въ первомъ типѣ вслѣдствіе одинаковости ударенія во всѣхъ трехъ степеняхъ и корневой вокализмъ оказывается одинаковымъ. Что касается второго типа, то въ немъ въ случаѣ переходнаго ударенія, т. е. при удареніи въ положительной степени на конечномъ слогѣ, имѣется градація корневого вокализма, срв. скт. kš*u*dráḥ „малый“<kšṓd-īyān. Что касается *склоненія*, то только сравнительная степень второго типа относится въ м. и ср. р. къ третьему склоненію (въ ж. р. окончаніе -ī, напр. kšṓd-īyas-ī), всѣ же остальныя образованія—ко второму (а въ ж. р. къ первому). Кромѣ того, второй типъ сравнит. степени въ м. и ср. родѣ представляетъ извѣстную градацію вокализма въ суффиксальномъ слогѣ, напр. N. sg. kšṓdīy*ā*n (ср. р. kšṓdīy*a*ḥ), [1]) Ac. sg. kšṓdīy*ā*s-am (въ ср. р.=N. sg.), G. sg. kšṓdīy*a*s-aḥ). Что касается сильныхъ падежей, то основа представляетъ передъ конечнымъ согласнымъ носовой инфиксъ (обязанный своимъ появленіемъ дѣйствію аналогіи), такъ что здѣсь признакъ сравн. степени восходитъ къ *-īi̯ons-. [2])

[1]) Въ окончаніи ср. р. -īyaḥ конечное ḥ происходитъ изъ *s (также и въ формахъ на -taraḥ, -tamaḥ, -išṭhaḥ).

[2]) Въ суффиксѣ превосх. степ. скт. -išṭha=греч. -ιστο- уже давно видятъ присоединеніе къ редуцированному суффиксу сравн. степени (-is)

Въ греческомъ языкѣ суффиксы *-τερος* и *-τατος*, служащіе для образованія перваго типа степеней сравненія, послужили въ исторіи греческаго языка для цѣлаго ряда новообразованій по аналогіи. Прежде всего отмѣтимъ, что сокращеніе основы въ прилагательныхъ второго склоненія вызвало соотвѣтствующее переразложеніе и въ сравнительной (превосходной) степени, давъ такимъ образомъ начало болѣе длинному суффиксу *-ότερος* или *-ώτερος* [1]), который затѣмъ появляется и въ нѣкоторыхъ согласныхъ основахъ, срв. *ἐπιχαριτ-ώτερος* „болѣе пріятный". Съ другой стороны, въ ту же эпоху сокращенныхъ основъ рядомъ съ болѣе длиннымъ суффиксомъ сохранялся тотъ же суффиксъ и въ своемъ первоначальномъ видѣ, благодаря существованію въ языкѣ основъ другого образованія, срв. *γλυκύ-ς* „сладкій" <*γλυκύ-τερος*; въ свою очередь и этотъ суффиксъ, сохранявшійся въ первичномъ видѣ, распространяется на нѣкоторыя прилагательныя второго склоненія (съ сокращенной основой), главнымъ образомъ на прилагательныя съ окончаніемъ *-αιος*, напр. *γεραι-ός* „старый"<*γεραί-τερος* (сюда же относится гомер. *φίλ-τερος* отъ *φίλ-ος* „милый"); затѣмъ новое окончаніе *-αίτερος* переходитъ по аналогіи на нѣкоторыя прилагательныя другого образованія, напр. *μέσ-ος* „средній"<*μεσ-αίτερος*. Также путемъ переразложенія возникаетъ суф. *-έστερος* на почвѣ сократившихся сигматическихъ основъ третьяго склоненія (напр. *σαφ-ής* „ясный"<*σαφ-έστερος*) и затѣмъ переходитъ по аналогіи на другія основы, срв. *εὐδαίμων* „счастливый"<*εὐδαιμον-έστερος*.

новаго суффикса, употребляющагося въ качествѣ самостоятельнаго для образованія порядковыхъ числительныхъ (срв. скт. šaš-ṭháḥ ≠ греч. ἕκ-το-ς ≠ лат. sex-tu-s «шестой»). См. Scleicher Compendium (1866)^2 § 234, стр. 488.

[1]) Присутствіе ο или же ω въ началѣ этихъ суффиксовъ обусловлено ритмическимъ моментомъ: ο—послѣ долгаго гласнаго, ω—послѣ краткаго срв. κουφ-ότερος «болѣе легкій», σοφ-ώτερος «болѣе мудрый»).

Типъ *ἄχαρ-ις* „непріятный“<*ἀχαρ-ίστερος* (изъ **ἀχαρίτ-τερος*) далъ начало суффиксу сравн. степени *-ίστερος*, который распространился затѣмъ на нѣкоторыя прилагательныя другого образованія, ср. *λάλ-ος* „говорливый“<*λαλ-ίστερος* и др. [1]) Что касается второго типа степеней сравненія (*-ίων*, *-ιστος*), то въ греческомъ языкѣ уже не такъ отчетлива, какъ въ санскритѣ, градація ударенія и корневого вокализма, хотя все-таки встрѣчаемъ примѣры ея, срв. *ὀλίγος* „немногій“< *ὀλείζων* и нѣк. др. Подобно санскриту и въ греческомъ носовой элементъ въ суффиксѣ сравнит. степени вториченъ (срв. *ἡδ-ίων*, *Р. ἡδ-ίον-ος*—сравн. степень отъ *ἡδύς* „пріятный“), [2]) остатки же первичнаго образованія находимъ въ сокращенныхъ формахъ (напр. въ В. ед. *ἡδ-ΐω*, гдѣ *-ΐω*← **-ΐοσ-α*←ае. *-ījo-sm̥).

Латинскій языкъ. [3]) Изъ формъ перваго типа степеней сравненія скончаніе *-ter* сохраняется лишь въ отдѣльныхъ словахъ, указывающихъ собственно не на сравнительное превосходство по качеству, а только на противоположеніе двухъ предметовъ (uter, alter, neuter); [4]) суффиксъ же *-timus* продолжаетъ еще существовать въ нѣкоторыхъ образованіяхъ превосходной степени (срв. fini-timus „самый крайній“, op-timus „наилучшій“ и др.), вообще же онъ уступилъ свое мѣсто другому суффиксу — *issimus* (суффиксы

---

[1]) Срв. психологическій анализъ разсматриваемаго процесса въ моей статьѣ «О морфологической абсорпціи» въ Р. Ф. В. т. VI (1881 г.) стр. 65—67 (§ 8) и стр. 73—74 (§ 12).

[2]) Въ суф. -ίων (-ίον-ος) видятъ суф. сравн. степени *-is- (т. е. въ слабомъ видѣ)+новый суффиксъ -ων, см. Мейе А. Введеніе въ сравн. грамм. индо-европ. язз. (пер. проф. *Д. Кудрявскаго*), 1914^{2}, стр. 239—240.

[3]) О степеняхъ сравненія въ латинскомъ языкѣ см. Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre (1902), §§ 302–303.

[4]) Вѣроятно, это было и первоначальное значеніе суффикса, давшее затѣмъ начало значенію сравнительной степени, такъ какъ указательное противоположеніе означало вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшій или болѣе подходящій изъ двухъ предметовъ.

-errimus и -illimus въ такихъ случаяхъ, какъ miser-rimus facil-limus, получились путемъ ассимиляціи изъ *-er-simus и *il-simus). Что касается второго типа степеней сравненія, то суффиксъ -isto- совершенно утратился въ латинскомъ языкѣ (его пережитокъ усматриваютъ въ нарѣчіи juxta „возлѣ“ изъ *jug-istā „связнѣйшимъ образомъ“, срв. jugum, jungo), но зато соотвѣтствующій суффиксъ сравнительной степени (-ior -ius) получилъ общую употребительность. Первоначально въ формѣ И. ед. онъ имѣлъ видъ *-iōs въ муж. р. и *-iŏs въ ср. р., въ косвенныхъ же падежахъ долженъ былъ содержать краткій гласный; но затѣмъ въ муж. родѣ между формою И. ед. и формами другихъ падежей произошло путемъ аналогіи взаимное уподобленіе: И. ед. передалъ другимъ падежамъ свой долгій суффиксальный гласный, а самъ получилъ отъ нихъ *r* вмѣсто конечнаго s, при чемъ первый изъ этихъ процессовъ предшествовалъ по времени второму, происшедшему въ сравнительно позднее время, срв. абстрактныя существительныя на *-or -oris*, которыя у болѣе раннихъ писателей еще оканчивались на -ōs -ōris, напр. odōs у Плавта, а honōs употреблялось еще и въ классическое время; такимъ образомъ можно предположить слѣдующій порядокъ взаимодѣйствій по аналогіи: 1) -iōs -iŏz-is(↑), 2) -iōs iōr-is, 3) -ior(↑) -iōr-is. Такъ какъ въ прилагательныхъ формами косвенныхъ падежей муж. рода пользовался также и средній родъ, то указанное новообразованіе косвенныхъ падежей (долгій суффиксальный гласный) усваивалось и среднимъ родомъ. Первичное склоненіе ср. р. удержалось въ соотвѣтствующихъ существительныхъ, срв. vulnus vulnĕr-is и пр.

Старо-славянскій языкъ. Въ славянской языковой области изъ всѣхъ суффиксовъ, служащихъ для образованія степеней сравненія въ языкахъ нашего семейства, утвердился только суффиксъ сравнительной степени второго типа, изъ прочихъ же суффиксовъ одинъ встрѣчаемъ въ пережиткахъ,

напр. к*о*т*о*р*ы*й, в*т*о*р*о*й (срв. латин.), а другой, по-видимому, отражается какъ обыкновенный суффиксъ въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ существительныхъ и выражающихъ обладаніе извѣстнымъ признакомъ въ преувеличенной степени—г о л о с *и с т* ы й, р ѣ ч *и с т* ы й (срв. скт. -iṣṭhaḥ и греч. -*ιστος*). Что касается славянскаго суффикса сравнительной степени, то онъ яснѣе всего обнаруживается въ И.-В. ед. ср., напр. ст.-сл. мьнѥ, гдѣ мягкое н (т. е. н҄-) получилось путемъ слитія корневого *n* съ начальнымъ i̯ суффиксальнаго слога *-i̯ŏs или *-i̯ĕs), во всѣхъ же прочихъ падежахъ неударяемый суффиксъ *-i̯ĕs- въ положеніи не на концѣ слова является въ редуцированномъ видѣ *-ьs- *-jьs-),[1] срв. напр. Д. ед. мьй-ьш-оу и т. п. При этомъ мы видимъ ш вм. ожидаемаго χ, такъ какъ склоненіе перешло въ мягкій типъ второго склоненія, т. е. суффиксъ сравн. степени *-ьs- распространился новымъ суффиксомъ *i̯ŏ-/*-i̯ĕ-. Толчокъ къ такому расширенію могъ быть данъ со стороны формъ ж. р., которыя образовывались чрезъ распространеніе суффикса *-ьs- (*-jьs-) прибавленіемъ въ И. ед. признака -ī, переходившаго въ другихъ падежахъ передъ начальными гласными окончаній въ j. Что касается И. ед. муж. рода, то въ этомъ падежѣ вм. ожидаемаго *мьйь встрѣчаемъ распространенную форму мьйьи или мьйии, которую объясняютъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ нов-ѣи (ср. р. нов-ѣѥ), гдѣ конечное -ѣи=*ējьs. Эта послѣдняя разновидность суффикса, т. е. съ предшествующимъ *ē*, еще не получила опредѣленнаго истолкованія, но намъ кажется возможнымъ видѣть

[1]) Нѣкоторые принимаютъ ослабленіе въ видѣ *-jьs- вм. *-ьs- въ виду того, что предшествующіе согласные оказываются смягченными посредствомъ j (срв. хоужд-ьш-оу и т. п.); но это смягченіе могло возникнуть первоначально въ нередуцированныхъ формахъ, какъ напр. въ И. В. ед. ср. (-ѥ ← *i̯es), а затѣмъ по аналогіи перейти на падежи съ редуцированнымъ суффиксомъ.

здѣсь перенесеніе ѣ отъ глагольныхъ основъ типа чернѣть, происходившихъ отъ прилагательныхъ (черный<черн-ѣть) и представлявшихъ нѣкоторое семазіологическое сродство съ значеніемъ сравнительной степени прилагательныхъ.

Бросая общій взглядъ назадъ, мы видимъ, что два типа степеней сравненія оказываются лишь въ языкахъ арійскихъ и греческомъ, между тѣмъ какъ латинскій языкъ изъ двухъ типовъ сформировалъ одинъ, взявъ образованіе для сравнительной степени отъ второго типа, а для превосходной степени частію отъ перваго, а частію образовавъ особый путемъ нѣкотораго рода контаминаціи, и наконецъ славянскій воспользовался для сравнительной степени вторымъ типомъ и утратилъ особое образованіе для превосходной степени.

Мѣстоименія неродовыя и родовыя; замѣчанія о числительныхъ.

Мѣстоименія распадаются на два главныхъ отдѣла— неродовыя, т. е. имѣющія одну форму для всѣхъ родовъ (личныя и возвратное), и родовыя (опредѣлительно-указательныя), измѣняющіяся по родамъ, т. е. какъ и прилагательныя. Первая категорія въ своей флексіи представляетъ наибольшія особенности по сравненію съ именнымъ склоненіемъ; въ отношеніи словообразованія обѣ категоріи характеризуются въ общемъ простѣйшимъ строеніемъ своей основы-корня, напр.: *ĕ-/*ŏ-; *ĭ- (срв. лат. i-d); *mĕ-/*mŏ-; tu̯ĕ-/*tu̯ŏ-; *su̯ĕ-/*su̯ŏ-; *qʷĕ-/*qʷŏ ; k̂i-; *tĕ-/*tŏ-; *sĕ-/*sŏ-, срв. греч. ὁ изъ *sŏ); *i̯ĕ-/*i̯ŏ- (срв. греч. ὅς=скт. yáḥ—относит. мѣстоим.), при чемъ все это—открытые корни; [1]) изъ мѣсто-

[1]) Я считаю возможнымъ предположить, что эти односложные мѣстоименные корни и послужили источникомъ т. наз. тематическихъ гласныхъ -ĕ-/-ŏ-, которые, закапчивая рядъ такихъ корней, путемъ морфологическаго переразложенія стали отходить къ окончаніямъ, а затѣмъ послѣднія путемъ аналогіи могли получить болѣе широкое развитіе, независимо отъ условій

именныхъ корней съ закрытымъ слогомъ, менѣе частыхъ сравнительно съ открытыми, отмѣтимъ: скт. *ah*-ám=греч. ἐγ-ώ „я". Такая простота строенія мѣстоименныхъ корней служитъ указаніемъ на весьма раннее возникновеніе этой категоріи, при чемъ она въ дальнѣйшемъ почти совершенно уцѣлѣла отъ распространенія суффиксами, въ каковомъ очевидно здѣсь не ощущалось потребности. Что касается другихъ частей рѣчи, то въ нихъ довольно распространены закрытые корни какъ съ краткими, такъ и долгими гласными (срв. греч. *K.* λεγ- „говорить", ληγ- „прекращать, переставать"), но открытые односложные корни—въ отличіе отъ мѣстоименій—встрѣчаются лишь съ первичными долгими гласными и дифтонгами (срв. греч. *K.* θη- „класть", εἰ- „идти" и т. п.).

Въ *личныхъ мѣстоименіяхъ* отмѣтимъ различіе корней для ед. и множ. числа (срв. ἐγώ || ἡμεῖς и пр.), что вполнѣ понятно, такъ какъ въ этомъ случаѣ то и другое число представляетъ значительное смысловое несходство; напр. „мы", строго говоря, не является множественнымъ числомъ по отношенію къ „я" въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. „столы" по отношенію къ слову „столъ". Не образуя типовъ, личныя мѣстоименія въ звуковой исторіи своихъ формъ представляютъ особенности, какъ это бываетъ вообще въ словахъ бѣдныхъ родствомъ. Здѣсь надо искать объясненія тому ошибочному взгляду, будто мѣстоименія не подчинены обычному дѣйствію звуковыхъ законовъ. Приведемъ формы склоненія мѣстоименій 1-го и 2-го лица, ограничившись лишь немногими падежами (Nom., Gen., Dat. и Acc.) ед. и множ. чиселъ.

первоначальнаго возникновенія. Подобный путь переразложенія въ другихъ корняхъ могъ вызвать выдѣленіе и другихъ суффиксальныхъ или тематическихъ гласныхъ (и затѣмъ быть можетъ даже нѣкоторыхъ суффиксальныхъ слоговъ). При такой точкѣ зрѣнія приходится отказаться отъ признанія собственно тематическихъ гласныхъ, какъ особой морфологическо-семазіологической категоріи. Срв. Р. Ф. В. 1895 г., № 1—2, стр. 250.

1-ое лицо.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.
N. sg.	ahám	ἐγώ	ego	азъ
G.	máma, mē	ἐμοῦ	meī	мене
D.	máhyam, mē	ἐμοί	mihī	мьнѣ, ми
Ac.	mā́m, mā	ἐμέ	mē	мѧ
N. pl.	vayám	ἡμεῖς	nōs	мы
G.	asmā́kam, naḥ	ἡμῶν	nostrum	насъ
D.	asmábhyam, naḥ	ἡμῖν	nōbīs	намъ
Ac.	asmā́n, naḥ	ἡμᾶς	nos	ны

2-ое лицо.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.
N. sg.	tvám	σύ	tū	ты
G.	táva, tē	σοῦ	tuī	тебе
D.	túbhyam, tē	σοί	tibī	тебѣ, ти
Ac.	tvām, tvā	σέ	tē	тѧ
N. pl.	yūyám	ὑμεῖς	vōs	вы
G.	yušmā́kam, vaḥ	ὑμῶν	vestrum	васъ
D.	yušmábhyam, vaḥ	ὑμῖν	vōbīs	вамъ
Ac.	yušmā́n, vaḥ	ὑμᾶς	vōs	вы

Родовыя мѣстоименія представляютъ также рядъ особенностей въ склоненіи (хотя и менѣе значительныхъ) по сравненію съ именной категоріей. Эти особенности состоятъ, какъ уже упоминалось раньше, частію въ наличности особыхъ мѣстоименныхъ призвуковъ (s, m, sm) передъ падежными окончаніями, частію же въ нѣкоторыхъ особыхъ окончаніяхъ, какъ напр. въ И. ед. ср. р. Для примѣра остановимся на склоненіи указат. мѣстоименія — скт. *sá*≠греч. *ὁ* и пр., въ муж. и жен. родѣ (въ латинскомъ соотвѣтствующее мѣстоименіе въ отдѣльности не встрѣчается, а только въ сложеніи, срв. is*te*).

	скт.		греч.		ст.-сл.		ае.	
N. sg.	sá	sā́	ὁ	ἡ	тъ	та	*sŏ	*sā
G.	tásya	tásyāḥ	τοῦ	τῆς	того	тоѩ	*tosi̯o	*tosi̯ās
D.	tásmāi	tásyāi	τῷ	τῇ	томоу	той	*tosmōi	*tosi̯āi
Ac.	tám	tā́m	τόν	τήν	тъ	тѫ	*tŏm	*tām
N. pl.	té	tā́ḥ	οἱ	αἱ	ти	ты	*toi̯	*tā́s
G.	téšām	tā́sām	τῶν	τῶν	тѣхъ	тѣхъ	*toisŏ̄m	*tāsŏ̄m
D.	tébhyaḥ	tā́bhyaḥ	τοῖς	ταῖς	тѣмъ	тѣмъ	*toibhi̯os	*tābhi̯os
Ac.	tā́n	tā́ḥ	τούς	τάς	ты	ты	*tons	*tās

Примѣчаніе. Средній родъ въ косвенныхъ падежахъ склоняется одинаково съ муж. родомъ, отличаясь отъ послѣдняго въ И. (В.) падежѣ, какъ въ ед. ч.: скт. tat≠греч. τό≠ст.-сл. то (ае. *tŏd), такъ отчасти и во мн. ч.: скт. tā́-ni≠греч. τά≠ст.-сл. та (ае. *tā́).

Родовое мѣстоименное склоненіе могло оказывать вліяніе на флексію прилагательныхъ, особенно приближавшихся по значенію къ мѣстоименіямъ, срв. греч. *ἄλλο* „другое“. Въ славянскомъ, подобно литовскому, чрезъ присоединеніе указательнаго родового мѣстоименія къ простымъ прилагательнымъ получились т. наз. сложныя прилагательныя.

* * *

Числительныя, какъ извѣстно, подраздѣляются на количественныя (первичныя) и порядковыя (производныя).

Представимъ перечень главнѣйшихъ *количественныхъ* числительныхъ (въ аріо-европейскомъ праязыкѣ числа отъ единицы до четырехъ склонялись въ отличіи отъ остальныхъ):

1) скт. é-ka-ḥ, греч. *οἰ-νή* „единица на игральной кости“, лат. ūnus (изъ oi-no-s), ст.-сл. инъ. Кромѣ того, въ греч. *εἷς*, *μία*, *ἕν* отъ корня *sĕm-. Срв. также сноску на стр. 59.

2) скт. dvā́u dvā́ = греч. *δύω* = лат. duo = ст.-сл. дъва; ж. и ср. р. скт. dvé = ст.-сл. дъвѣ.

3) скт. tráyaḥ = греч. *τρεῖς* = лат. trēs = ст.-сл. триѥ.

4) скт. catvā́raḥ = греч. *τέσσαρες* = лат. quattuor = ст.-сл. четыре.

5) скт. páñca = греч. *πέντε* = лат. quinque = ст.-сл. пѧть.

6) скт. ṣáṣ- = греч. *ἕξ* = лат. sex = ст.-сл. шесть.

7) скт. saptá = греч. *ἑπτά* = лат. septem = ст.-сл. седмь.

8) скт. aṣṭā́u aṣṭā́ (очевидно—двойств. число, благодаря разложенію на группы 4 + 4) = греч. *ὀκτώ* = лат. octō = ст.-сл. осмь.

9) скт. náva = греч. *ἐν-νέα* = лат. novem = ст.-сл. девѧть.

10) скт. dáça = греч. *δέκα* = лат. decem = ст.-сл. десѧть. Числа отъ 11—19 образуются посредствомъ присоединенія единицъ къ десяти, срв. скт. ékadaça (11) = греч. *ἕνδεκα* и др.

20) скт. vĩçatíḥ ⫩ греч. εἴκοσι ⫩ лат. vīgintī, ст.-сл. дъва десати. Названія для десятковъ представляютъ сложенія, содержащія названіе „десятка“ (*k̂omt- или *k̂ᵉm̥t-) съ предъидущимъ основнымъ числомъ.

100) скт. çatám ⫩ греч. ἑκατόν ⫩ лат. centum ⫩ ст.-сл. съто.

Порядковыя числительныя вторичны и происходятъ вообще отъ количественныхъ чрезъ присоединеніе суф. -mo- или -to- (срв. пя*т*ый || седь*мой*).

Глаголъ—характеристика спряженій тематическаго и нетематическаго.

Спряженіе въ аріо-европейскихъ языкахъ дѣлится на два главныхъ типа: А) *тематическое* или *первое* (напр. λέγ-ω) и Б) *нетематическое* или *второе* (напр. εἶ-μι). Между этими двумя спряженіями оказывается цѣлый рядъ различій, а именно:

1) Въ первомъ или тематическомъ спряженіи личнымъ окончаніямъ предшествуетъ т. наз. тематическій гласный ĕ || ŏ напр. λέγ-ε-τε || λέγ-ο-μεν) или же суффиксальный слогъ заканчивающійся такимъ гласнымъ (напр. δάκ-νε-τε || δάκ-νο μεν); во второмъ спряженіи личныя окончанія присоединяются безъ тематическаго гласнаго или прямо къ корню (напр. ἴ-τε), или же къ корню, распространенному суффиксальнымъ слогомъ но уже съ другимъ гласнымъ (напр. δείκ-νῦ-τε).

2) Тематическое спряженіе характеризуется постояннымъ удареніемъ, между тѣмъ какъ нетематическое—переходнымъ. Правда, въ греческомъ и латинскомъ мы находимъ исключенія въ этомъ отношеніи, но они составляютъ позднѣйшее наслоеніе. Санскритъ или древне-индійскій языкъ сохранилъ первичное удареніе и потому онъ представляетъ особенную важность при изученіи вопросовъ ударенія, въ виду этого мы воспользуемся примѣромъ изъ этого языка. Мы видимъ, что

при спряженіи глагола перваго спряженія *bhárāti* „несу" удареніе во всей системѣ формъ настоящаго времени остается на корневомъ слогѣ, подобно тому какъ въ глаголѣ тоже перваго спряженія *tudáti* „толкаю"—на тематическомъ гласномъ; между тѣмъ во второмъ спряженіи удареніе является на корнѣ или основѣ въ трехъ лицахъ ед. ч. изъяв. накл. дѣйств. залога, перемѣщаясь въ другихъ лицахъ того же залога и во всѣхъ лицахъ Medii на окончаніе, напр. *dádāti* „даю" || *dadmáḥ* „даемъ".

3) Въ зависимости отъ характера ударенія находится и характеръ корневого вокализма: въ тематическомъ спряженіи вокализмъ корня не мѣняется (напр. корень *λεγ-* проходитъ черезъ всѣ формы настоящаго времени), тогда какъ въ нетематическомъ спряженіи въ зависимости отъ переходнаго ударенія получилась градація основъ (напр. 1 ед. *εἶ-μι* || 1 мн. *ἴ-μεν*).

4) Наконецъ, первое и второе спряженіе различаются нѣкоторыми личными окончаніями и суффиксальными элементами, напр. 1 ед. наст. *-ω* || *-μι*, 2 ед. повел. *-ε* || *-θι* (*λέγ-ε* || *ἴ-θι*), суф. желат. накл. *-οι* || *-ιη-* (*λέγ-ο-ι-μι* || *διδο-ίη-ν*).

Мы имѣли въ виду до сихъ поръ систему настоящаго времени; но и спряженіе другихъ временъ относится къ тематическому или же нетематическому типу. Такъ, напр., такія образованія аориста, какъ *ἔλιπ-ο-ν*, слѣдуютъ тематическому спряженію, между тѣмъ какъ сигматическій аористъ принадлежитъ къ типу нетематическому, напр. *ἔλεξ-α*, гдѣ *α* изъ *m̥.
Спряженіе перфекта тоже относится къ нетематическому типу.

Послѣ сказаннаго невольно бросается въ глаза параллелизмъ между спряженіемъ и склоненіемъ, такъ какъ и склоненіе можетъ быть подраздѣлено на тематическое (1-ое и 2-ое) и нетематическое (3-ье), при чемъ самыя различія между тѣмъ и другимъ типомъ склоненія напоминаютъ различія между спряженіемъ тематическимъ и нетематическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ отличіе отъ тематическаго склоненія скло-

неніе нетематическое нерѣдко имѣетъ переходное удареніе и градацію гласнаго въ основѣ (срв. *πατέρα* || *πατρός* и т. п.) при различіи нѣкоторыхъ окончаній. Указанная аналогія свидѣтельствуетъ, по моему мнѣнію, не только объ отдаленномъ общемъ источникѣ, къ которому совмѣстно восходятъ склоненіе и спряженіе, но также и о нѣкоторомъ параллелизмѣ и взаимной связи въ послѣдующемъ ихъ развитіи. [1])

Семазіологическія категоріи въ аріо-европейскомъ глаголѣ въ связи съ ихъ обозначеніемъ. [2])

Согласно болѣе простому опредѣленію, глаголъ въ своихъ формахъ выражаетъ дѣйствіе съ указаніемъ на лицо, число, время, залогъ и способъ или видъ дѣйствія; но это опредѣленіе уже предполагаетъ какъ бы извѣстными или данными указываемыя въ немъ семазіологическія категоріи глагола. Опредѣленіемъ же, изъ котораго можно было бы вывести самыя эти категоріи, является—въ чемъ мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго изложенія—то, которое было предложено проф. А. А. Потебнею въ его Запискахъ по русской грамматикѣ (I² стр. 84):

---

[1]) Срв. еще столь обычный процессъ перехода нетематическихъ образованій въ тематическія въ разныхъ языкахъ-представителяхъ нашего семейства какъ въ области именъ, такъ и глаголовъ, начавшійся вѣроятно еще въ аріо-европейскомъ праязыкѣ: а) скт. nar- (греч. ἀνήρ) || nár-a-ḥ «мужъ»; dam- || dam-á-ḥ «домъ»; греч. χάν=скт. hąs-á-ḥ «гусь»; и пр. б) греч. εἶ-μι=лат. eo «иду»; греч. πίμπλημι, позже πιμπλέω πιμπλάω «наполняю», и пр.

[2]) По данному вопросу см. Brugmann Kurze vergl. Gramm., Мейе (Meillet) Введеніе въ сравн. грамм. и.-е. яззк.; Лескинъ А. Грамматика древнеболгарскаго (древнецерковнославянскаго) языка, переводъ *Н. Петровскаго* (1915); Кульбакинъ С. М. Древне-церковно-славянскій языкъ (1913)²; Ульяновъ Г. К. Основы наст. времени въ старо-слав. и литовскомъ языкахъ (1888) и Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ, ч. I—II (1891, 1895), а также рецензію на этотъ трудъ Ф. Ѳ. Фортунатова; Поржезинскій В. К. Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ (1901); Эндзелинъ И. Латышскіе предлоги, II (1909)—о видовомъ значеніи сложныхъ съ предлогами глаголовъ.

„глаголъ изображаетъ признакъ во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица“.

Подобно другимъ знаменательнымъ частямъ рѣчи, глагольныя формы разлагаются на *основу,* какъ носительницу собственнаго значенія глагола, и *флексійное окончаніе.* По причинѣ сложности семазіологическаго содержанія глагола и его основа, по сравненію съ именемъ, представляетъ значительно бо̀льшую сложность образованія, состоящую въ большемъ числѣ различій основы; въ этомъ не трудно убѣдиться, если напр. отъ греч. глагола *λείπω* „оставляю“ возьмемъ 1-ое лицо множ. числа и прослѣдимъ эту форму хотя бы по отдѣльнымъ временамъ дѣйств. залога въ изъяв. накл., минуя другія категоріи: наст. вр. *λείπο-μεν* [1]), прош. несов. *ἐλείπο-μεν*, перф. *λελοίπα-μεν*, буд. *λείψο-μεν*, аор. *ἔλίπο-μεν*. [2]) Что касается глагольныхъ окончаній, то они существенно отличаются отъ окончаній существительныхъ: въ то время какъ существительное мѣняетъ свою синтаксическую функцію отъ падежной формы (оно входитъ въ предложеніе какъ подлежащее, если взято въ формѣ Имен. падежа, какъ прямой объектъ—въ формѣ Вин. падежа и какъ косвенный объектъ—въ другихъ косвенныхъ падежахъ), личныя окончанія глагола вводятъ его въ предложеніе всегда въ качествѣ сказуемаго. Хотя, далѣе, мы и различаемъ въ глагольныхъ формахъ часть матеріальную или основу и часть формальную—окончанія, однако нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что

---

[1]) Для большей наглядности мы будемъ вездѣ отдѣлять личное окончаніе отъ древней основы, при чемъ однако нельзя забывать, что т. наз. тематическіе гласные и вообще послѣдніе звуки основы въ ходѣ времени отходили отъ основы къ окончанію.

[2]) Иногда называютъ подобныя различія основы «формами основы»; но мы считаемъ это выраженіе неудачнымъ вслѣдствіе того, что «формою» наз цѣлая флексійная форма, т. е. основа съ окончаніемъ; примѣнять же одинъ терминъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ неудобно, почему и предпочитаемъ говорить о «различіи основъ» или «образованіи основъ», а не о «формахъ основъ».

многочисленныя семазіологическія категоріи глагола далеко не всегда имѣютъ каждая спеціально для себя обозначеніе, но часто выражаются совмѣстно; такъ, категорія залога, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражающаяся особенностями въ образованіи основы, пользуется и соотвѣтствующими различіями окончаній, т. е. формальной части; категорія вида, опирающаяся на словообразованіе, отчасти выражается совмѣстно съ категоріей времени; категоріи лица и числа имѣютъ нераздѣльное обозначеніе окончаніями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ отчасти показателемъ и для другихъ категорій, напр. залога и времени. Обратимся теперь къ болѣе частному обзору всѣхъ этихъ категорій.

I. **Лицо и число.** Такъ какъ глаголъ обозначаетъ признакъ въ его возникновеніи отъ *дѣйствующаго лица*, какъ субъекта дѣйствія, то этимъ опредѣляется существованіе въ глаголѣ категоріи лица. При этомъ различаются: *первое* лицо, когда субъектъ глагола-сказуемаго является самъ говорящій; *второе* лицо, если субъектомъ предложенія служитъ лицо, къ которому обращена рѣчь, и наконецъ *третье* лицо, означающее сторонній разговаривающимъ субъектъ предложенія. Такимъ образомъ, первыя два лица являются необходимою принадлежностью діалогической формы рѣчи въ отличіе отъ третьяго лица, какъ сторонняго. Въ связи съ этою разницею находится та, что въ первомъ и второмъ лицѣ субъектъ сказуемаго уже вполнѣ опредѣляется личнымъ окончаніемъ (если же при этомъ субъектъ называется посредствомъ личныхъ мѣстоименій, то это служитъ для подчеркиванія), въ результатѣ чего получается одночленное предложеніе; при глагольной же формѣ въ третьемъ лицѣ подлежащее обычно обозначается особымъ именемъ, такъ что предложеніе является двучленнымъ. [1]) Нужно замѣтить, что съ глагольными окон-

[1]) По-видимому самыя глагольныя окончанія, выражающія связь дѣйствія съ подлежащимъ въ томъ или другомъ лицѣ, находятся въ гене-

чаніями соединено одновременно и различіе по числу (единств., двойств. и множеств.) такимъ образомъ, что окончанія одного и того же лица, но разныхъ чиселъ, выражаются особыми звуковыми комплексами (срв. въ греч. 1 ед. -μι, а 1 мн. -μεν, и т. п.), а кромѣ того—указаніе и на залогъ, такъ какъ одни и тѣ же лица въ дѣйств. и возвр. залогѣ обозначаются различными окончаніями (напр. въ греч. 1 мн. дѣйств. -μεν, а 1 мн. возвр. -μεθα, и т. д.), и, наконецъ, окончанія варіируютъ по временамъ, отчасти и по наклоненіямъ; такимъ образомъ, окончанія выполняютъ не только свою собственную функцію, но одновременно участвуютъ въ выраженіи и другихъ семазіологическихъ моментовъ глагола. Такъ какъ флексійныя окончанія въ жизни языковъ легко стираются, то лично-указательныя мѣстоименія становятся уже необходимыми при глагольныхъ формахъ, но въ такомъ случаѣ они теряютъ полное мѣстоименное значеніе, представляя собою родъ передней флексіи (срв. франц., англ.).

II. **Время**. Какъ было указано, глаголъ обозначаетъ признакъ *во время его возникновенія* отъ дѣйствующаго лица; отсюда становится понятнымъ, что категорія времени является необходимою принадлежностью глагольныхъ формъ. Говоря вообще, дѣйствіе субъекта можетъ представляться или современнымъ высказываемому, какъ фактъ наблюдаемый, или же принадлежать прошлому, какъ фактъ вспоминаемый, или—наконецъ—относиться къ будущему, какъ фактъ ожидаемый или предполагаемый къ выполненію. Такимъ образомъ, въ аріо-европейскомъ глаголѣ являются три основныхъ времени

тическомъ родствѣ съ лично-указательными мѣстоименіями, срв. напр. окончанія 1 и 3 ед. -mi (-m, -mai), -ti (-t, -tai). Хотя мы можемъ выставить мѣстоименныя параллели не для всѣхъ личныхъ окончаній (напр. для 2 ед., т. е. для -si, -s, -sai), но нельзя забывать, что нѣкоторыя мѣстоименные корни, нѣкогда существовавшіе, могли выйти изъ употребленія.

съ болѣе частными разновидностями, къ разсмотрѣнію которыхъ и переходимъ.

а) **Настоящее время** (Praesens) означаетъ: 1) дѣйствіе субъекта предложенія, *наблюдаемое* говорящимъ, т. е. возникновеніе глагольнаго признака какъ бы передъ глазами (въ зависимости же отъ этого, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Praesens изобилуетъ суффиксами, служащими для выраженія разнообразныхъ „видовыхъ" оттѣнковъ, ибо послѣдніе особенно легко воспринимаются именно отъ дѣйствія наблюдаемаго); 2) дѣйствіе *обычное* для субъекта предложенія. Это послѣднее значеніе, существующее въ современныхъ языкахъ-представителяхъ нашего семейства, также можно предположить, подобно первому, и для аріо-европейскаго праязыка, въ виду наличности такихъ глагольныхъ существительныхъ, какъ напр. скт. tákšā=греч. *τέκτων* „плотникъ", обозначающихъ не лицо совершающее данную работу непремѣнно въ моментъ рѣчи, а лицо, вобще занимающееся такою работою (подобнаго рода имена нерѣдки также среди эпитетовъ въ ведахъ и у Гомера).

б) **Прошедшее** *несовершенное* **время** (Imperfectum) образуется отъ основы настоящаго времени съ присоединеніемъ спереди аугмента и пользуется т. наз. вторичными личными окончаніями прошедшихъ или историческихъ временъ, отличающимися отъ окончаній настоящаго времени. [1]) Образуясь отъ общей основы съ настоящимъ временемъ, Imperfectum представлялъ тѣ же двѣ разновидности значенія, какъ и въ

---

[1]) Такимъ образомъ составъ основы имперфекта можно выразить слѣдующею формулой, гдѣ θ=тема или основа (а поставленное въ сторонѣ въ скобкахъ F=присоединяющееся къ темѣ окончаніе, при чемъ цифра II указываетъ на вторичное окончаніе):

$$\text{Impf. } \theta = (\text{Augm.}) + \text{Praes. } \theta + \ldots\ldots\ [F_{II}]$$

Augm. (т. е. аугментъ) мы поставили въ обыкновенныхъ скобкахъ, чтобы обозначить его факультативность, о которой говоримъ далѣе.

наст. времени; показателемъ же того, что дѣйствіе, обозначаемое формою имперфекта, относится къ прошлому, является аугментъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончанія прошедшаго времени. Аугментъ былъ первоначально указательною частицею прошедшаго времени; у Гомера и въ ведахъ онъ примѣнялся еще факультативно, т. е. могъ быть при формѣ прош. времени, могъ и отсутствовать, при чемъ условія такого его употребленія еще не вполнѣ изучены; позже онъ сталъ необходимою принадлежностью соотвѣтствующихъ формъ прош. времени въ этихъ языкахъ. Въ акцентуированныхъ ведійскихъ текстахъ, когда на глагольную форму приходится удареніе, оно необходимо падаетъ на аугментъ, тогда какъ въ греческомъ, въ зависимости отъ нѣкоторой утраты въ этомъ языкѣ первоначальной свободы ударенія и ограниченія мѣста послѣдняго тремя послѣдними слогами, удареніе соотвѣтственно передвигалось, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

	скт.	греч.
ед. ч.	áɓharam	ἔφερον
	áɓharaḥ	ἔφερες
	áɓharat	ἔφερε
мн. ч.	áɓharāma	ἐφέρομεν
	áɓharata	ἐφέρετε
	áɓharan	ἔφερον
дв. ч.	áɓharāva	=1 множ.
	áɓharatam	ἐφέρετον
	áɓharatām	ἐφερέτην

в) Аористъ (Aoristus) выражаетъ прошедшее *совершенное* историческое (въ отличіи отъ имперфекта); какъ видимъ, съ категоріей времени соединялось отчасти и значеніе видовое. [1]) Въ своемъ образованіи аористъ, пользо-

[1]) Болѣе того, нѣкоторые ученые полагаютъ, что въ такихъ случаяхъ категорія вида предшествовала появленію значенія времени, съ чѣмъ однако

вавшійся подобно имперфекту окончаніями прошедшихъ временъ, представлялъ два главныхъ типа: 1) **не-сигматическій** (т. е. безъ признака *-s-*), въ свою очередь подраздѣлявшійся на тематическій или съ тематическимъ гласнымъ (срв. греч. *ἔ-λιπ-ο-ν* „я оставилъ“) и не-тематическій—безъ тематическаго гласнаго (срв. греч. **ἔ-δω-ν*⫨скт. á-dā-m „я далъ“); при этомъ въ *тематическомъ* аористѣ корень является въ краткомъ или слабомъ видѣ, въ отличіи отъ настоящаго и имперфекта съ полнымъ видомъ корня (срв. *λείπω* „я оставляю“); причина слабаго вида корня въ аористѣ тематическомъ лежитъ въ томъ, что удареніе первоначально приходилось здѣсь на тематическомъ гласномъ, какъ это ясно еще видно на удареніи неопр. накл. и прич. того же времени (срв. неопред. накл. *λιπεῖν* „оставить“ и прич. *λιπών* „оставившій“), и лишь позднѣе, со слитіемъ аугмента съ глагольною формою, удареніе перешло на аугментъ; [1]) въ аористѣ *не-тематическомъ* корень является въ первомъ полномъ видѣ, чередующемся съ краткимъ такъ, какъ это вообще свойственно не-тематическому спряженію (срв. греч. 1 ед. **ἔδων* при 1 мн. *ἔ-δο-μεν*); [2]) 2) **сигматическій**, т. е. съ характеромъ или признакомъ времени -s-, напр. *ἔ-λειψ-α* „я оставилъ“ (=*ἔ-λειπ-σ-ᾰ*, гдѣ конечное *-ᾰ* изъ *-m̥), или отъ ае. корня *vĕg¹h „везти“: скт. á-vāk-ṣ̌-am (гдѣ *k* изъ *g¹h передъ *s*, которое само измѣнилось въ шипящій)⫨лат. vēxi (т. е. vec-s-i, при чемъ форма

едва ли можно согласиться: естественнѣе думать, что обѣ категоріи развивались рядомъ (срв. A. Meillet Caractères généraux des langues germaniques, 1917, стр. 123: «Les thèmes des verbes indo-européens n'exprimaient pas le temps, mais l'aspect sous lequél l'action est considérée»).

[1]) Слѣдов. формула основы можетъ быть здѣсь представлена въ слѣдующемъ видѣ:

$$\text{Aor.}_{\text{темат.}}\ \theta = (\text{Augm.}) + R_0 + \breve{e}/\breve{o} + \ \ldots\ldots\ [F_{II}]$$

[2]) Формула:

$$\text{Aor.}_{\text{нетемат.}}\ \theta = (\text{Augm.}) + R_{1;0} + \ \ldots\ldots\ [F_{II}]$$

называется въ латинскомъ перфектомъ, такъ какъ въ этомъ языкѣ перфектъ и аористъ смѣшались) = ст.-слав. вѣсъ (изъ *вѣζ-с-ъ отъ веζж); приведенные примѣры указываютъ на удлиненный (т. е. третій) видъ корня. [1])

г) Перфектъ (Perfectum), т. е. прошедшее *совершенное* или даже какъ бы настоящее *совершенное*, означаетъ въ отличіи отъ аориста дѣйствіе, законченное къ моменту рѣчи, только-что совершившееся и своимъ результатомъ какъ бы переходящее въ настоящее время. Способъ образованія перфекта можно видѣть напр. изъ греческой формы *λέ-λοιπ-α*, гдѣ основа является съ удвоеніемъ (Reduplicatio) и содержитъ въ себѣ корень во второмъ полномъ видѣ; [2]) окончанія перфекта представляютъ особую группу, при чемъ спряженіе первоначально слѣдовало не-тематическому типу и, слѣдов., полный видъ корня былъ свойственъ только тремъ лицамъ ед. ч. дѣйств. залога, а въ прочихъ формахъ корень являлся въ слабомъ видѣ, отголосокъ чего встрѣчаемъ и въ греч. діалектахъ, срв. *πέ-ποιϑ-α* „я довѣряю“ || *ἐ-πέ-πιϑ-μεν* 1 мн. plpf.; въ санскритѣ такого рода градація въ корнѣ является правиломъ и притомъ въ связи съ переходнымъ удареніемъ, 1 ед. tu-*tṓ*-da „я толкнулъ“ (гдѣ ō дифтонгическаго происхожденія) || 1 мн. tu-*tu*d-imá. Въ цѣломъ рядѣ языковъ категорія перфекта вышла изъ употребленія, а въ современныхъ германскихъ и романскихъ языкахъ измѣнилась семазіологически такимъ образомъ, что приняла смыслъ прошедшаго историческаго времени, а для значенія перфекта создались описательныя формы (срв. франц. passé défini, являющееся потомкомъ латинскаго перфекта по формѣ и прошедшимъ

---

[1]) Формула:

$$\underset{\text{сигмат.}}{\text{Aor.}}\ \theta = (\text{Augm.}) + R_3 + s + \ \ldots\ldots\ [F_{II}]$$

[2]) Формула:

$$\text{Perf. } \theta = \text{Redupl.} + R_{2;0} + \ \ldots\ldots\ [F_{pf}]$$

историческимъ по значенію, новое же сложное образованіе Passé indéfini приняло на себя смысловую функцію перфекта).

д) Будущее время (Futurum), какъ согласно показываютъ языки *индо-иранскіе* и *литовскій* (срв. скт. dā-syá-mi „я дамъ“ = лит. dū́-siu), образовывалось съ помощью суффиксальнаго комплекса *-si̯ĕ-/-si̯ŏ- при первомъ полномъ видѣ корня и имѣло первичныя окончанія (т. е. наст. времени); [1]) такъ какъ данный суффиксъ заканчивается гласнымъ *ĕ/ŏ, то отсюда слѣдуетъ, что флексія будущаго времени принадлежитъ къ тематическому типу независимо отъ типа настоящаго времени. Удареніе, судя по санскриту, было на суффиксальномъ гласномъ, но въ такомъ случаѣ не ясенъ полный видъ корня; въ литовскомъ, напротивъ, приходится на корнѣ. Въ *греческомъ* языкѣ взятымъ примѣрамъ соотвѣтствуетъ форма *δώ-σω* вм. ожидаемаго **δω-i̯ω* (такъ какъ -σi̯- между гласными давало i̯); поэтому здѣсь можно видѣть аналогію къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался на шумный согласный (срв. напр. ae. *dei̯k-si̯ō „я покажу“ = скт. dēkšyā́mi = греч. *δείξω*, гдѣ *σ* сохраняется послѣ шумнаго согласнаго *κ*); по другому предположенію, въ греческомъ Futurum отражается сослагательное наклоненіе сигматическаго аориста, при чемъ и въ этомъ случаѣ аналогія къ глаголамъ на шумный согласный опять-таки необходима; но убѣдительныхъ данныхъ для второго предположенія мы не находимъ. Въ другихъ языкахъ первоначальная форма будущаго времени вышла изъ употребленія, замѣнившись сложными образованіями. Такъ, *латинскія* формы перваго и второго спряженія, напр. amābo, monēbo и т. п., получились путемъ сложенія глагольной основы (быть можетъ—глагольнаго имени въ какой-нибудь формѣ) съ глаголомъ -bo (отъ корня *bhū- „быть“),

---

[1]) Формула основы буд. времени:

$$\text{Fut. } \theta = R_1 + \text{si̯ĕ/si̯ŏ} + \ldots\ldots\ldots [F_1]$$

т. е. подобно имперфекту на -bam. Такой способъ образованія будущаго времени возникъ еще въ праиталійскомъ періодѣ, такъ какъ онъ существуетъ и въ другихъ древне-италійскихъ діалектахъ, отражаясь въ нихъ соотвѣтственно ихъ фонетикѣ. Формы безъ -bo въ третьемъ и четвертомъ латинскомъ спряженіи, оканчивающіяся на -am, -ēs, -et и т. д., являются по происхожденію своему формами сослаг. наклоненія наст. времени, при чемъ смѣшеніе категорій объясняется нѣкоторымъ сходствомъ въ значеніи сослаг. наклоненія и будущаго времени (у старыхъ сцениковъ образованія на -bo встрѣчаются также и въ глаголахъ 3-го и 4-го спряженія). Въ *славянскихъ* языкахъ находимъ уже описательный способъ образованія будущаго времени, а также путемъ присоединенія префиксовъ къ формѣ настоящаго времени, частію же съ помощью суф. -nǫ-.

III. **Наклоненіе.** Глагольное дѣйствіе, производимое энергіей или волею субъекта предложенія, *можетъ представляться говорящему* или въ осуществленіи, или же только въ мысли какъ желаемое, требуемое, просимое и т. п.; соотвѣтствующія обозначенія въ глагольныхъ формахъ называются наклоненіями (болѣе точный латинскій терминъ „modus" указываетъ, что наклоненіе опредѣляетъ именно „способъ" представленія дѣйствія). Согласно сказанному, наклоненія могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: *основное* наклоненіе—изъявительное, обозначающее дѣйствіе какъ осуществляющійся фактъ, и *побочныя* или *косвенныя* наклоненія—сослагательное, желательное и повелительное, обозначающія глагольный признакъ опредѣленнымъ образомъ мыслимый. Болѣе частное выясненіе значенія наклоненій должно производиться на простыхъ главныхъ предложеніяхъ, такъ какъ придаточныя предложенія въ праязыкѣ только лишь начинали возникать. Сослагательное наклоненіе выражаетъ требуемое или увѣренно ожидаемое наступленіе дѣйствія (срв. латин. conjunctivus adhortativus), желательное—желаемое, повелительное—требованіе или просьбу

говорящаго по отношенію къ другимъ лицамъ. Что касается образованія, то *сослагательное* наклоненіе въ нетематическомъ типѣ имѣетъ признакомъ тотъ же гласный, который считается тематическимъ гласнымъ изъявит. наклоненія тематическаго типа, напр. скт. отъ глагола ás-ti „есть“—сослаг. ás-a-ti или ás-a-t (3 ед.)≠лат. ĕr-i-t (въ значеніи буд. времени; *r* изъ *s); въ тематическомъ типѣ по-видимому признакъ *ĕ/ŏ сливался съ конечнымъ гласнымъ основы въ долгій гласный, срв. греч. *φέρωμεν* (1 мн.), *φέρητε* (2 мн.)≠скт. bhárāti или bhárāt (3 ед.)≠лат. ferēs (2 ед.; значеніе буд. времени); въ славянской языковой области водворился описательный способъ передачи сослаг. наклоненія. Признакомъ *желательнаго* наклоненія въ нетематическомъ спряженіи является -i̯ē- || -ī- (въ опредѣленной градаціи), срв. греч. *εἴην* (1 ед. отъ К. *ĕs-)≠лат. siēs (2 ед., стар.) || sīmus (1 мн.), а въ тематическомъ -i̯-, присоединяющееся къ тематическому гласному и образующее съ послѣднимъ дифтонгъ, срв. греч. *φέροις* (2 ед.)≠скт. bhárēḥ≠ст.-сл. бери (2 ед.), берѣте (2 мн.); какъ видимъ, въ славянской языковой области формы желательнаго накл. приняли значеніе повелит. накл. Разсматривая исторически *перемѣны въ сферѣ наклоненій* на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, отмѣтимъ: въ *санскритѣ* уже въ древнѣйшихъ памятникахъ сослаг. наклоненіе является рѣдкою категоріей, уступая свое мѣсто желательному накл., пріобрѣтающему такимъ образомъ новую функцію (вѣроятно, это обстоятельство вызвало въ видѣ компенсаціи формированіе въ санскритѣ особаго „вида“ въ глаголѣ, т. наз. желательнаго); *греческій* языкъ, въ древнемъ періодѣ сохранявшій оба наклоненія—сослагательное и желательное, въ періодъ *κοινή* утрачиваетъ желательное накл.; въ *латинскомъ* языкѣ оба наклоненія смѣшались въ одной категоріи (но за то здѣсь въ сферѣ глагола развилось новое явленіе—послѣдовательность временъ); въ *славянскихъ* языкахъ древнія образованія со-

слагат. наклоненія отсутствуютъ, вмѣсто которыхъ явились сложныя выраженія, т. е. одно изъ явленій аналитизма.

IV. **Залогъ** выражаетъ *отношеніе субъекта предложенія къ совершаемому дѣйствію*, зависящее отчасти отъ природы дѣйствія. Такъ, *дѣйствительный* залогъ можетъ обозначать дѣйствіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ объекту, на него простирающееся (т. наз. переходное значеніе, при чемъ объектъ выражается Вин. падежомъ), напр. *φέρω*=бєрѫ и пр., или же не имѣющее такого прямого отношенія къ объекту, а только косвенное (т. наз. непереходное значеніе), напр. *εἶμι*=идѫ (срв. иду полемъ и т. п.). Далѣе, дѣйствіе субъекта можетъ относиться къ самому же субъекту, что выражается *возвратнымъ* залогомъ, обычно называемымъ въ сравнительной грамматикѣ *среднимъ* (Medium), и опять-таки въ тѣхъ же двухъ варіаціяхъ, т. е. субъектъ можетъ направлять дѣйствіе на себя какъ на прямой объектъ, напр. греч. *λούομαι* „моюсь", или же косвенный, напр *λούομαι τὰς χεῖρας* „мою себѣ руки", скт. ведаич. ide̥ „умоляю для себя или за себя", и т. п.; частный случай возратнаго залога—*взаимный*, когда дѣйствіе происходитъ въ обществѣ какъ взаимное, напр. *διαλέγεσθαι* „разговаривать между собою", рус. ссориться и т. п. Наконецъ, дѣйствіе, которое субъектъ совершаетъ по отношенію къ себѣ, можетъ совершаться по отношенію къ нему и другими (т. е. субъектъ воспринимаетъ данное дѣйствіе отъ другихъ), напр. *λούομαι* „моюсь другимъ", это—*страдательный* залогъ, [1]) вѣроятно развившійся на почвѣ возврат-

[1]) А. А. Потебня называетъ субъектъ страдательной глагольной формы «фиктивнымъ», такъ какъ дѣйствіе, по отношенію къ которому данное лицо является грамматическимъ субъектомъ, въ дѣйствительности совершается однако не имъ; подобнымъ образомъ въ существительныхъ «бѣлизна» и т. п. онъ видитъ «фиктивную» субстанцію (см. его Изъ записокъ по рус. грам. I² стр. 94, 91). Однако нельзя не замѣтить, что здѣсь мы стоимъ уже на порогѣ метафизики.

наго, съ которымъ—какъ мы показали—находится въ семазіологическомъ родствѣ и имѣетъ общія съ нимъ окончанія, при чемъ арійскіе языки и греческій имѣютъ сродныя окончанія (напр. скт. -sē=греч. -σαι, -tē=-ται, и др.), латинскій однако особыя, въ другихъ языкахъ находимъ описательныя выраженія; трудно поэтому сказать, на сколько успѣла развиться категорія страдательнаго залога въ аріо-европейскомъ праязыкѣ.

V. **Видъ.** Категорія „вида" въ глаголѣ служитъ для выраженія *качественныхъ оттѣнковъ самыхъ дѣйствій*, каковы напр. совершаемость или же исполненность, начинательный оттѣнокъ и др. Видовые оттѣнки значенія выражались частію—какъ мы видѣли—совмѣстно съ категоріей времени (срв. греч. ἔλειπον || ἔλιπον), частію же путемъ словопроизводства (срв. греч. φέρω „несу" || φορέω „ношу"). Соотвѣтственно этимъ двумъ различнымъ способамъ выраженія и самые оттѣнки не одинаковы: въ первомъ случаѣ различается преимущественно совершаемость или же исполненность, тогда какъ во второмъ оттѣнки представляютъ значительное разнообразіе (напр. повторяемость, начинательность и др.), при чемъ они относились обычно только къ системѣ настоящаго времени, т. е. къ дѣйствію непосредственно наблюдаемому и потому легко воспринимаемому въ качественныхъ оттѣнкахъ, хотя со временемъ на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей и эти глаголы стали получать полное спряженіе. Мы разсмотримъ теперь видовые оттѣнки второго рода, выражавшіеся помощью суффиксовъ, и прослѣдимъ ихъ параллельно по двумъ типамъ спряженія—тематическому и нетематическому, при чемъ ограничимся лишь главнѣйшими разрядами:

1) λείπω „оставляю", εἶμι „иду"; въ первомъ примѣрѣ, принадлежащемъ къ т е м а т и ч е с к о м у спряженію, основа наст. времени состоитъ изъ корня въ *первомъ полномъ* видѣ, съ удареніемъ на корнѣ, + (плюсъ) тематическій гласный,

при чемъ основа выражаетъ простую совершаемость дѣйствія, между тѣмъ какъ аористъ того же глагола, содержащій корень въ краткомъ видѣ, выражаетъ уже исполненность (срв. *ἔλιπον, λιπεῖν*). Но имѣются и въ настоящемъ времени основы съ *слабымъ видомъ* корня (напр. мьрж и др.) при удареніи на тематическомъ гласномъ; вѣроятно этотъ способъ образованія основы наст. времени, напоминающій тематическій аористъ и потому называемый аористическимъ, первоначально служилъ для обозначенія краткости дѣйствія (срв. скт. tudámi „толкаю", гдѣ корень въ краткомъ видѣ и удареніе на тематическомъ гласномъ), хотя въ рядѣ случаевъ мы уже не обнаруживаемъ этого оттѣнка. Въ нетематическомъ спряженіи удареніе не имѣетъ такой роли, такъ какъ тамъ съ различіемъ ударенія было связано различеніе единств. числа отъ двухъ другихъ (срв. скт. émi „иду" || imáḥ „мы идемъ").

2) *μί-μν-ω* „остаюсь" (*К. μεν-*), *πίμ-πλη-μι* „наполняю". Данный глагольный разрядъ, встрѣчающійся въ тематическомъ и нетематическомъ спряженіи, характеризуется удвоеніемъ съ гласнымъ *i*, а въ тематическомъ спряженіи еще и *слабымъ видомъ* корня; съ такимъ типомъ образованія основы наст. времени былъ связанъ по-видимому оттѣнокъ усиленія (*μίμνω*—„упорно остаюсь", Verbum intensivum) и повторяемости и постепеннаго наростанія или кумулятивности дѣйствія (*πίμπλημι*).

3) *φθείρω* изъ **φθερ-ἰω* „гублю". Здѣсь основа наст. времени седержитъ корень въ *первомъ полномъ* видѣ + суф. -ἰĕ-/-ἰŏ-; такимъ образомъ, настоящій разрядъ принадлежитъ къ тематическому типу и представляетъ мягкую разновидность по отношенію къ первому разряду, при чемъ имѣются также примѣры и съ *краткимъ видомъ* корня при первоначальномъ удареніи на суффиксальномъ слогѣ, напр. *βαίνω* „иду" изъ *g²m̥-ἰó. Въ какомъ отношеніи къ этимъ двумъ

варіаціямъ даннаго мягкаго разряда находятся такія различія въ латинскомъ, какъ capio—capĕre || venio—venīre и ст.-сл. колѭ—клати || мьнѭ—мьнѣти,—вопросъ пока не достаточно разъясненъ. Въ спряженіи нетематическомъ соотвѣтствующаго разряда не имѣется.

4) *τέμ-νω* „рѣжу“, *δείκ-νῡ-μι* „показываю“. Въ составъ разряда входятъ основы тематическаго и нетематическаго типа, содержащія въ суффиксѣ элементъ *n* въ разнообразномъ соединеніи съ другими звуками, вслѣдствіе чего этотъ разрядъ представляетъ нѣсколько разновидностей. Изъ различныхъ оттѣнковъ значенія, встрѣчающихся въ глаголахъ даннаго разряда, отмѣтимъ—начинательный (срв. греч. *ὄρνυμι* „поднимаю“, рус. глохну и т. п.), достигательный или заключительный (срв. *ἄρνυμαι* „получаю, пріобрѣтаю“), однократный (рус. стукну и др.).

5) Основы съ суф. -skĕ-/-skŏ- извѣстны только въ тематическомъ типѣ, напр. *βά-σκω* „иду, шагаю“, лат. adolesco „выростаю“. Въ рядѣ случаевъ глаголы даннаго разряда имѣютъ значеніе достигательное, изъ котораго уже, думаютъ, возникало начинательное, какъ напр. въ лат. adolesco и т. п., затѣмъ широко распространившееся въ этомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Можно указать еще рядъ суффиксальныхъ элементовъ при образованіи основъ наст. времени, напр. *-dhĕ-/-dhŏ-, *-tĕ-/-tŏ- и т. п., но здѣсь уже трудно уловить какой-либо спеціальный видовой оттѣнокъ значенія.

6) Глаголы *производные* отъ глаголовъ или же именъ, принадлежащіе всѣ къ спряженію тематическому, съ оттѣнками виновловнымъ (Verba causativa и factitiva) и итеративнымъ или повторительнымъ (Verba iterativa); срв. ст.-сл. боудити (V. causativum по отношенію къ бѫдѣти), *χρυσόω* „золочу“ (V. factitivum), *φορέω* „ношу“ (V. iterativum по отношенію къ *φέρω*).

Обзоръ личныхъ окончаній глагола въ аріо-европейскихъ языкахъ. [1])

Давъ самыя общія понятія о спряженіи, мы обратимся къ обзору личныхъ окончаній глагола, при чемъ прежде всего установимъ ихъ классификацію. Личныя окончанія неодинаковы для дѣйствительнаго залога (Activum) и средняго (Medium). Основнымъ видомъ окончаній мы будемъ считать тотъ, который они имѣютъ въ изъявительномъ наклоненіи; при этомъ оказывается три варіаціи по временамъ: I—личныя окончанія *настоящаго* времени (т. наз. первичныя), II—*историческихъ* или *прошедшихъ* временъ (т. наз. вторичныя), III—*перфекта*. Что касается другихъ наклоненій, то сослагат. наклоненіе представляетъ нѣкоторую неустойчивость, особенно въ санскритѣ, гдѣ оно имѣетъ частью окончанія наст. вр., частью прошедшихъ, отчасти же (напр., во 2 и 3 ед. Activi) способно принимать тѣ и другія, что можетъ указывать на сравнительно позднюю выработку формальной стороны этого наклоненія; желательное наклоненіе получило окончанія прошедшихъ временъ. Кромѣ изъявительнаго наклоненія только повелительное имѣетъ нѣкоторыя свои особыя окончанія, могущія поэтому быть прибавленными въ качествѣ особой группы къ указаннымъ тремъ варіаціямъ личныхъ окончаній глагола.

---

[1]) По вопросу о личныхъ окончаніяхъ глагола см.: Brugmann K. Zur Geschichte der Personalendungen (Morph. Untersuch. I. 133 сл.). Его же Zur griech. u. germ. Praesensflexion, въ I. F. XV 126—127; Zur Bildung der 2. Person Akt. in den indogerm., insbes. baltischen Sprachen, въ I. F. XVII 177—186. Hirt Ueber den Ursprung der Verbaflexion im Indogerm., въ I. F. XV 36—84. Meyer G. Griechische Grammatik §§ 442—472. Whitney Indische Grammatik §§ 542—553. Брандтъ Р. О личныхъ наставкахъ славянскаго глагола (см. его Грамматическія замѣтки, вып. 1, 1882 г.). Фортунатовъ Ф. Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ (Изв. Акад. Наукъ, т. XIII, 1908 г., кн. 2, стр. 1—44). Щерба Л. Къ личнымъ окончаніямъ въ латинскомъ и другихъ италійскихъ діалектахъ (Ж. М. Н. П. май, стр. 201—208).

Теперь мы должны обратиться къ сравнительно-грамматическому разсмотрѣнію самыхъ окончаній.

Activum.

1. singularis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	а) bhár-āmi б) dádāmi ás-mi	φέρ-ω δίδω-μι εἶ-μί	fero ! sum	беР-ж да-мь ѥс-мь	*-ō *-mi
II	а) ábhar-am б) ádadā-m ā́s-am	ἔφερ-ον ἐδίδω-ν ἦα ἦ(ἦν)	ferebam	пад-ъ рѣ-х-ъ	*-ŏ-m *-m(*-m̥)
III	uvā́c-a dadā́u (вед. dadā́)	δέδορκ-ᾰ δέδωκ-ᾰ	(vīd-ī)	(вѣд-ѣ)	*-ă

1 ед. **настоящаго** времени изъяв. накл. въ санскритѣ оканчивается на *-mi* не только въ нетематическомъ спряженіи (ás-mi „есмь", ḗ-mi „иду", dádā-mi „даю"), но и тематическомъ (bhárāmi „несу"), въ сослагательномъ же наклоненіи въ обоихъ типахъ спряженія въ ведійскомъ нарѣчіи встрѣчается окончаніе *-ā*, соотвѣтствующее греческому *ω*, а кромѣ того -āni (напр. bhárā || bhárāṇi, ásā || ásāni), т. е. съ прибавкою -ni, въ классическомъ языкѣ—только послѣднее.

Въ греческомъ языкѣ разсматриваемая форма настоящаго времени имѣетъ своимъ окончаніемъ въ тематическомъ спряженіи *-ω* (напр. *φέρω*), въ нетематическомъ *-μι* (*εἰμί* „есмь", *εἶμι* „иду", *δίδωμι* „даю"); въ *сослагательномъ* же наклоненіи обоимъ спряженіямъ свойственно одно и то же окончаніе, именно *-ω*. Изъ діалектическихъ особенностей укажемъ на распространеніе по аналогіи окончанія *-μι* въ эолическомъ на т. наз. сокращаемые глаголы (т. е. глаголы

на *-άω -έω -όω*) въ изъяв. накл., напр. *κάλημι φίλημι* и т. п.; у Гомера на основаніи замѣтокъ древнихъ грамматиковъ принимаютъ нѣкоторые случаи сосл. наклоненія на *-ωμι*, напр. *ἐθέλωμι* и др.

Въ латинскомъ языкѣ (fero „несу" || eo „иду", do „даю") совершенно не оказывается такого различія окончаній 1 ед. наст. изъяв., какое извѣстно изъ греческаго, такъ какъ въ этой формѣ спряженіе нетематическое въ латинскомъ языкѣ послѣдовало аналогіи тематическаго, за исключеніемъ лишь глагола *sum*.

Въ старо-славянскомъ, гдѣ также возобладало тематическое спряженіе, обычнымъ окончаніемъ 1 ед. наст. служитъ *-ѫ*, окончаніе же *-мь* нетематическаго спряженія удержалось лишь въ глаголахъ *ѥсмь, дамь, ꙗмь, вѣмь*.

Примѣчаніе. Однако современные славянскіе языки представляютъ здѣсь несходство, при чемъ они могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на двѣ группы—восточную или русскую и западную или прочіе языки: въ русскомъ языкѣ почти исключительно возобладало окончаніе *-у*, окончаніе же *-мъ* или *-м* сохранилось даже въ еще болѣе скудныхъ остаткахъ, нежели въ старо-славянскомъ, прочіе же славянскіе языки въ большей или меньшей степени распространили окончаніе нетематическаго спряженія и могутъ быть расположены въ порядкѣ возрастающаго употребленія окончанія *-т*. Такъ въ современномъ болгарскомъ встрѣчаемъ окончаніе *-ам* въ нѣкоторыхъ изъ глаголовъ, соотвѣтствующихъ русскимъ глаголамъ на *-аю*, именно тѣхъ, гдѣ удареніе предшествуетъ окончанію, напр. *д'ам* («дѣлаю»), при удареніи же окончаніе уже соотвѣтствуетъ русскому, напр. *игра́ј* («игра́ю»). Въ польскомъ языкѣ въ такихъ глаголахъ окончаніемъ является только *-ат*: дифференціаціи, подобно болгарскому, въ польскомъ не могло быть, потому что удареніе, падая всегда на предпослѣдній слогъ, одинаково въ обоихъ случаяхъ; такимъ образомъ окончаніе *-ат* въ польскомъ распространено въ большей степени, нежели въ болгарскомъ. Въ чешскомъ дѣйствіе аналогіи въ томъ же направленіи оказывается еще сильнѣе, чѣмъ въ польскомъ, такъ какъ имѣются уже окончанія: *-áт* и *-íт*. Въ современномъ сербскомъ мы видимъ еще большее распространеніе первоначальнаго окончанія нетематическаго спряженія: тамъ окончаніе *-у* осталось только у четырехъ глаголовъ (хоћу, могу, вељу, виђу), а по памятникамъ можно прослѣдить постепенный ходъ этого движенія. По изслѣдованіямъ Даничича оказывается, что въ древности окончаніе *-у* было ши-

роко распространено въ сербскомъ (т. е. подобно др.-цсл. и соврем. русскому); въ XIII в. встрѣчается уже *-ам* (т. е. подобно соврем. болгар. или польск.), а съ XV в. *-ем* и *-им* (значитъ, съ этого вѣка ведетъ свое начало современное состоянiе разсматриваемой глагольной формы сербскаго языка). Наконецъ, въ словинскомъ уже всѣ глаголы оканчиваются на *-т*. [1])

Мы должны теперь выяснить себѣ, каково было образованiе разсмотрѣнной формы въ *арiо европейскомъ праязыкѣ*. На основанiи того, что въ греческомъ (равно какъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ европейскато отдѣла) въ 1 ед. настоящ. изъявит. существуетъ два личныхъ признака: *-ω* въ тематическомъ или первомъ спряженiи и *-μι* въ спряженiи нетематическомъ или второмъ, принимаютъ, что и въ праязыкѣ арiо-европейскомъ для той же формы имѣлись два соотвѣтствующихъ личныхъ суффикса *-ō и *-mi. Однако такому заключенiю противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ индоиранскихъ языкахъ въ обоихъ спряженiяхъ имѣется *-mi*. Противорѣчiе это стараются разрѣшить предположенiемъ, что въ индоиранскихъ языкахъ *mi* въ тематическое спряженiе перешло путемъ аналогiи изъ второго или нетематическаго спряженiя.

Въ **прошедшихъ** или **историческихъ** временахъ окончанiемъ 1 ед. въ санскритѣ служитъ *-m* какъ въ тематическомъ, такъ и въ нетематическомъ спряженiи (срв. impf.

---

[1]) Изъ сдѣланнаго обзора славянскихъ языковъ не трудно усмотрѣть соотношенiе между употребленiемъ разсмотрѣнныхъ окончанiй и моментомъ географической смежности: русскiй языкъ съ одной стороны и западный отдѣлъ южныхъ языковъ (т. е. сербскiй съ словинскимъ) съ другой составляютъ противоположность; болгарскiй и польскiй, какъ непосредственные сосѣди русскаго языка, представляютъ соотвѣтственно слабое распространенiе окончанiя *-т* (они представляютъ ту стадiю, которую проходилъ сербскiй около XIII в.); чешскiй языкъ, занимающiй географическое положенiе между польскимъ языкомъ и западными задунайскими, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ посредствующее между ними положенiе и по распространенности окончанiя *-т* въ 1 ед. (напоминая состоянiе сербскаго языка передъ XV в.).

ábhara-*m* „я несъ" || aor. ásthā-*m* „я всталъ"). Если же въ нетематическомъ спряженіи основа оканчивается согласнымъ, то окончаніе является въ видѣ -*am* (напр. ás-*am*, impf. отъ ásmi „есмь"), при чемъ оно нѣкоторыми учеными возводится къ *m̥, особенность же рефлекса, т. е. -*am* вм. ожидаемаго -*a*, объясняется концомъ слова; другіе же видятъ здѣсь прибавку -*m* къ -*a* (изъ *m̥) по аналогіи къ тематическому спряженію. Подобнымъ образомъ и въ случаѣ предшествующихъ дифтонговъ (срв. áy-*am* „я шелъ", ákarav-*am* „я дѣлалъ"; при этомъ второй компонентъ древняго дифтонга консонантизовался).

Въ греческомъ языкѣ въ прошедшихъ временахъ встрѣчаемъ окончаніе -*ν* въ тематическомъ и частію (въ положеніи послѣ гласныхъ звуковъ) нетематическомъ спряженіи (*ἔφερο-ν*, *ἔστη-ν*); въ послѣднемъ послѣ согласныхъ, а также дифтонговъ окончаніемъ служитъ -ᾰ (*ἔλεξ-α* „я сказалъ" — аор. отъ *λέγω* „говорю"; гомср. impf. *ἦ-α* или атт. слитная форма *ἦ* „я былъ" [1]) отъ К. *ἐσ-*; *ᾖ-α* „я шелъ" — impf. отъ глагола *εἶμι* „иду"; эпич. *ἔχευ-α* или атт. *ἔχεα* — aor. отъ К. *χευ-* „лить"), восходящее къ ae. -m̥. [2]) Въ желательномъ наклоненіи тематическаго спряженія въ 1 ед. вмѣсто окончанія прошедшихъ временъ окончаніемъ является сверхъ ожиданія -*μι* (напр. *φέροι-μι*), обязанное вліянію аналогіи (см. стр. 206).

Старо-славянскія аористическія образованія типа падъ (1 ед. аор. отъ падѫ — пасти), двигъ (отъ двигнѫти) принадлежатъ къ тематическому типу; *по аналогіи* къ нимъ получилъ окончаніе -ъ вм. ожидаемаго ⁺-ѧ и сигматическій

---

[1]) Параллельная форма ἦ-ν получила -ν по аналогіи.

[2]) Образованія греч. аориста легко сгруппировать по двумъ типамъ: 1) ἔλιπ-ο-ν — темат. аористъ, и 2) ἔλυσ-α (гдѣ -α изъ *m̥) — нетемат. аор. Форма ἔπεσ-ον обязана распространенію окончанія по аналогіи изъ тематическаго аориста на сигматическій, представляя смѣшеніе (контаминацію) изъ обоихъ: къ основѣ нетемат. аориста присоединено окончаніе тематическаго.

аористъ, напр. бодѫ—басъ, рекѫ—рѣхъ (т. е. подобно греч. образованію *ἔπεσον*), хотя нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ окончаніи (-ъ) сигматическаго аориста *фонетическое* отраженіе ае. *-m̥ (подобно окончанію *-am* въ санскритѣ).

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что для *аріо-европейскаго праязыка* мы должны предположить *-*m*, какъ единственное окончаніе прошедшихъ временъ, на почвѣ нѣкоторыхъ вѣтвей (греч., балт., слав.) перешедшее въ -*n*; кромѣ того, это ае. *-*m* при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ становилось слогообразующимъ.

Въ 1 ед. перфекта имѣется окончаніе -ă въ санскритѣ (uvắca „я сказалъ") и греческомъ. [1]) Въ латинскомъ языкѣ (въ немъ произошло смѣшеніе между perf. и aor., такъ что въ perf. встрѣчаемъ аористическую примѣту s-, напр. sumpsi) въ 1 ед. перф. имѣется своеобразное окончаніе -ī, которое никакъ нельзя роднить съ окончаніями санскритскимъ и греческимъ; оно фонетически соотвѣтствуетъ санскрит. окончанію Medii, напр.: лат. tutud-ī=скт. tutud-ē; лат. ded-ī=скт. dad-ē. Подобнымъ образомъ и ст.-слав. -ѣ въ единичной формѣ вѣд-ѣ (срв. „аминь глѭ вамъ, *не вѣдѣ* васъ"=греч. *οὐκ οἶδα*, Остром. Ев. Мѳ. XXV, 12) отражаетъ собою медіальное окончаніе (вообще же въ славянской языковой области категорія перфекта вышла изъ употребленія; ея отголосокъ можно видѣть также въ формѣ вѣмь, гдѣ въ корнѣ находимъ гласный перфекта, иначе эта форма настоящаго времени звучала бы +вимь, срв. литов. véizdmi). Оставляя въ сторонѣ формы латинскую и ст.-сл., мы можемъ возвести санскритское и греческое окончанія къ ае. *-ă.

[1]) Въ глаголахъ второго спряженія отъ корней на долгій гласный *ā* данная форма имѣетъ въ санскритѣ еще не достаточно разъясненное окончаніе -*āu*, напр. dadāú. При этомъ указываютъ еще единичные случаи окончанія -*ā* въ Ригведѣ. Въ греческомъ языкѣ такому санскритскому -*āu* соотвѣтствуетъ -ω; срв. dadāu=δέδω-κα; aṣṭ*āu* или aṣṭ*á* (Ригв.)=ὀκτώ, dv*āu* или dv*ā*=δώ-δεκα; N. A. V. du. dēv*āu* или вед. dēv*ā́*=греч. -ω.

2. singularis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ие.
I	bhárasi dádāsi	φέρ-εις δίδως	legis	берешн дасн	*-si
II	ábharaḥ ádadāḥ	ἔφερ-ες ἐδίδως	legebas	падеѧ	*-s
III	vétthа	οἶσθα	vīd-is-ti	—	*-thă

Во 2 ед. **настоящаго** времени **санскритъ** имѣетъ окончаніемъ *-si* (на мѣсто котораго послѣ узкихъ гласныхъ, а также согласныхъ *r* и *k*, развилось *-ši*); напр. bháras*i* „несешь", é*ši* „идешь". Что касается **греческаго** окончанія въ первомъ спряженіи *-εις* (*φέρ-εις*), то раньше его объясняли (Курціусъ) изъ **-ε-σι*, откуда съ эпентезою (вставкою) *ι* послѣ *ε*, подъ вліяніемъ *-ι* въ окончаніи, будто бы получилось **-ει-σι*, а затѣмъ *-εις* вслѣдствіе отпаденія конечнаго *ι* (хотя по звуковымъ законамъ греческаго языка ожидалось бы исчезновеніе междугласнаго *σ*). Въ настоящее время это объясненіе оставлено, такъ какъ оно опирается не на общіе звуковые законы греческаго языка, а на придуманные *ad hoc*—спеціально для даннаго частнаго случая. По общимъ же звуковымъ законамъ изъ **-ε-σι* должно было получиться **-ει*, [1]) но такъ какъ 2-ое лицо безъ *σ* могло казаться недостаточно характернымъ, то и присоединилось еще окончаніе *-ς*, взятое по аналогіи отъ историческихъ временъ.

---

[1]) Впрочемъ, въ виду литовскаго окончанія въ данной формѣ -i (изъ дифтонгическаго ė), нѣкоторые считаютъ и греческій дифтонгъ ει въ окончаніи -ει-ς, подобно указанному литовскому, отраженіемъ особаго праязыкового окончанія (*-ei).

Эту прибавку вторичнаго окончанія находимъ во всѣхъ діалектахъ и можемъ отнести ко временамъ греческаго праязыка. На латинское -s надо смотрѣть также какъ на окончаніе, перешедшее по аналогіи изъ прошедшихъ временъ и вытѣснившее первичное. Старо-славянскія формы на -ши (си) представляетъ медіальное окончаніе. На основаніи изложеннаго необходимо предположить для *аріо-европейскаго праязыка* первичное окончаніе *-*si*.

Что касается окончанія **прошедшихъ** временъ (и желат накл.), то данныя аріо-европейскихъ языковъ указываютъ на праязыковое *-s; срв.: скт. ábhar-a-ḥ ⩧ греч. *ἔφερ-ε-ς* ⩧ ст.-сл. нес-є (съ конца исчезло -s); скт. bhár-ē-ḥ (желат. накл.) ⩧ греч. *φέρ-οι-ς* ⩧ ст.-сл. бер-и (повел. накл., конечное s исчезло).

Въ **перфектѣ** санскритъ удержалъ свое особое окончаніе 2 ед., -*tha*, тогда какъ въ греческомъ языкѣ соотвѣтствующее окончаніе -*θα* уцѣлѣло лишь въ обломкахъ, срв. скт. vēt-tha ⩧ греч. *οἶσ-θα* ⩧ гот. vais-t; вообще же въ греч. перфектѣ распространилось окончаніе -*ας*. Въ латинскомъ окончаніи -*is-ti* конечное -*ti*, соотвѣтствующее окончаніямъ греческому и санскритскому, получилось вм. *-*ta* по аналогіи къ 1 ед. (vīdis-*tī* имѣетъ на концѣ -ī вм. -ă по аналогіи къ vīd*ī*); что же касается согласнаго s, предшествующаго этому окончанію -tī, то оно представляетъ собою пережитокъ аористическаго образованія. Приведенные факты приводятъ къ предположенію для *ае. праязыка* окончанія *-*tha*.

Во 2 ед. повелительномъ наклоненія тематическаго спряженія собственно говоря окончаніе отсутствуетъ, такъ какъ конечное -ĕ (скт. bhár-*a* ⩧ греч. φέρ-ε ⩧ лат. ag-e) отражаетъ собою тематическій гласный, подобно конечному -ĕ въ Зв. ед. второго склоненія; въ спряженіи нетематическомъ или также окончаніе отсутствуетъ (срв. греч. ἔξ-ει «выходи» ⩧ лат. ex-ī; скт. stṛnu «распростирай» ⩧ греч. στόρνῡ), или же признакомъ формы служитъ скт. -dhi (или -hi) ⩧ греч. -θι, напр.: скт. çru*dhí* «слушай» ⩧ греч. κλῦ-θι; скт. i-*hí* «иди» ⩧ ἴ-θι.

3. singularis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	bhárati dádāti	φέϱ-ει δίδω-σι	legit dat	береть дас-ть	*-ti
II	ábharat ádadāt	ἔφεϱ-εᴧ ἐδίδω	legebat	падеᴧ	*-t
III	dadárç-a uvác-a	δέδοϱκ-ε	(vīd-it)	—	*-ĕ

Обычное окончаніе 3 ед. настоящаго времени можно видѣть изъ примѣровъ: скт. bhár-a-*ti*=ст.-сл. бер-є-ть; скт. ás-*ti*=гр. ἔσ-*τι*=ст.-сл. ѥс-ть. Всѣ эти формы предполагаютъ праязыковое окончаніе *-*ti*.

Формы 3 ед. греческаго тематическаго спряженія φέϱει, ἄγει и пр. представляютъ собою новообразованіе по аналогіи ко 2 ед. того же времени подъ вліяніемъ соотношенія между окончаніями тѣхъ же лицъ въ историческихъ временахъ и желат. накл., т. е.

ἔφεϱες : ἔφεϱε=φέϱεις : *x*
x=φέϱει.

Латинское окончаніе -*t* въ настоящемъ времени вѣроятно происходитъ отъ прошедшихъ временъ.

Паннонскіе памятники старо-славянскаго языка вм. окончанія -ть (извѣстнаго изъ памятниковъ русской редакціи, напр. изъ Остромирова Ев.) представляютъ окончаніе -тъ. Въ немъ обычно видятъ результутатъ отвердѣнія конечнаго -ть, хотя отвердѣніе этого звукосочетанія въ другихъ случаяхъ не встрѣчается (срв. видитъ, носитъ... || благодѣть, милость...); поэтому правильнѣе видѣть здѣсь отра-

женіе другого первоначальнаго окончанія нежели *-ti (срв. 3 ед. повел. скт. bhára-*tu*), при возможномъ вліяніи мѣстоименія **тъ** (срв. окончаніе 1 мн. -мы). [1])

Праязыковымъ окончаніемъ 3 ед. **историческихъ** временъ было *-*t*, какъ это видно изъ санскрита и латинскаго; въ греч. и славянской языковыхъ областяхъ конечное -*t* исчезло согласно фонетическимъ законамъ. Примѣры: скт. Impf. ábhar-a-*t*=греч. *ἔφερ-ε*=ст.-сл. нєс-є; скт. Optat. syá-*t*= греч. *εἴη*=древне-лат. sie-*d*.

Въ 3 ед. **перфекта** санскритское окончаніе -*a* соотвѣтствуетъ греческому -*ε* (тогда какъ въ 1 ед.=греч. *ᾰ*), вмѣстѣ съ которымъ восходитъ къ праязыковому *-*ĕ*; срв. скт. véd-a=греч. *ϝοῖδ-ε*=гот. wait (гдѣ конечный гласный исчезъ).

Латинскій языкъ въ разсматриваемой формѣ имѣетъ на концѣ -*t*, которое можно объяснить вліяніемъ прошедшихъ временъ, тѣмъ болѣе, что въ латинскомъ перфектѣ произошло смѣшеніе съ аористомъ.

3 ед. повелит. накл. оканчивается въ санскритѣ на -*tu*; другое окончаніе -tāt, имѣющее родственныя въ другихъ языкахъ, встрѣчается въ текстахъ веды главнымъ образомъ въ смыслѣ 2 ед., рѣже—3 ед. и 2 мн. Это окончаніе восходитъ къ ае. *-tōd и повидимому первоначально служило для передачи повелѣнія вообще, которое могло относиться ко 2-му и 3-ему лицамъ всѣхъ чиселъ (что имѣло слѣдствіемъ въ греч. и лат. наращеніе для нѣкоторыхъ лицъ ради дифференціаціи новыми окончаніями). Примѣры: скт. вед. váh-a-tād=греч. *ϝεχ-έ-τω*=лат. veh-i-tō.

---

[1]) Срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А., Подробная программа лекцій (1881) стр. 189—191. Акад. Фортунатовъ въ указанной выше спеціальной статьѣ выводитъ окончаніе -ТЪ въ 3 ед. аор. (откуда перешло и въ наст. вр.) изъ указательнаго мѣстоименія, которое присоединилось еще въ литво-слав. эпоху. Однако -ts въ 3 ед. изъ балтійскихъ языковъ встрѣчается только въ прусскомъ и совершенно не извѣстно ни изъ литовскаго, ни изъ латышскаго. При такомъ положеніи вещей мнѣ кажется болѣе правильнымъ взглянуть на слав. окончаніе -ТЪ какъ на такое, которое въ славянской языковой области возникло независимо отъ сходнаго явленія въ прусскомъ языкѣ. Въ формахъ 3 ед. и мн. наст. вр. безъ -ТЪ Фортунатовъ видитъ утрату окончанія, которую относитъ ко временамъ балтійско-славянскимъ (несе=лит. nẽša).

Dualis.

Категорія двойственнаго числа уже утратилась съ теченіемъ времени въ большинствѣ аріо-европейскихъ языковъ, частію же утрачивается (напр. въ славянской языковой области сохраняется только въ нѣкоторыхъ діалектахъ). При этомъ процессѣ, представляющемъ собою проявленіе аналитизма, надо отмѣтить нѣкоторое согласіе между именами и глаголами: утрата или сохраненіе двойств. происходитъ параллельно въ именахъ и глаголахъ, соотвѣтственно *синтаксической* связи подлежащаго со сказуемымъ. [1])

Въ *санскритѣ* личныя окончанія двойств. числа слѣдующія: а) первичныя—1 л. *-vaḥ*, 2 л. *-thaḥ*, 3 л. *-taḥ*, б) вторичныя—1 л. *-va*, 2 л. *-tam*, 3 л. *-tām*. Въ перфектѣ 2 и 3 дв. имѣютъ на концѣ *-r*, перешедшее изъ 3 мн. Въ повелит. накл. 2 и 3 дв. имѣютъ окончанія одинаково съ желат. наклоненіемъ, т. е. историческихъ временъ.

Въ *греческомъ* языкѣ отсутствуетъ особое личное окончаніе для 1 дв., замѣнившись окончаніемъ соотвѣтствующаго лица множ. числа. Что касается двухъ другихъ лицъ, то они представляютъ слѣдующія окончанія: а) первичныя 2 и 3 дв. *-τον*, б) вторичныя 2 дв. *-τον* и 3 дв. *-την*; перфектъ имѣетъ первичныя окончанія; повелит. наклоненіе представляетъ во 2 дв. одинаковое окончаніе съ предъидущими формами того же лица, т. е. *-τον*, а въ 3 дв. оканчивается на *-των*.

Въ *латинскомъ* языкѣ двойственное число отсутствуетъ, но нѣкоторые въ окончаніи 2 мн. *-tis* видятъ соот-

---

[1]) Этому обобщенію не противорѣчитъ то, что въ *готскомъ* языкѣ двойств. число исчезло въ именахъ, но держалось еще въ глаголахъ; въ послѣднемъ оно сохранялось лишь въ дѣйств. залогѣ для 1 и 2-го лица, т. е. въ діалогической рѣчи, въ связи съ чѣмъ и личныя мѣстоименія 1 и 2-го лица, какъ соотвѣтствующія подлежащія, тоже сохраняли двойств. число; въ 3-мъ же лицѣ глаголовъ, какъ и въ именахъ, служащихъ субъектомъ именно для 3-го лица глаголовъ, формы двойств. числа уже отсутствуютъ.

вѣтствіе первичному окончанію 2 дв. санскрита, другіе же допускаютъ тутъ преобразованіе первоначальнаго окончанія 2 мн. *-*tĕ*, получившаго на концѣ *s* подъ вліяніемъ окончанія 1 мн., при чемъ это *-tes вслѣдствіе неударенности измѣнилось въ -tis. Я считаю однако болѣе правильнымъ видѣть въ **лат.** окончаніи результатъ *дифференціаціи* съ повелит. накл., полученный путемъ *аналогіи* къ тому различію, которое существовало между этими наклоненіями въ соотвѣтствующемъ лицѣ ед. ч.; срв.:

lеg*e* (2 ед. повел.) : lеg*is* (2 ед. наст.)=legi*te* : *x*
x=legi*tis*.

Въ старо-славянскомъ языкѣ имѣемъ случай вліянія мѣстоименныхъ и даже именныхъ формъ, стоящихъ въ роли подлежащаго, на видъ глагольныхъ окончаній: 1 двойств. -ва (м.) || -вѣ (ж.), 2 и 3 дв. -та (м.) || -тѣ (ж. и ср.), при чемъ послѣднее различіе по родамъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, тогда какъ первое создалось только въ позднѣйшую пору.

1. Pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ае.
I	bhárāmaḥ dad-máḥ	-μεν дорич. -μες	-mus	-мъ(-мы↑)	*-mēs || *-mōs (*-mēn || *-mōn)
II	ábharāma ádad-ma				*-mĕ
III	dadṛçimá ūcimá				*-mĕ

Для 1-аго множ. въ санскритѣ первичнымъ окончанiемъ является *-maḥ*, а вторичнымъ *-ma*. Однако въ ведахъ кромѣ *-maḥ* чаще видимъ въ формахъ наст. вр. окончанiе *-masi*, а въ авест. первичнымъ окончанiемъ служитъ только *-mahi* при вторичномъ *-ma*. Въ виду того, что изъ *-masi* не могло произойти -mas, такъ какъ *-i* при предшествующемъ согласномъ на концѣ словъ въ индо-иранской языковой области не исчезало, нужно или признать оба окончанiя (*-masi* и *-mas*) исконными, или же считать исконнымъ только *-mas*, объясняя конечное *i* въ формѣ *-masi* какъ прибавленное по аналогiи къ другимъ лицамъ, окончанiя которыхъ имѣли *i* своимъ исходнымъ звукомъ (срв. формы ед. ч. и 3 мн.). Греческiй языкъ пользуется однимъ и тѣмъ же окончанiемъ въ качествѣ первичнаго и вторичнаго; такимъ окончанiемъ въ дорическомъ нарѣчiи служитъ *-μες*, въ другихъ же *-μεν*. Подобнымъ образомъ и латинскiй языкъ имѣетъ только одно окончанiе *-mus*, для котораго въ качествѣ исходной формы принимаютъ **-mŏs*; если это послѣднее окончанiе сопоставить съ греч. дорич. *-μες*, то будемъ имѣть случай неодинаковаго распредѣленiя ае. *ĕ ‖ *ŏ въ отдѣльныхъ языкахъ (срв. въ 3-емъ скл. Р. ед. ст.-сл -є ‖ греч. *-ος*). Въ старо-славянскомъ видимъ окончанiе -мъ (окончанiе -мы по аналогiи къ соотвѣтствующему личному мѣстоименiю); изъ современенныхъ славянскихъ языковъ соотвѣтствующее окончанiе *-м* встрѣчаемъ въ русскомъ и частiю болгарскомъ, чешскомъ и иногда польскомъ, окончанiе *-my* видимъ въ польск. и луж., въ нѣкоторыхъ же слав. языкахъ встрѣчаемъ отраженiе ае. *-mēs или же *-mōs, а именно *-me* (-ме) въ чеш. и болгарскомъ, *-mo* (-мо) въ сербскомъ и словинскомъ (также въ словацкомъ и малорусскомъ).

2. pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	bhháratha dat-thá				*-the
II	ábharata ádat-ta	-τε	-tis	-тє	*-te
III	dadr̥ç-á ūc-á				*-a[x]

Первичнымъ окончаніемъ 2-го множ. въ **санскритѣ** служитъ *-tha*, а вторичнымъ *-ta* (въ перф. *-a*, срв. vid-*á* противъ греч. *ἴσ-τε*). Языки не-индоиранскіе частію отражаютъ только одно окончаніе ае. *-tĕ, съ которымъ въ нихъ могло совпасть фонетически и ае. *-thĕ; срв. скт. bhá-ra*tha* = греч. *φέρετε* = ст.-сл. берєтє; желат. скт. bhárē*ta* = греч. *φέροιτε* = ст.-сл. берѣтє. Въ латинскомъ языкѣ *-te* имѣется только въ повел. накл., въ прочихъ же случаяхъ окончаніе *-tis*, о которомъ уже говорилось раньше (стр. 199).

3. pluralis.

	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.	ae.
I	а) bháranti б) sánti dád-ati	дор. *φέροντι* атт. *φέρουσι* дор. *ἐντί*, атт. *εἰσί* дор. *δίδοντι* атт. *διδόασι*		бер-ѫть сѫть(↑) дад-ѧть	*-ŏ-nti *-énti *-nti(-n̥ti)
II	а) ábharan б) ā́san ádaduḥ	*ἔφερ-ον* гом. *ἦεν ἦν* *ἔδιδον*	-nt	бѣахѫ дашѧ	*-ŏ-nt *-ént *-nt(*-n̥t)
III	dadr̥çúḥ ūc-úḥ	дельф. *κατεστάκατι* гом. *πεφύκασι*		—	*-r̥

Что касается окончаній 3 множ., то въ первомъ или тематическомъ спряженіи первичнымъ окончаніемъ было *-*nti*, а вторичнымъ *-*nt* (срв. 3 мн. наст. скт. bhára*nti* ≠ греч. дорич. *φέροντι* атт. *φέρουσι* ≠ лат. ferunt ≠ ст.-сл. берѫть; 3 мн. impf. скт. ábharan ≠ греч. *ἔφερον*, ст.-сл. падѫ „они пали“— съ утратою конечнаго t); во второмъ или нетематическомъ спряженіи въ основахъ на согласный первичнымъ окончаніемъ подъ удареніемъ было *-*énti*, вторичнымъ *-*ént*[1]) (скт. s*ánti* „суть“ ≠ греч. дорич. *ἐντί*, атт. *εἰσί*; ā́s*an* „они были“ 3 мн. impf. ≠ греч. гомеров. *ἦεν* или *ἦν*), при неударенности же первичное окончаніе являлось въ видѣ *-n̥ti, а вторичное въ видѣ *n̥t (срв. ст.-сл. дад-ѧть ≠ скт. dád-*a*ti, при чемъ скт. *a* въ окончаніи и ст.-сл. ѧ восходятъ къ ае. *n̥; вторичное окончаніе находимъ въ формѣ аориста дашѧ, гдѣ съ конца исчезло -t еще въ праславянскомъ).[2])

Въ *перфектѣ* санскритъ представляетъ особое окончаніе -úḥ изъ *-r̥, родственное которому находимъ въ иранской вѣтви: авест. -arə.

Въ повелит. накл. санскритъ отражаетъ въ тематическомъ спряженіи ае. окончаніе *-ntu, а въ нетематическомъ *-éntu ‖ *-n̥tu, распредѣ-

---

[1]) Раньше въ этихъ окончаніяхъ Бругманъ предполагалъ первоначальный ударенный носовой слогообразующій.

[2]) Что касается глаголовъ нетематическаго спряженія съ основою въ полномъ видѣ на долгій гласный (въ чередованіи съ слабымъ видомъ основы), то, въ виду нѣкоторой неясности въ происхожденіи ихъ окончанія въ 3 мн., мы ограничимся приведеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ; срв: скт. dád*ati* «они даютъ» ≠ греч. дорич. δίδοντι, атт. διδόᾱσι; скт. dádh*ati* ≠ дорич. τίθεντι, атт. τιθέᾱσι. Въ санскр. формахъ неударенное окончаніе 3 мн. -*ati* очевидно происходитъ изъ *-n̥ti и фонетически ему должно соотвѣтствовать въ греческомъ окончаніе дорич. -ᾰτι, іон.-атт. -ᾱσι, которыя и встрѣчаемъ діалектически въ перфектѣ (дельф. καθεστάκατι, гом. πεφύκασι); въ такомъ случаѣ формы δίδοντι, τίθεντι могутъ быть новообразованіями вм. *δίδατι, *τίθατι. Что касается атт. формы на -ᾱσι, то это окончаніе первоначально могло возникнуть въ такихъ случаяхъ, какъ атт. φᾱσι (при дорич. φαντί) изъ *φανσι, т. е. получилось ᾱ подобно тому, какъ въ Вин. множ. перваго склоненія.

лявшіяся аналогично съ разсмотрѣнными первичными и вторичными; срв. bhár-a-ntu, s-ántu, dád-atu. Греческій и латинскій образовали новое окончаніе -ντω⫩ntō путемъ пропорціональной аналогіи:

amat : amant=amatō : *x*
x=amantō.

Medium.

При разсмотрѣніи личныхъ окончаній средняго залога мы ограничимся приведеніемъ формъ санскрита и греческаго, такъ какъ въ латинскомъ и старо-славянскомъ уцѣлѣли лишь отдѣльные случаи пережитковъ формъ Medii (другихъ языковыхъ вѣтвей аріо-европейскаго семейства въ настоящемъ краткомъ обзорѣ мы не касаемся), какъ напр.: лат. 1 sg. pf. tutud*ī*⫩скт. tutud*é*; ст.-сл. вѣдѣ, вѣси. Если приводимыя формы съ первичнымъ или вторичнымъ окончаніями въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ взаимно соотвѣтствуютъ по окончанію, то между ними мы будемъ ставить знакъ ⫩.

1 sg.: praes. bhár-*ē*; греч. -*μαι*.
impf. ábhar-*e*, аор. ábhṛš-*i*; греч. -*μην* (дорич. -*μᾱν*).
2 sg.: praes. bhár-a-*sē*⫩*φέρ-ε-αι* (изъ **φέρ-ε-σαι*)→*φέρῃ*.
impf. ábhar-a-*thāḥ*, греч. *ἐφέρ-ε-ο* (изъ **ἐφέρ-ε-σο*)→*ἐφέρου*; греческому окончанію -*σο* соотвѣтствуетъ авест. -*ha*.
3 sg.: praes. bhár-a-*tē*⫩*φέρ-ε-ται*; ç*é*-tē⫩*κεῖ-ται* „лежитъ“.
impf. ábhar-a-*ta*⫩*ἐφέρ-ε-το*.
1 du. praes. bhár-ā-*vahē* / impf. ábhar-ā-*vahi* } греч.=1 plur.
2 du. praes. bhár-*ē-thē* / impf. ábhar-*ē-thām* } греч. -*σθον*.
3 du. praes. bhár-*ē-tē*; греч.=2 du.
impf. ábhar-*ē-tām*; греч. -*σθην*.

1 pl. praes. bhár-ā-*mahē* (*h* въ окончаніи изъ **dh*, срв. авест. *-maide*)≠*φερ-ό-μεθα*. [1])

impf. ábhar-ā *mahi*≠*μεθα* (изъ ае. **mĕdhə*).

2 pl. praes. bhár-a-*dhvē* } греч. *-σθε* [2])
impf. ábhar-a-*dhvam* }

3 pl. praes. bhar-a-*ntē* ≠ *φέρ-ο-νται*; çáy-atē [3]) „лежатъ“≠гом. *κέ-αται* (окончанія скт. -atē и греч. *-αται* изъ *-ntai).

impf. ábhar-a-*nta* ≠ *ἐφέρ-ο-ντο*; çáy-ata [3]) „они лежали“≠гом. *κέ-ατο* (окончаніе *-ntŏ).

Обзоръ дѣйствія аналогіи въ глаголѣ.

а) Аналогія матеріальная.

Распространеніе вида основы съ однихъ лицъ на другія въ томъ же времени:

δοίην (жел. накл.): *ι* явилось по аналогіи ко множ. и двойств. (*δοῖμεν*...) и къ формамъ Medii (*δοίμην*...), такъ какъ должно было чувствоваться существеннымъ для желат. накл.

---

[1]) Конечный гласный не соотвѣтствуетъ; однако при сравненіи окончаній средняго залога въ санскритѣ и греческомъ нужно имѣть въ виду, что санскритъ уоднообразилъ въ этомъ отношеніи свои окончанія, которыя во всѣхъ лицахъ трехъ чиселъ наст. времени имѣютъ одинаковый исходный гласный е.

[2]) Окончаніе -σθε, -σθον, -σθην пріобрѣли σ передъ θ(=*dh) путемъ переразложенія въ формахъ отъ корней, заканчивавшихъ на -σ или T звукъ, напр. скт. ás-tē «сидитъ»≠греч. ἧσται, á-dhvē (s исчезло передъ dh) 2 мн. ≠ἧσθε, и т. п

[3]) Въ корневомъ слогѣ мы видимъ распаденіе дифтонга передъ *a* изъ *n (çá|ya|te, çá|ya|ta); слѣдов., процессъ *n→а предшествовалъ процессу измѣненія дифтонга въ монофтонгъ. Это относится и къ гомеровскимъ формамъ, при чемъ i̯ между гласными исчезло.

ἦα „я шелъ“ вм. *ἤα - графическая аналогія къ другимъ лицамъ того же времени (ср. ἤμεν...).

φημί, φησί—удареніе по аналогіи къ двойств. и множ.

ἴμεν, ἴτε—удареніе по аналогіи къ ед. числу.

Распространеніе вида основы съ одного **времени** или **наклоненія** на другое время или наклоненіе:

πέφευγα вм. *πέφουγα—по аналогіи къ наст. времени.

Появленіе въ основѣ новыхъ **чередованій** и звуковъ вслѣдствіе ошибочнаго отнесенія слова въ другую группу:

τέτροφα (отъ τρέπω)—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался придыхательнымъ согласнымъ.

ἤνυσμαι вм. *ἤνυτμαι—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ кончался на σ, черезъ посредство 3 ед., 2. 3 дв. и 2 мн.

πέπλευσμαι, ἐπλεύσθην: σ вторичнаго происхожденія.

Матеріальная аналогія въ denominativ'ныхъ глаголахъ:

βασιλεύω: по-видимому имѣется случай сохраненія υ между гласными, но онъ можетъ быть объясненъ аналогіей къ производящему имени въ Имен. падежѣ, т. е. βασιλεύς<βασιλεύω.

б) Аналогія формальная.

Распространеніе окончанія извѣстнаго лица изъ одного **залога** въ другой:

-шн (-сн): ѵьтєшн, вѣсн — предполагается медіальное окончаніе.

-ī (лат. перф.)—предполагается также перенесеніе изъ Medium'а (=скт. -ē).

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія того же лица и того же времени изъ одного **типа** въ другой:

скт. bhárāmi вм. ожидаемаго *bhárā, срв. греч. φέρω.

болг. д'ала*м*, *пол.* kocha*m*, *чеш.* volá*m*, chvalí*m*, *серб.* играм, хвалим, плетем . . .—аналогія къ глаголамъ типа дамь.

эол. φίλημι, δοκίμωμι—по аналогіи къ нетематическому спряженію.

δίδοσαι вм. *δίδῳ—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался согласнымъ.

μεμάχ-ημαι—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ кончался на -η.

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія изъ одного **наклоненія** въ другое:

φέροιμι (желат.)—распространеніе окончанія изъяв. накл наст. вр. второго спряж. на желат. накл. перваго спряж., хотя желат. наклоненію свойственны окончанія прошедшихъ временъ. Распространеніе произошло благодаря одинаковости нѣкоторыхъ окончаній въ этихъ наклоненіяхъ (-τον, -μεν, -τε) и, быть можетъ, уже послѣ возникновенія 2 ед. наст. времени формъ съ окончаніемъ прошедшихъ временъ -ς.

-θα у Гомера въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается распространившимся изъ изъявит. накл. на соотвѣтствующее лицо сослагательнаго и желательнаго (см. G. Meyer Griechische Gram. § 451).

Распространеніе въ томъ же залогѣ, типѣ и наклоненіи окончанія изъ одного **времени** въ другое:

берѫ вм. ожидаемаго *бера—по аналогіи къ прош. врем., berā° + m.

φέρεις (вм. *φερει←*φέρεσι), δίδως (вм. *δίδῳ←*διδωσι)—по аналогіи къ прошедшимъ временамъ, т. е. φέρει + ς δίδω + ς, а затѣмъ путемъ дальнѣйшей аналогіи и въ третьемъ лицѣ перваго спряженія появились формы въ видѣ φέρει, ἄγει и пр.

ἔφησθα и др.—окончаніе перешло изъ перф.

λεγόντω-ν (3 мн. повел.): *-ν* прибавилось по аналогіи къ соотвѣтствующему лицу прошедшихъ временъ.

-m, -s, -t, -nt въ лат. наст. врем. являются распространеніемъ изъ прошедшихъ временъ.

Распространеніе окончанія изъ одного числа на ту же форму другого числа:

-μεν въ первомъ лицѣ двойств. числа.

Вліяніе мѣстоименныхъ и даже именныхъ формъ, стоящихъ въ роли подлежащаго, на видъ глагольныхъ окончаній (аналогія между *частями рѣчи*):

-вѣ || -вѣ (1 двойств.), -та || -тѣ (2. 3. двойств.).

-мы вм. -мъ—по аналогіи къ мѣстоименной формѣ мы.

Примѣчаніе. Дѣйствіе аналогіи не ограничивается распространеніемъ отдѣльныхъ окончаній на мѣсто другихъ. Путемъ аналогіи могутъ смѣшиваться и исчезать цѣлыя категоріи формъ наклоненія, времени, числа и пр. (ср. въ слав. распространеніе формъ желат. накл. на мѣсто повел.; далѣе, въ слав. утерялась категорія перфекта, а въ лат. она смѣшалась съ образованіями аориста; двойственное число обычно вытѣсняется множественнымъ; благодаря аналогіи нерѣдко слова одного флексійнаго типа переходятъ постепенно въ другой, что можетъ повести къ полному исчезновенію извѣстнаго типа въ языкѣ). Но, вызывая упрощенія во флексіи языка, аналогія способствуетъ и созданію новыхъ категорій; ср. развитіе путемъ аналогіи цѣлаго ряда глагольныхъ формъ времени въ греч., напр. перф. на *-κα*, перф. «съ аспираціей», аор. II стр. на *-ην* (напр. *ἐτράπην* и т. п.), или въ слав. и литов. богатую категорію «видовъ» глагола.

Цѣна 2 рубля 50 коп.

2011096063